

ТРУМБУЛЛ ХИГГИНС

ГИТЛЕР И СТРАТЕГИЯ
БЛИЦКРИГА. ТРЕТИЙ
РЕЙХ В ВОЙНЕ НА ДВА
ФРОНТА. 1937-1943

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ**

Trumbull Higgins

**HITLER
AND
RUSSIA**

THE THIRD REICH IN A TWO-FRONT WAR

1937—1943

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ**

Трумбулл Хиггинс

**ГИТЛЕР
И СТРАТЕГИЯ
БЛИЦКРИГА**

ТРЕТИЙ РЕЙХ В ВОЙНЕ НА ДВА ФРОНТА

1937—1943

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(0)62
Х42

Серия «За линией фронта. Военная история»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Хиггинс Т.
Х42 Гитлер и стратегия блицкрига. Третий рейх в войне на два фронта. 1937—1943 / Пер. с англ. Л.А. Иго-ревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. — 253 с. — (За линией фронта. Военная история).

ISBN 978-5-9524-4564-2

Подробно рассматривая план по стремительному захвату СССР и его крушение, Т. Хиггинс, известный американский историк, рассматривает ряд причин его провала. Основываясь на подлинных документах, дневниках, письмах и мемуарах военных деятелей — Гальдера, Еременко, Хойзингера и других участников событий, Хиггинс делает вывод о том, что Гитлер и Сталин, являясь несомненными лидерами внутри своих стран, во внешней политике допускали большие просчеты. Об этом свидетельствуют сталинские репрессии, обескровившие Советскую армию, и отход страны к изоляционизму 1939—1941 годов, ослабившие позицию СССР на мировой арене. А также постепенный уход Гитлера от реального видения событий и нежелание хоть в чем-то изменить свои планы.

В книге представлены и причины затягивания союзниками открытия второго фронта, и их политика в отношении нацистской Германии и Советского Союза.

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(0)62

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2009
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2009

ISBN 978-5-9524-4564-2

Памяти Мэри Пинчот Мейер

Только война с Россией есть война революционной Германии, война, в которой Германия может искупить грехи прошлого, обрести зрелость и освободиться, освободив других.

Маркс и Энгельс, 1848 г.

Потому что именно на востоке лежит наше будущее, и мы оттесним силу и влияние России за те границы, от которых, только благодаря слабости и разобщенности прежних времен, она сумела продвинуться так медленно и так уверенно, <...> чтобы работать на нашу погибель.

Император Франц-Иосиф

Я ненавижу славян. Я знаю, что это грех, <...> но просто не могу сдержаться.

Кайзер Вильгельм II

Мы завершим бесконечное стремление немцев на юг и на запад Европы и устремим свои взоры на восток. <...> Если говорить о новых территориях в Европе сегодня, можно иметь в виду только Россию и граничащие с ней вассальные государства.

Гитлер, 1924 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во время сравнительно мирного периода, когда в открытых обществах Запада генералы автоматически считаются ошибающимися, и немецкие генералы в особенности, удобно обращаться к такой теме, как стремление Гитлера покорить Советский Союз. Здесь, по крайней мере, общественность Запада может согласиться, что таким общепризнанным монстрам в области государственной политики, как Гитлер и Сталин, возможно, несколько не хватало стратегических талантов. Хотя, конечно, было бы слишком смело ожидать аналогичного при-

знания военной неполноценности политических героев Запада.

То, что Черчилль некогда именовал главными и решающими фронтами войны, обычно имело плохие отклики в прессе. В действительности люди чаще ненавидят войну за горькие истины, которые она обнажает, чем за ее слишком уж очевидное зло. Но в войне, как и в любом другом аспекте социальной жизни человека, некоторым армиям и некоторым генералам приходится выполнять грязную работу — наносить поражение главным силам противника и платить высокую цену за такие трудные победы человеческими жизнями и материальными ресурсами. Можно не сомневаться, что имена таких командиров — это скорее Грант, чем Шерман, Блюхер, чем Веллингтон, Жуков, чем Эйзенхауэр. Тем не менее неопровержимым остается тот факт, что во Второй мировой войне Восточный фронт был главным и решающим театром военных действий против немцев, театром, на котором, как и в 1914—1918 годах во Франции, был переломлен хребет немецкой армии.

Помимо рассмотрения причин и развала бесславно-го крестового похода Гитлера на Советский Союз, автор затрагивает и два известных провала коалиции союзников против нацистской Германии: катастрофический советский отход к изоляционизму 1939—1941 годов и тесно связанную с ним тему сравнительного бессилия Запада в сухопутной войне до 1944 года. И хотя повествование не претендует на исчерпывающую полноту в части исходных данных, особенно с советской стороны, материалов, касающихся периода после завершения великой Сталинградской кампании в 1943 году, еще меньше у всех воюющих сторон. Поэтому предлагаемая читателю оценка великой стратегии завершается окончательным крахом попытки Гитлера покорить Советский Союз в феврале 1943 года.

Автор хотел бы выразить свою бесконечную признательность за помощь в работе сотрудникам исторических подразделений кабинета министров в Лондоне и Государственного департамента в Вашингтоне, национальных

архивов и, в особенности, ведомства военной истории американской армии. Я также благодарен ученым, которые нашли время прочитать мою рукопись и высказать критические замечания, выказав рвение и преданность делу, которые могут объясняться только исключительной важностью темы.

Т. Х.

Фашизм одерживает победу за победой и находит свою главную поддержку... в сталинизме. Страшные военные опасности стучат во все двери Советского Союза, и Сталин выбрал этот момент, чтобы разрушить армию и раздавить нацию.

Троцкий, 1938 г.

Англо-французская буржуазия ставит нам западню: идите-ка, любезные, воевать теперь, мы от этого великолепно выиграем. Германцы вас ограбят, «заработают» на востоке, дешевле уступят на западе, а кстати, и советская власть полетит. Воюйте, любезные «союзные» большевики, мы вам поможем.

Ленин, 1918 г.

Вы знаете, что я как странник, который должен пересечь бездну по острию ножа. Но я должен, я просто должен.

Гитлер, сентябрь 1939 г.

Таким образом, факт заключения договора с Россией воплощает в себе объявление следующей войны. Ее исходом станет конец Германии.

Гитлер, 1924 г.

Глава I

СТРАСТНАЯ ДРУЖБА

1918 г. — 3 сентября 1939 г.

В 1915 году, впечатляющем году первых немецких побед Первой мировой войны в Польше, генерал Ганс фон Зеект, словно используя язык будущего фюрера, писал: «Сепаратный мир с Францией и Бельгией на основе *status quo*. Затем все наземные силы против России. Покорение двадцати тысяч километров, изгнание населения, кроме, конечно, немцев. ...У нас есть силы сделать это, и мы втянуты в ситуацию, которая в части крови и разрушений

оставит *Völkerwanderung*¹ далеко позади, поэтому давайте и вести себя по обычаям периода *Völkerwanderung*».

Пятью годами (изрядно поспособствовавшими исчезновению всяческих иллюзий) позже Зект, теперь руководитель военного управления — тайного преемника немецкого Генерального штаба, запрещенного Версальским договором, писал: «Только в тесном сотрудничестве с великой Россией у Германии есть шанс восстановить свое положение как мировой державы. ...При этом не имеет значения, нравится нам или не нравится новая Россия. Наша политика должна быть одинаковой по отношению к царской России или государству под управлением Колчака или Деникина». А в 1922 году в официальном меморандуме немецкого канцлера Зект провел свою новую и более сдержанную точку зрения, объявив: «Восстановление широкой общей границы между Россией и Германией есть предварительное условие обретения заново сил обеих стран. Россия и Германия в границах 1914 года! Это должно стать основой достижения понимания между двумя странами». Четвертый раздел Польши теперь стал кульминацией имперских мечтаний все еще слабой Германии, и при этих условиях традиционное прусское дружелюбие по отношению к своему великому восточному славянскому соседу автоматически подтверждалось заново.

Лидеры нового большевистского режима в России определенно не испытывали особых иллюзий по поводу столь радикального сдвига в немецкой политике. Когда весной 1918 года генералы Макс Хоффман и Эрих Людендорф навязали грабительские условия Брест-Литовского мира, лишив Советскую Россию почти половины ее производственных ресурсов, Ленин сдержал яростный протест против таких условий в рядах его собственной большевистской партии, заявив: «Политика революционной фразы должна быть кончена. ...Армия изнемогла, армия жаждет мира, на фронте идет стихийная демобилизация. Нужна передышка, нужен отдых для подъема масс». При этом Ленин призна-

¹ Великое переселение народов (нем.). (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.)

вал, что мирная передышка, скорее всего, будет короткой и необходимо готовиться к борьбе. С таким же реализмом тремя годами позже, в декабре 1920 года, Ленин сделал вывод, что Германии нужна месть, а России необходима революция. Пока цели совпадают. Когда же пути разойдутся, немцы станут самыми яростными и непримиримыми врагами русских. А что именно поднимется на руинах Европы, германское господство или коммунистическая федерация, покажет время.

Если после 1918 года Дэвид Ллойд Джордж больше всего боялся, что «страстная дружба» Германии и России даст большевикам средства к достижению мирового господства, Ленина в то время заботило, что благодаря молчаливому пониманию западные державы предпримут совместное с Германией предприятие против пока еще непрочного Советского государства. Конечно, ярому противнику большевизма генералу фон дер Гольцу потребовалось удручающе много времени, чтобы отказаться от немецкого контроля за балтийскими государствами после поражения Германии в 1918 году, и влиятельные фигуры во Франции и Германии, такие как маршал Фердинанд Фош и генерал Макс Хоффман, выступили за совместное предприятие против того, что они, как и Уинстон Черчилль, в то время британский госсекретарь, считали коммунистической чумой на востоке. Однако мы видели, что послевоенная политика фон Зекта отбросила стремления романтиков правого крыла немецкой армии, таких как фон дер Гольц, и что именно в сотрудничестве со своим собратом по несчастью — такой же жертвой Версальского договора — СССР Зект видел возрождение силы Германии за счет Польши.

После завершения русско-польской войны в марте 1921 года Ленин официально обратился к немецкой армии за помощью в реорганизации и модернизации Красной армии. Зект оперативно создал организацию в рамках немецкого военного министерства, которая занималась разработкой программы обучения и промышленного производства для немецкой армии в России. Начиная с 1922 года и до прихода Гитлера к власти немцы обучали красноармейцев использовать танки, отравляющие газы

и самолеты и в процессе этого разрабатывали более современную материальную часть для себя, причем на советской территории, вдали от глаз вездесущих версальских инспекторов. До 1931 года немецкий военный атташе в Москве полковник Эрнст Кестринг мог докладывать домой, что «наши взгляды и методы проходят через их взгляды, как красная нить».

В мае 1933 года, через несколько месяцев после назначения Гитлера рейхсканцлером, в Москву прибыла делегация высокопоставленных чинов немецкой армии. Ее приветствовал советский комиссар обороны Клим Ворошилов, высказавший надежду, что узы, связывающие армию Германии и Красную армию, останутся нерушимыми. Однако по приказу Гитлера летом и осенью 1933 года советско-германское военное сотрудничество прекратилось, и, к нескрываемому сожалению Ворошилова и его заместителя, генерала М.Н. Тухачевского, все немецкие базы на территории СССР были ликвидированы.

В марте 1933 года генерал Тухачевский не умерил своих стараний, выразив благодарность немецкой армии за «решающую» помощь Красной армии. Годом позже на традиционном банкете в честь годовщины Октябрьской революции пылкий нацист, военный министр Вернер фон Бломберг в последний раз произнес тост за Красную армию. Договор *de facto*¹ Веймарской республики и России был наконец прекращен, и, несмотря на предостережения Верховного командования немецкой армии, гитлеровский рейх стал на фатальный путь Второго рейха, по которому он следовал после увольнения Бисмарка в 1890 году.

Осенью 1936 года отношения между нацистской Германией и Советским Союзом достигли самой низкой точки за весь межвоенный период. На съезде нацистской партии в Нюрнберге 12 сентября 1936 года Гитлер заявил: «Если бы мы имели в своем распоряжении неисчислимые богатства и природные ресурсы Уральских гор, а также бескрайние плодородные равнины Украины, <...> под руководством нацистской партии наш немецкий народ

¹ Фактически (лат.).

купался бы в изобилии». Пятью днями позже маршал Ворошилов в Киеве заверил украинцев, что Красная армия будет готова в любом месте и в любое время, когда ему вздумается обратить свои безумные атаки на советскую территорию.

В действительности советский режим был куда менее уверен в своей способности противостоять быстро растущему могуществу нацистского рейха, несмотря на утроение производства танков и самолетов за период 1934—1937 годов и почти такое же увеличение выпуска артиллерийских орудий и винтовок. Как заявил в своей речи в Академии вермахта в 1937 году немецкий посол в России граф Фридрих фон дер Шуленбург, в основе советской политики лежат два убеждения: первое — что поражение царской России в Первой мировой войне стало следствием отсутствия соответствующей военной промышленности, второе — что русские и уважают, и боятся «вселяющего страх могущества немецкого народа». Далее Шуленбург предупредил, что сомневается в способности идущих чисток советского Верховного командования нанести ущерб военной мощи русских надолго, хотя, конечно, они временно ослабят СССР.

Объяснения беспрецедентного «кровопускания» внутри советского офицерского корпуса в 1937—1938 годах даются разные. В любом случае тем или иным наказаниям подверглись около половины офицеров советской армии — от казни до разжалования и заключения под стражу. Среди них следует отметить трех из пяти маршалов, большинство генералов и, что самое трагичное, почти всех офицеров, имевших бесценный опыт недавних войн в Испании и на Дальнем Востоке. Одновременно возродился введенный от безысходности революционный аппарат времен Гражданской войны в России — назначение во все военные подразделения политических комиссаров для контроля над командирами.

После знаменитой речи Никиты Сергеевича Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 году советское правительство больше не говорило о личной вине казненных и разжалованных офицеров. В течение нескольких лет многие круп-

ные военные фигуры, начиная с маршала Тухачевского, были реабилитированы посмертно или выпущены из лагерей. Кстати, многие были освобождены еще при Сталине и успели принять участие во Второй мировой войне. Вероятнее всего, большая чистка могла начаться при подстрекательстве злого гения нацистской партии Рейнхарда Гейдриха (который сфабриковал свидетельства продолжающегося сотрудничества между немецким и советским Генеральными штабами). Однако довольно скоро и Сталин, и Гитлер увидели в этих предполагаемых свидетельствах возможность устранить противников в рядах своих генералов. В 1944 году, после неудачного покушения на свою жизнь, Гитлер жестоко пожалел о том, что не подверг свой офицерский корпус чистке перед войной, как это сделал его советский противник. К несчастью для фюрера, запоздавшая чистка 1944 года напрямую повлияла на ход военных операций.

Вероятно, самым серьезным последствием советских чисток, которые вскоре были с революционным и самоубийственным эгалитаризмом расширены на все основные области советского общества, было то, что зарубежные страны в дальнейшем имели тенденцию недооценивать продолжающиеся увеличиваться ресурсы советской военной машины. В итоге ни французское, ни британское правительство, ни Генеральные штабы этих стран не были склонны принимать всерьез перспективу альянса с Советским Союзом, да и немцы не слишком опасались возможных советских контрмер, во всяком случае на протяжении ряда лет. По словам главнокомандующего французской армией генерала Мориса Гамелена, которые отражали популярное на Западе мнение в тот момент, «у старой русской армии теперь есть материальная часть. Но что можно ожидать от этой армии после того, как ее генералов и офицеров предавали смерти тысячами». От явной переоценки царской России в 1914 году политически консервативные генералы французской армии перешли к очевидной недооценки коммунистической России в 1938—1939 годах, причем последствия этого для Франции были еще более бедственными.

Хотя в 1934 году после смерти Гинденбурга Гитлер, приняв на себя обязанности президента Германии, потребовал от офицерского корпуса Германии принести ему клятву верности, до 1938 года, как сказано в послевоенном свидетельстве фельдмаршала фон Бломберга, у офицеров и так не было причин выступать против Гитлера. Одновременно со своими многочисленными публичными признаниями в стремлении к миру фюрер реализовывал широкомасштабную программу вооружения и роста вермахта, что отвечало самым сокровенным желаниям немецких военных лидеров. После губительно легкой оккупации Рейнской области в марте 1936 года Гитлер ускорил реализацию программы перевооружения Германии значительно больше, чем хотелось бы его консервативным сторонникам. В августе 1937 года он принял отставку министра экономики Шлахта, чтобы позволить Герману Герингу провести реорганизацию государства и создать к 1940 году военную экономику. Тем не менее, несмотря на цветистые угрозы свиноподобного шефа люфтваффе пожертвовать маслом ради пушек, к 1940 году Геринг на практике произвел подготовку только к ограниченной войне. Эта ограниченная война основывалась на политически популярной программе подъема жизненного уровня населения вкупе с опасно скромной программой вооружения, во всяком случае для требований всеобщей, тотальной войны.

К 5 ноября 1937 года, параллельно с решением начать строительство Западного вала в Рейнской области, чтобы обезопасить себя от возможного нападения французов, Гитлер бросал все более нетерпеливые взгляды на восток, стремясь добиться, как он утверждал, в лучшем случае временного превосходства рейха в вооружении. К ужасу армейской части его избранной аудитории, Гитлер утверждал, что его цель — определить, где Германия может «завоевать больше, заплатив самую низкую цену». Если цели фюрера все еще зависели от недорогой войны, Гитлер назвал 1943—1945 годы последней датой завершения его программы завоеваний; после этого срока Германия могла ожидать только изменений к худшему в своем положении

относительно потенциальных противников. Гитлер предвидел, что англичане, так же как и, вероятнее всего, французы, уже молча списали со счетов Чехословакию, а любую военную помощь чехам со стороны СССР, хотя она является маловероятной из-за японской военной угрозы на Дальнем Востоке, можно предвосхитить скоростью немецких военных операций в Богемии.

Каким бы ни был смысл этой широко обсуждаемой речи, записанной полковником Хоссбахом из личного военного штаба Гитлера, она огорчила не только военную часть аудитории, но также гитлеровского министра иностранных дел барона Константина фон Нейрата, который являл собой нечто вроде дипломатического фасада, уцелевшего с куда менее агрессивных времен Веймарской республики. При поддержке главнокомандующего армией генерала Вернера фон Фрича и начальника штаба армии генерала Людвига Бека Нейрат жаловался, что вся его внешняя политика вытеснена программой, которая, как были убеждены осторожные генералы, вовлечет Германию в большую войну раньше, чем будет завершено ее перевооружение (то есть в 1943—1946 годах). В январе 1938 года Нейрат встретился с Гитлером и сказал ему, что, если тот будет и далее проводить свою новую политику, ему придется найти себе нового министра иностранных дел для ее претворения в жизнь.

Гитлер, уже давно мнивший себя «великим стратегом нового типа, будущим величайшим военачальником, значительнее которого еще не знала история», решил не просто сделать то, что посоветовал Нейрат, но и избавиться заодно от пессимистов из Верховного командования армии. Поэтому 4 февраля 1938 года Гитлер объявил, что отныне и впредь будет «лично осуществлять непосредственное командование всеми вооруженными силами». И он не только уволил Фрича и Бломберга по вымышленным или сфабрикованным обвинениям, но и принял на себя обязанности военного министра, как и его будущие великие соперники во Второй мировой войне Уинстон Черчилль и Иосиф Сталин, и прямое командование над армией, авиацией и флотом.

Поскольку Герман Геринг, теперь ставший фельд-маршалом, и адмирал Эрих Редер, командовавший военно-морским флотом, были весьма сговорчивыми подчиненными, фюреру оставалось только найти преемника для Фрича. Им стал весьма нерешительный субъект генерал Вальтер фон Браухич, занявший пост командующего армией. Чтобы усилить влияние Гитлера на стратегию, командующим только что созданным Oberkommando der Wehrmacht (ОКВ) — ОКВ — органом, призванным заниматься планированием взаимодействия между родами войск, — был назначен еще более раболепный армейский офицер. Речь идет о генерале Вильгельме Кейтеле. Начальник штаба ОКВ генерал-майор Альфред Йодль был тоже страстным поклонником фюрера, но человеком значительно более умным и сообразительным, чем Кейтель.

После некоторых колебаний, благодаря вмешательству генерала Йодля, Людвигу Беку было позволено остаться на должности начальника штаба армии. Вероятнее всего, так получилось в основном из-за большого недоверия Гитлера к его вероятному преемнику Францу Гальдеру — римскому католику, что, по мнению фюрера, было грехом почти таким же отвратительным, как преданность Бека более традиционным лютеранским ценностям прусского Генерального штаба. Более того, Гитлер имел веские основания с неприязнью относиться к офицерам, которые, как он сказал позже, имели «преувеличенно теоретические мозги». Поэтому он с удовлетворением следил, как Йодль создает свой оперативный штаб, как средство понижения армейского Генерального штаба до еще более низкого, хотя и не тайного, статуса, до которого он был повергнут диктатом Версаля. С другой стороны, как и Фрич, меланхоличный Бек выказывал не больше веры в такие революционные тактические инновации, как танковые дивизии, к коим были благосклонны все нацистские генералы, чем в революционные методы фюрера в политике и стратегии.

Когда чистка министерства иностранных дел и Верховного командования армии была практически завершена, Гитлер наконец оказался в ситуации, когда мог сде-

лать политически популярный шаг — аншлюс Австрии. Это было сделано в марте 1938 года с применением лишь угрозы силы, вопреки растущему противодействию многих высокопоставленных офицеров такому повороту событий. Нервный шеф абвера адмирал Вильгельм Канарис выразил именно такое мнение, когда приветствовал своего австрийского коллегу словами: «Но почему же вы, парни, не стреляли? Тогда бы капрал [Гитлер] понял, что все не может идти так вечно. Как еще можно вразумить человека?» В Генеральном штабе бывшего капрала сравнивали со шведским королем Карлом XII, безрассудным монархом XVIII века, в конце концов уничтожившим имперские притязания Швеции в катастрофической кампании на Украине.

5 марта генерал Бек направил очередной тревожный меморандум новому командующему армией генералу Браухичу. В нем он подчеркнул, что, в случае нападения Германии на Чехословакию, пока еще слабый рейх столкнется с враждебностью англичан и французов, которых поддержит Америка и Советский Союз. В действительности, как вскоре осознал Гитлер, безусловно наделенный некоторым политическим чутьем, британское общественное мнение не позволит правительству рисковать войной, даже если вероятность такого развития событий 1:100. Да и у Франции вряд ли было желание штурмовать немецкие фортификационные сооружения на западе ради спасения одного из своих мелких союзников на востоке. Американцы мучительно старались решить проблему войны, сохранив нейтралитет. Кроме того, британский посол в России недавно сообщил в Лондон свое мнение, хотя не исключено, что он принял желаемое за действительное, что советское правительство не имеет намерения ввязываться в войну с Германией только для того, чтобы помочь Чехословакии. И в любом случае Красная армия не лучше подготовлена к ведению наступательной войны за границами своей страны, чем французская.

После проведения чехами частичной мобилизации 20—21 мая Гитлер впал в ярость, настоящую или притворную. 28 мая он проинформировал командующих войсками и

министерство иностранных дел, что Чехословакию следует «стереть с карты мира» посредством военных действий, причем сделать это еще до октября 1938 года, а строительство фортификационных сооружений против Франции и расширение вермахта необходимо ускорить. Чтобы успокоить потрясенных генералов, фюрер заверил их, что день расчетов с Западом еще впереди — он наступит года через три-четыре. Бек немедленно ответил, что фюрер быстро движется к «непригодным для обороны позициям», которые могут «решить судьбу Германии». Йодль, в свою очередь, отметил, что конфликт между интуицией фюрера и расчетами армии снова обострился.

В конце июля, в своем последнем обращении к Браухичу против риска войны с Чехословакией, Людвиг Бек потребовал встречи всего Верховного командования армии в надежде, что планы Гитлера вызовут массовую отставку генералов. Несмотря на то что большинство генералов на закрытом совещании 4 августа поддержали Бека, Гитлер сумел подавить зарождающийся бунт Генерального штаба, применив ловкую дипломатическую тактику по отношению к политикам Великобритании и Франции. Но как неодобрительно выразился в своем дневнике генерал Йодль, Генеральный штаб все же чувствовал ответственность за жизненно важные политические решения, поскольку ему недоставало веры в «гений фюрера».

В результате в конце августа 1938 года в отставку подал только один Бек. Чувствуя себя в полной безопасности после англо-французской капитуляции в Мюнхене в сентябре, Гитлер уволил еще нескольких человек из числа тех, кто, как он подозревал, были самыми активными заговорщиками среди армейских генералов. Как и Браухич, Франц Гальдер — более сговорчивый преемник Бека на должности начальника штаба — не был склонен доводить заговор против Гитлера до точки, когда необходимо было начинать действовать, учитывая ошеломляющую политическую победу последнего в области дипломатии, всегда несколько чуждой для генералов.

Хотя Гитлер был разочарован в своем стремлении к небольшой войне против Чехословакии, его мимолетное

огорчение было ничем по сравнению с унижением и страхом отсутствовавшей в Мюнхене великой европейской державы — Советского Союза. Давно опасавшийся именно такого урегулирования вопросов между капиталистическими странами Запада параноидальный менталитет коммунистического режима теперь имел достаточно оснований для вывода, что советский сад очень скоро станет самым лакомым кусочком в меню, подготовленным для задыхающегося от жадности фюрера внешне любезными государственными деятелями Лондона и Парижа.

Хотя в 1938 году у западных держав не было причин считать, что за сильной официальной советской линией поддержки Чехословакии последуют активные действия в случае войны, не могло быть сомнений в том, что разочарование русских относительно Мюнхенского соглашения было настоящим, даже в то время. Горькое замечание Владимира Потемкина, заместителя советского министра иностранных дел Максима Литвинова, высказанное им 4 октября 1938 года, то есть сразу после Мюнхена, французскому послу, отражает истинную советскую позицию намного точнее, чем последующее сталинское полуизвинение на Ялтинской конференции в 1945 году. Пожаловавшись, что западные страны намеренно исключили СССР из мюнхенских переговоров, Потемкин не смог совладать с эмоциями, и якобы он крикнул французскому послу Робберу Кулондру: «Мой бедный друг, что же вы наделали? Теперь я не вижу другого выхода для нас, кроме четвертого раздела Польши».

Пятью месяцами позже, 10 марта 1939 года, в речи XVIII партийному съезду сам Сталин подкрепил «крик души» Потемкина предупреждением, важность которого была должным образом оценена, по крайней мере в Берлине, если не в Лондоне. Отметив статьи в западной прессе, касающиеся предполагаемой слабости советской армии и военно-воздушных сил, Сталин сказал: «...можно подумать, что районы Чехословакии были сданы Германии в качестве платы за обязательство начать войну против Советского Союза». Далее Сталин сделал вывод, что Россия должна быть осторожной и не позволять другим

странам использовать ее для того, чтобы таскать для себя каштаны из огня.

Реакция Гитлера на новую позицию Сталина проявилась через пять дней. 15 марта, несмотря на недавнее Мюнхенское соглашение, он оккупировал Прагу и оставшуюся часть чехословацкого государства. Хотя 17 марта в Великобритании премьер-министр Чемберлен наконец открыто спросил, не последует ли за этой акцией Германии другой акт агрессии против маленького соседа, он никак не желал отказываться от своих прежних взглядов, что явствует из его личной переписки с сестрой. Подчеркивая проведение им политики уступок, Чемберлен писал: «Я должен признаться в своем глубочайшем недоверии к России. Я не верю в ее способность вести эффективные наступательные операции, даже если она захочет. Я не доверяю ее мотивам, которые, по моему мнению, не связаны с нашим пониманием свободы и направлены только на то, чтобы рассорить, натравить друг на друга всех остальных. Более того, ее ненавидят и подозревают даже небольшие государства, в первую очередь Польша, Румыния, Финляндия».

Тем не менее, опасаясь немедленного нападения немцев на Польшу и не ожидая соглашения с Советами, которым он так не доверял, и даже согласия французских союзников, 30 марта Чемберлен предложил Польше одностороннюю британскую гарантию защиты против Германии. Это была прихоть, за которой вскоре последовали почти столь же провокационные и несерьезные гарантии для Румынии и Греции. Осужденный в парламенте и Уинстоном Черчиллем и Дэвидом Ллойд Джорджем сей акт открытого вызова, правда слабый, вызвал моментальную ответную реакцию Гитлера, который 3 апреля принял решение напасть на Польшу после 1 сентября того же года. Фюрер был непоколебимо убежден, что советская интервенция для спасения Польши представлялась маловероятной, поскольку такое вмешательство было бы отвергнуто Польшей, вследствие ее страха перед большевизмом. Гитлер также начал рассматривать последующую немецкую оккупацию балтийских государств.

Еще более серьезной была советская реакция на проявление демонстративного пренебрежения со стороны Чемберлена, давшего Польше и Румынии, без договоренности с Советским Союзом, подобные обещания. Когда 16 апреля предложение советского министра иностранных дел Литвинова о создании англо-русско-французского пакта о взаимопомощи не вызвало интереса британской стороны, советский посол в Берлине уже на следующий день проинформировал министерство иностранных дел Германии о том, что нет никаких причин, по мнению советской стороны мешающих нормализации отношений между Советским Союзом и Германией. «И, — добавил советский посол, — из нормальных эти отношения могут становиться все лучше и лучше».

Во время беседы Гитлера с румынским министром иностранных дел Григоре Гафенку, состоявшейся 19 апреля, ярость фюрера в отношении англичан была очевидна. Выразив свое разочарование невозможностью достижения договоренности с Великобританией по польскому вопросу, Гитлер заявил, что, если Англия хочет войны, она ее получит. Причем это будет вовсе не легкая война, как хотелось бы думать англичанам, и она будет не похожей на предыдущую. «Как, — вопрошал Гитлер, — англичане могут представить себе современную войну, если они не могут даже выставить на поле боя две полностью оснащенные дивизии?»

Вскоре Гитлеру предстояло получить ответ на свой вопрос. 27 апреля Чемберлен весьма неохотно объявил воинский призыв — беспрецедентная мера в британской истории. А в параллельном измерении шеф немецкого военно-морского флота гроссадмирал Эрих Редер готовил свои небольшие силы к военно-морской войне с Великобританией, войне, которая, по заверению Гитлера, не должна была начаться раньше 1945 года.

В дальнейшем усиление британских мер против нацистской Германии вело к ослаблению советской реакции. 3 мая советский министр иностранных дел Максим Литвинов был снят правительством со своего поста. Его нееврейский преемник Вячеслав Молотов был в выигрышном

положении с точки зрения восстановления дружественных отношений с Германией, поскольку его имя не ассоциировалось с политикой коллективной безопасности в союзе с западными странами против нацистской экспансии.

Нападки нацистской прессы на Советский Союз прекратились, и англичане встревожились: русские могут оказаться потерянными для Запада. Уинстон Черчилль 4 мая объявил, что больше нельзя терять время на переговоры с Россией, потому что «нет средств для поддержания Восточного фронта против нацистской агрессии без активной помощи России». Официальная советская газета «Известия» 11 мая написала о нехватке взаимности в западной концепции пакта о взаимопомощи, который предоставляет России в одиночестве нести военное бремя против Германии. Уже 19 мая Черчилль, выступив с резкой критикой Чемберлена в палате общин, спросил, почему премьер-министр противится альянсу с Россией в мирное время, который может предотвратить войну, если принимает необходимость соглашения с Советами в военное время. Черчилль, как военный историк, также подробно остановился на последствиях краха России на Восточном фронте для Запада в 1917 году, в результате которого миллион немецких солдат и пять тысяч пушек были переброшены во Францию для последнего отчаянного выступления немцев против британской армии весной 1918 года. Однако Чемберлен все еще предпочитал мир рискованной политике втягивания всей Европы в войну против Третьего рейха ради вероятной выгоды Советского Союза.

Хотя Чемберлен продолжал уклоняться от того, что Черчилль справедливо назвал жестокими фактами, скорее всего, последний даже не подозревал, до какой степени обезумел Гитлер, стремясь любой ценой расширить границы рейха. В речи, обращенной к своим генералам 23 мая, вероятно рассчитанной на то, что благодаря утечкам она испугает Запад, Гитлер заявил:

«Дальнейший успех не может быть достигнут без кровопролития. ...Данциг вовсе не является предметом обсуждения. Это вопрос расширения нашего жизненного пространства на восток, обеспечения нашего снабжения

продовольствием, решения балтийских проблем. Снабжение продовольствием может вестись только из малонаселенных районов. Помимо естественного плодородия, радикальная немецкая эксплуатация многократно увеличит излишки. Другой возможности в Европе нет. <...>

Мы не можем ожидать повторения чешского дела. Будет война. Наша задача — изолировать Польшу. Успех изоляции будет решающим.

Не является невозможным и то, что Россия выкажет отсутствие интереса к разорению Польши. Если же Россия предпримет шаги против нас, наши отношения с Японией могут стать ближе. Война с Англией и Францией будет войной не на жизнь, а на смерть. Идея, что мы можем дешево отделаться, опасна, такой возможности нет. Мы должны сжечь мосты... и приготовиться к войне продолжительностью 10—15 лет».

Согласно подсказке Гитлера о том, что можно надеяться на отсутствие интереса у русских к разорению Польши, в течение следующих двух месяцев длинные осторожные щупальца тянулись из немецкого министерства иностранных дел к Советскому Союзу. Вероятно, более эффективным стимулом к улучшению отношений с Россией было успешное давление нацистов на Финляндию и балтийские государства, чтобы те воздержались от каких-либо оборонительных договоренностей с СССР, как того требовали русские в качестве части платы за пакт с Западом. Русские не видели причин забывать известное объяснение маршала фон Гинденбурга министерству иностранных дел в 1917 году о том, что ему необходимо контролировать балтийские государства для маневрирования левого крыла в будущей войне с Россией.

Не менее осторожно британское министерство иностранных дел продолжало вести переговоры с Советами, поддерживая их на сравнительно низком уровне и выражая полное нежелание сотрудничать с русскими, кроме как на удовлетворительных для поляков условиях. Хотя французы постоянно требовали достичь соглашения с русскими, пока Гитлер не сделал того же самого, британское правительство совершенно не желало давать Совет-

скому Союзу гарантии в балтийских государствах, на которые он рассчитывал. Такие гарантии, вероятнее всего, в перспективе должны были привести к поглощению Советским Союзом малых государств. Британия не могла смириться с предложением России пусть даже неопределенного куска Восточной Европы в качестве платы за альянс с Западом. А немцы обладали решающим преимуществом — они могли предложить русским нейтралитет и, таким образом, время для военной подготовки к началу всеобщей войны.

То, что такой потенциальный дар германского нейтралитета, в противоположность малообещающей перспективе выступления против Германии без помощи западных стран, едва ли был предложением, которое Советский Союз мог легко отвергнуть, видно более отчетливо, если одновременно рассмотреть угрозу альтернативной немецкой сделки с Японией. Японская Квантунская армия в Маньчжурии 28 мая 1939 года возобновила ранее неудачное «прощупывание» советских дальневосточных пограничных регионов в более широком масштабе, чем прежде, на этот раз против советского государства-сателлита — Внешней Монголии. Одновременно, как, вероятно, подозревали русские, японский премьер Киитиро Хиранума начал переговоры с Германией о трансформации Антикоминтерновского пакта 1936 года в более эффективный военный альянс против Советского Союза. Здесь, возможно, более, чем где-либо, лежит источник отчаянной необходимости русских в активном и могущественном союзе с англо-французской коалицией или, в качестве альтернативы, *bona fide*¹ пакте о нейтралитете с гитлеровским рейхом, ставшим агрессивнее, чем раньше.

К началу первой недели августа Гитлер окончательно потерял терпение из-за медленного хода переговоров между нацистами и русскими — приближался конечный срок начала его осенней кампании против Польши. 8 августа он заявил, что, по его мнению, Россия не рискнет ввязаться в войну с Германией. Он объяснил своему венгерскому

¹ Добросовестный (лат.).

гостю, что Советы «не повторят царской ошибки и не станут истекать кровью ради Великобритании. ...Вместо этого они попытаются обогатиться, возможно, за счет прибалтийских стран или Польши, но не ввяжутся в военные действия».

С другой стороны, 12 августа во время встречи с обеспокоенным и исполненным недоверия итальянским министром иностранных дел графом Галеаццо Чиано Гитлер вел себя в соответствии с линией своего министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа, утверждая, что Франция и Великобритания не вступят в войну ради спасения Польши. Гитлер сумел скрасить свое разочарование, узнав от Чиано о неготовности Италии вступить в войну в 1939 году, только что полученными из Москвы новостями о готовности начать переговоры на высшем уровне с рейхом по вопросам, ставшим чрезвычайно важными для русских.

Британская и французская военные миссии сравнительно низкого уровня прибыли в Россию без особой спешки и начали переговоры в тот же день — 12 августа, когда поступил ответ русских нацистам. Тем не менее со стороны русских в военных переговорах с англо-французской миссией участвовали самые высокопоставленные военные, во главе которых стоял министр обороны Ворошилов. В них принял участие генерал Б.М. Шапошников — начальник штаба советской армии после падения Тухачевского.

Деятельность западных военных миссий сдерживалась недоверчивым отношением политиков к Советскому Союзу, а также крайне пессимистичной оценкой военных возможностей СССР, тогда господствовавшей среди британских и французских военных. Например, по оценке британских военных экспертов, весной и летом 1939 года Красная армия, военно-морской флот и военно-воздушные силы настолько плохо оснащены техникой и так сильно пострадали от чисток офицерского корпуса, что не могут организовать сколь бы то ни было эффективное наступление в Польшу или Румынию. Такая явная недооценка еще более удивительна в свете уверенных успехов советской армии на Дальнем Востоке.

Если западные державы придерживались невысокого мнения о возможностях советских военных, то вскоре выяснилось, что у русских было намного больше оснований иметь невысокое мнение о возможностях английских и французских военных и планах, в особенности касающихся шансов организации наступательных операций на западе, необходимых для облегчения ситуации на Восточном фронте. Уже 13 августа маршал Ворошилов скрестил шпаги с британским генерал-майором Т. Хейвудом относительно наличия только шести британских дивизий для службы во Франции. Хейвуд ответил, и это было лучшее, что он мог сказать в сложившихся обстоятельствах, что Первую мировую войну Британская империя тоже начала шестью действующими дивизиями, но постепенно ее вклад в военные усилия союзников достиг уровня 100 дивизий. Однако именно то, что случилось с Россией до того, как Британия вступила в Первую мировую войну, больше всего тревожило Сталина. Как и французам, русским не повезло жить на собственном острове и иметь возможность готовиться к серьезной войне в удалении от всех.

После этой не предвещающей ничего хорошего увертюры, характерной для англо-русского диалога и в будущем, 14 августа Ворошилов перешел непосредственно к делу. Он спросил, может ли Красная армия действовать против немцев через польскую и румынскую территории, и заявил, что этот вопрос является чрезвычайно важным, по сравнению с ним все остальные являются второстепенными. Советский министр обороны заявил, что без точного и недвусмысленного ответа на него дальнейшие военные переговоры являются бессмысленными.

«Великая драма», как Гитлер совершенно правильно проинформировал своих слушателей в Оберзальцберге, в тот же день подходила к «кульминационной точке». Сталин, который, по словам Гитлера, больше не имел желаний «таскать британские каштаны из огня», ничего не приобрел, но имел все основания опасаться войны, в том числе и победоносной Красной армии, если он выиграет. Что касается англичан, теперь Гитлер открыто признал, что

они могут вступить в войну, несмотря на свою полную неготовность, но утверждал, что они не хотят долгой борьбы. В последнем безрассудный фюрер, очевидно, ошибался; он, вероятно, забыл, что другие тоже могут очертя голову бросаться в авантюры, особенно если их со всех сторон окружают вражеские ловушки.

Поздно вечером того же дня — 14 августа — по приказу Гитлера министр иностранных дел Риббентроп телеграфировал в Москву требование личной встречи с Молотовым и Сталиным. В осторожном ответе на следующий день Молотов поинтересовался у немецкого посла Шуленбурга шансами на то, что Германия употребит свое влияние на Японию ради улучшения отношений с Россией, а также возможностью заключения договора о ненападении между Германией и Советским Союзом.

На следующий день, 15 августа, возможно для того, чтобы произвести максимальное впечатление на западные страны серьезностью намерений и значительностью ресурсов русских, генерал Шапошников обрисовал советский план развертывания 136 русских дивизий и 9000 танков в случае нападения Германии на СССР через балтийские государства. На этот не слишком вероятный случай Шапошников потребовал, чтобы западные страны использовали 70% этих сил для активного выступления против рейха. Эта задача в любом случае была свыше возможностей английской и французской армий, все еще не организованных для наступательных операций. В этом случае и Польша должна была направить все свои силы против рейха в интересах России.

В случае вероятного нападения Германии на Францию Советский Союз обязывался обеспечить 70% сил западных держав в русском наступлении на Германию через Польшу и Литву; западные державы гарантировали русским право пересечь польскую и, если возможно, литовскую территорию. Для самого вероятного развития событий, иначе говоря, нападения немцев на Польшу Шапошников пообещал значительное соответствие любым западным силам, развернутым непосредственно против Германии, если Польша, а если возможно, Литва

и Румыния дадут Красной армии право пересечь свою территорию.

Упражнения Шапошникова в том, что Джон Эриксон справедливо назвал «категорическим императивом», не вызвали немедленный ответ позитивного характера от поляков. Маршал Ворошилов 17 августа прервал встречи военных до 21 августа, утверждая, что без такого ответа дальнейшие обсуждения бессмысленны. С плохо скрытым сарказмом Ворошилов посоветовал западным военным делегациям наслаждаться видами Москвы, пока их правительства получают ответ от Польши.

Несмотря на уверенный отпор русских, 17 августа генерал Хейвуд написал спокойное объяснение в свое военное министерство, в котором относительно позиции советской стороны было сказано следующее: «Руководствуясь здравыми военными соображениями, они хотят воспользоваться всеми преимуществами сотрудничества с польской армией, а не ждать, пока эта армия будет побеждена, и им придется поддерживать остатки разгромленной армии, что может иметь самое неблагоприятное влияние на их стратегию и состояние их войска».

То, что поляки не собираются облегчать жизнь потенциальным союзникам больше, чем противникам, стало ясно уже на следующий день. Начальник штаба польской армии заявил, что, по его мнению, русские желают пересечь те части территории Польши, которые раньше были русскими, только с целью их повторной оккупации, а не для ведения наступления против Германии. Несмотря на возрастающее давление со стороны теперь уже всерьез обеспокоенной Франции, потребовалось несколько дней, чтобы поляки с большой неохотой приняли менее бескомпромиссную позицию, но к тому времени было уже слишком поздно. Короче говоря, поляки считали, что Вторая мировая война, которая вот-вот должна была начаться, будет вестись не только из-за западных, но и из-за восточных границ Польши, а значит, в конечном счете из-за права Польши на существование в качестве суверенного государства.

Все было кончено 19 августа, когда, вследствие возобновившегося давления нацистов на Москву по вопросу

заклучения пакта о ненападении, Сталин лично согласился принять Риббентропа. Для Гитлера это было большой удачей, поскольку установленный им срок нападения на Польшу приближался. Генерал Георг Томас, занимавшийся вопросами экономики и вооружения в ОКВ, и глава абвера адмирал Вильгельм Канарис неоднократно предупреждали фюрера о том, что Германии не хватит боеприпасов и горючего для военных действий продолжительностью более нескольких недель, а на флоте готово только 10 субмарин для операций в Атлантике. Но все это, должно быть, еще более усилило желание Гитлера пожать руку своему непримиримому идеологическому противнику на востоке.

В качестве самооправдания перед военной верхушкой Гитлер 22 августа заявил: «Мне было совершенно ясно, что конфликт с Польшей рано или поздно произойдет. Я уже принял решение весной, но полагал, что сначала, через несколько лет, поверну оружие на запад, а только потом на восток. Но последовательность может меняться».

Далее Гитлер разъяснил, что, поскольку ни один немец не обладает большей политической значительностью, чем он сам, лучше действовать сейчас против оппонентов на Западе, которых возглавляют весьма посредственные государственные деятели. Политикам, зловеще объявил фюрер, иногда приходится рисковать с такой же «безрассудной решимостью», как и военным деятелям. В любом случае Гитлер был уверен, что Британия не пошлет больше трех дивизий на помощь Франции и она «пока еще уязвима с воздуха», иначе говоря, сложилась вполне благоприятная ситуация, которая может измениться через два-три года. Что касается Франции, Гитлер заверил свою колеблющуюся аудиторию, что французам не только не хватает людей и современной материальной базы, но также и желания нападать на Германию с запада, что очень тревожило гитлеровских генералов во время мюнхенского кризиса 1938 года.

Гитлер завершил свою речь ошеломляющим известием об установлении им личного контакта со Сталиным и о подписании в течение ближайших сорока восьми часов

пакта с СССР. Теперь Польша находится именно в том положении, которое фюрер считал наиболее желательным, и его тревожило лишь то, что какая-нибудь «свинья» предложит заступничество (как Муссолини в Мюнхене). Несомненно, считал фюрер, немецкие генералы будут ему благодарны за восстановление старой прусской традиции — дружить с Россией, как западные страны будут шокированы столь ошеломляющим дипломатическим *bouleversement*¹. Гитлер, безусловно, хорошо знал своих генералов.

В тот же день, 22 августа, за день до публичного объявления о визите немецкого министра иностранных дел в Москву, в документах британской военной делегации было записано следующее:

«Ситуация прояснилась. Очевидно, СССР пока втирается в доверие к обеим сторонам. Судя по всему, сейчас Советы пришли к выводу, что Германия занимает сильную позицию и неизбежно покорит Польшу; в случае чего, если они заключат пакт с Британией и Францией, то поставят себя против Германии раньше, чем будут вынуждены. СССР, вероятно, осознает, что его коммуникации и техника слабы, а штаб и организация — не готовы к ведению большой войны против сильного врага, особенно если ему придется конкурировать с отступающей польской армией».

На следующий день, 23 августа, маршал Ворошилов проинформировал более благожелательного французского военного атташе, что Красной армии необходимы более крепкие гарантии, чем пассивная позиция французской армии, которая, по оценке Ворошилова, сможет удержать на западе только десять немецких дивизий, пока большая часть немецкой армии покоряет Польшу на востоке. Лишившийся иллюзий глава британской военной делегации адмирал сэра Реджинальд Планкет-Эрнл-Эрл-Дракс успокаивал себя мыслью, что можно быть уверенным в нечестности Советов при выполнении договора, так же как и в двуличности в проведении переговоров о его заключении. Продемонстрировав мировоззрение истинного тори, ад-

¹ Потрясение (*фр.*).

мирал Дракс в конце концов пришел к фантастическому выводу о том, что в перспективе может оказаться даже удачным то, что русские предпочли стать союзниками Германии, а не Запада.

А тем временем в двух эпохальных встречах со Сталиным и советским министром иностранных дел Молотовым 23 августа, состоявшихся с полного согласия Гитлера, Риббентроп пришел к быстрому *quid pro quo*¹ с Советами. Финляндия, Эстония, Латвия, Восточная Польша и бывшие царские провинции Бессарабии, теперь находившиеся в составе Румынии, попадут в сферу интересов русских, оставив рейху только Литву и Западную Польшу. За это русские гарантировали отсутствие поддержки западным странам в польском вопросе.

Что касается Японии, эта проблема также занимала Сталина в тот момент, как и отсутствие эффективного западного наступления для помощи русским в Польше. Советский правитель заметил Риббентропу, что, если Токио хочет войны, он ее получит. Через несколько часов после согласия Советов на переговоры с Риббентропом, 19 августа, генерал Жуков начал сокрушительное наступление против японской армии во Внешней Монголии, предвосхитив новое японское наступление на четыре дня. Благодаря неожиданному превосходству советской артиллерии и танков к 31 августа японцы были полностью вытеснены из Внешней Монголии, потеряв около 18 000 человек убитыми и ранеными. Как самодовольно заметил Сталин одному из своих новых немецких друзей, «это единственный язык, который понимают азиаты. В конце концов, я тоже азиат и должен знать».

В отношении Британии Сталин жадовался Риббентропу, что британская военная миссия в Москве ни разу так и не сказала, чего в действительности хотят англичане. В любом случае Сталин считал британскую армию слабой, британский флот — больше не заслуживающим своей былой репутации, а Королевские военно-воздушные силы — неготовыми, хотя и наращивающими силу. Тем

¹ Услуга за услугу, компенсация (лат.).

не менее советский диктатор пребывал в уверенности, что, несмотря на общую военную слабость, Британия будет вести войну «умело и упорно».

Когда же Сталин заявил, что и французскую армию не следует сбрасывать со счетов, Риббентроп поспешно привлек его внимание к большому превосходству германской армии над французской по количественному составу. Хотя, конечно, большинство отлично обученных бойцов рейха сначала будут использованы на востоке против Польши, и уж потом вернуться, чтобы занять позиции на западе против французской армии. После взаимных тостов за здоровье глав государств Сталин завершил беседу с Риббентропом, заявив, что советское правительство относится к пакту с Германией со всей серьезностью. Сталин дал слово чести, чего бы оно ни стоило, что Советский Союз не предаст своего партнера по новому пакту о ненападении, пакту, названному таким образом, как невольная дань предположительно забытому идеализму Вудро Вильсона.

24 августа Риббентроп вернулся из Москвы в Берлин, так сказать, на гребне волны и был встречен благодарным фюрером, как второй Бисмарк. У Гитлера были причины для открытого изъявления благодарности. До недавнего времени являвшийся германофилом британский посол сэра Невил Хендерсон только что проинформировал его о том, что Британия намерена соблюдать свои обязательства перед Польшей, вне зависимости от его пакта с СССР. Хотя Гитлер ответил, что война, которая начнется, будет, таким образом, на совести англичан, и в любом случае он предпочитает войну, пока ему только пятьдесят лет, а не позже, дни, когда он мог отпугнуть британских миротворцев, прошли. Да и Гитлер винил Британию в том, что ему пришлось заключить договор с русскими, в отношении которого фюрер, по мнению Хендерсона, не испытывал энтузиазма. Однако, как верно заметил Гитлер, теперь Германии не придется вести войну на два фронта. Последнее предложение Гитлера гарантировать поддержку Британской империи немецкой военной силой вызвало лишь осторожное предостережение Хендерсона о том, что, в то время как любой может предсказать начало войны, никто не мо-

жет в точности знать, какими сюрпризами чревата длительная борьба.

В довершение всего Муссолини под явным давлением Чиано 25 августа написал Гитлеру, что Италия определенно не присоединится к рейху в альянсе с большевистской Россией за счет католической Польши. Он считал, что у Италии нет необходимости готовиться к войне раньше чем в 1942—1943 годах. Потрясенный таким очевидным «предательством», Гитлер заявил, что итальянцы ведут себя так же, как в 1914 году, и в последнюю минуту приказал задержать неминуемое нападение немецкой армии на Польшу, чтобы выиграть время для еще одной попытки ввести в заблуждение или откупиться от британцев. Генеральный штаб немецкой армии был согласен с итальянским министром иностранных дел Чиано в том, что Италия не может себе позволить вести даже оборонительную войну. Обиженный дуче сам имел основания опасаться, что, если Британия и Франция не атакуют Германию на западе ради спасения Польши, они могут вместо этого напасть на слабую Италию — дешевую, хотя и не вполне равноценную замену эффективных, но дорогостоящих действий против рейха.

Смена союзников Гитлером вызвала реакцию ужаса другой великой державы — Японии. Столкнувшись с тем, что официальный Токио назвал изменой рейха в тот момент, когда Япония ведет тяжелые бои с русскими во Внешней Монголии, японский кабинет ушел в отставку, а японский посол в Берлине Хироси Осима получил приказ выразить протест Гитлеру. Политика японской армии, которая выражалась в реализации эффективного военного альянса с европейскими странами оси скорее за счет России, чем против Британии, как хотелось бы думать Гитлеру, теперь была дискредитирована, так же как и японская техника и тактика в состоявшемся в недалеком будущем столкновении с Красной армией в пустыне Гоби.

Кстати, и в рядах нацистской партии царили скептицизм и недовольство в отношении пакта с большевистской Россией. Гитлеру пришлось 28 августа оправдаться перед своими соратниками по партии, сказав, что буду-

шая война будет тяжелой, Германию может постичь неудача, но, пока он жив, речи о капитуляции не будет. Он открыто признал, что готов к войне на два фронта, если до этого дойдет, но надеялся, что Британия будет лишь внешне выполнять свои обязательства перед Польшей и вести только видимость войны с Германией. Как он сказал барону Эрнсту фон Вайцзеккеру, заместителю государственного министра иностранных дел, 29 августа, «через два месяца с Польшей будет покончено, и тогда мы сможем провести большую мирную конференцию с западными державами».

К 31 августа Гитлер принял окончательное решение приступить к действиям против Польши, независимо от того, какие шаги западные державы могут предпринять впоследствии. 1 сентября, согласно обещанию, которое он должен был сдержать, фюрер выступил в рейхстаге и сказал, что снимет форму только после победы или не доживет до конца. Спустя два дня, 3 сентября, когда поступил британский ультиматум, требующий прекратить наступление в Польше, иначе Британия объявит войну, Гитлер был явно взволнован дилеммой, перед которой оказался. Он разгневанно потребовал к себе гордого автора пакта с Россией — министра иностранных дел фон Риббентропа — и спросил, что ему теперь делать. В это же время он сказал соавтору своей знаменитой автобиографии Рудольфу Гессу: «Сейчас весь мой мир разваливается на части. Моя книга [*Mein Kampf*] была написана зря». Шеф люфтваффе Герман Геринг, который уже несколько недель отчаянно пытался достичь личной договоренности с британцами, 3 сентября признал: «Если мы проиграем эту войну, да смилостивится над нами Бог». Даже нацистские лидеры, не говоря уже о немецком народе и вооруженных силах, вовсе не стремились к большой войне с Западом, невзирая на агрессивные страсти, испытываемые ими в большей или меньшей степени по отношению к востоку.

Последнее, вероятно, не было тайной для Советского Союза. Как сказал в своей речи Верховному Совету 31 августа советский министр иностранных дел Вячеслав Мо-

лотов, «неужели трудно понять, что СССР проводит и будет продолжать проводить свою собственную независимую политику, цель которой — поддерживать интересы народов СССР, и только эти интересы? Если [другие европейские] джентльмены имеют столь неодолимую тягу воевать, пусть воюют без участия Советского Союза. А мы посмотрим, что они за бойцы». Россия снова получила передышку, давшую ей возможность подготовиться к будущему, но, как в 1807 и 1918 годах, передышка, полученная путем отказа от союзников, оказалась короткой, а собственные военные приготовления России нереалистичными и недостаточными.

Завоеватель всегда любит мир (как неизменно заявлял Бонапарт); он хотел бы войти в наше государство, не встретив сопротивления.

*Клаузевиц, с пометкой Ленина на полях:
«Ах, ах! Остроумно!»*

Мы должны использовать разницу и противоречия между двумя империализмами, между двумя группами капиталистических государств, чтобы они вцепились друг другу в горло. ...Если бы мы не придерживались этого правила, мы бы давно, к радости капиталистов, болтались на осинах.

Ленин, ноябрь 1920 г.

Милитаристские беснования Гитлера закончатся величайшей катастрофой. Но прежде чем пробьет его час, многое и многие будут сметены в Европе. Сталин не хочет быть в их числе. Поэтому он больше всего остерегается оторваться от Гитлера слишком рано.

Троцкий, 4 декабря 1939 г.

Предполагать, что не будет передышки и будут постоянные ультиматумы, — значит верить, что на Западе вообще нет движения. Мы считаем, что немцы не могут сделать все.

Сталин Троцкому, 1918 г.

Глава 2

НЕПРАВИЛЬНЫЕ ВОЙНЫ

3 сентября 1939 г. — 18 июня 1940 г.

После шока, связанного с объявлением Англией и Францией войны 1 сентября 1939 года, Гитлер укрепил собственную уверенность и уверенность своих генералов, сделав предсказание, аналогичное последующим советским объяснениям своего предательства западных союзников. Он сказал, что западные державы совершают

формальный жест, символизирующий выполнение ими обязательств перед Польшей, и очень скоро пойдут на мирные переговоры с рейхом. Фюрер предвидел и оказался прав в том, что более 70 англо-французских дивизий, которые со временем должны быть размещены в Северной Франции, не станут атаковать 30 оперативных немецких дивизий, по большей части не первоклассных, охраняющих линию Зигфрида, пока основная масса немецкой армии захватывает Польшу в первом гитлеровском блицкриге.

В действительности французское Верховное командование согласилось с объявлением войны главным образом потому, что временный уход сил рейха на восток дает французской армии время провести мобилизацию. Последнее, к чему стремилось французское командование, выполняя свое обещание Польше атаковать на западе, — это стремление спровоцировать реакцию немцев в момент наибольшей слабости Франции даже раньше, чем четыре доступные британские дивизии переправятся через Канал или соберутся медленно «раскачивающиеся» резервисты французской армии 1914 года. Кроме того, помимо отсутствия желания начинать дорогостоящий штурм немецких фортификационных сооружений, у французской армии не было и возможностей это сделать. Она не располагала бронетанковыми дивизиями, не имела превосходства в воздухе и наступательной доктрины, предусматривающей их появление.

Если коротко, Гитлер высказал совершенно правильную догадку о том, что к 1939 году Франция полностью отказалась от губительной философии наступления *a outrance*¹ 1870 и 1914 годов, причем во время, когда только такая философия могла спасти ее и ее союзников. А в Великобритании неохотное приятие Чемберленом войны воплотилось в его выводе о том, что самое лучшее, на что можно рассчитывать, — это постепенный крах немецкой морали; вопрос о военной победе над лучше вооруженным рейхом не ставился.

¹ До крайности, беспощадно (*фр.*).

Начиная с 3 сентября, дня объявления войны союзниками, Риббентроп начал настаивать на быстром и открытом советском вмешательстве в Польшу. Советский министр иностранных дел Молотов осторожно возражал против открытых демонстраций сговора Советов с нацистами, в то время как Польша оставалась невредимой. 6 сентября немецкому послу Шуленбургу пришлось разъяснить Берлину, что общественное мнение в России еще не слишком хорошо понимает пакт с Германией. Существует опасение, что после поражения Польши рейх может повернуть оружие против СССР.

Заявив, что вермахт 8 сентября подошел к Варшаве, германское министерство иностранных дел возобновило давление на Молотова в ответ на вмешательство России в действия на территории якобы умирающего Польского государства. Выказав поспешные поздравления в связи с военными успехами немцев, Молотов 10 сентября продолжил тянуть время, объясняя, что Красная армия рассчитывала на несколько недель до вмешательства, а теперь эти недели сократились до нескольких дней. Немцев еще более разозлило предложение Молотова, что, для того чтобы Советский Союз не выглядел агрессором, правительство собиралось открыто заявить, что войска в Польшу вводятся для защиты украинцев и белорусов в Польшу от немецкой угрозы. Нацисты начали понимать, а впоследствии это узнали западные союзники и китайские коммунисты, что Советский Союз не является удобным союзником, будучи *de facto* или *de jure* партнером в конфликте.

К 14 сентября Молотов проинформировал немцев о том, что Красная армия достигла состояния готовности раньше, чем предполагалось, и что Советы вскоре войдут в Польшу. На деле два фактора: быстрый крах Польши и перемирие с японцами во Внешней Монголии 16 сентября — подготовили советскую политику к военным операциям на западе. Несмотря на любое давление в будущем, никакие соображения не могли заставить Сталина принять одновременно больше чем одну войну или один фронт. К своему глубокому сожалению в будущем, Гитлер не имел такой же решимости избежать войны на два фронта.

17 сентября, после перемирия с японцами, в соответствии с настойчивыми требованиями немцев, примерно 40 дивизий Красной армии перешли границу Польши. Это было ее первое вторжение на запад после 1920 года. Сталин лично переписал советско-германское коммюнике, информирующее об этом событии, на основании того, что немецкая версия была слишком откровенной — обычное для коммунистов упражнение в крючкотворстве. Советский диктатор также выражал недовольство и сомнение относительно того, уйдут ли немецкие войска из городов, уже занятых ими в пределах выделенной русским зоны Польши после завершения военных операций. Хотя он признавал, что такая ситуация может быть вызвана нежеланием немецких генералов отдавать завоеванную территорию, а не целенаправленной политикой немецкого правительства.

К большой досаде плохо информированного ОКХ и ОКВ, Гитлер быстро приказал немецкой армии уйти из Лемберга (Львова), с дрогобычских нефтяных месторождений и из Брест-Литовска. Теперь не было Тухачевского, который мог бы помешать Сталину, как во время предыдущего вторжения в Польшу в 1920 году. Он, наконец, смог захватить западноукраинскую цитадель Лемберг, хотя ярому антикоммунисту адмиралу Канарису удалось похитить нескольких лидеров украинских националистов прямо из-под носа советского НКВД.

Советское вторжение в Польшу, хотя и запоздавшее с точки зрения Риббентропа, ускорило первую из многочисленных ссор между Гитлером и командованием армии ОКХ. Фюрер приказал захватить Варшаву как можно быстрее, независимо от числа жертв среди военных или гражданского населения, чтобы к подходу Красной армии польская столица находилась в руках немцев. Командование армии предпочитало более медленную осадную операцию против Варшавы, что помогло бы сберечь людей и боеприпасы для Западного фронта. Выразив мнение многих других начальников штабов до и после 1939 года, генерал Гальдер сказал: «Строгое разделение между влиятельными кругами армии и политики оказалось боль-

шим недостатком. ...Верховное командование армии не должно следовать капризам внешней политики».

К 25 сентября Сталиным завладели мысли о советской оккупации этнической, в противоположность *de jure*, Польши. Он предложил новый обмен территорией с немцами на основании того, что, в то время как раздел территории с польскоговорящим населением может вызвать трения между Германией и Советским Союзом, немецкая сдача большей части Литвы в обмен на оккупацию почти всей этнической Польши уменьшит причины для напряжения между двумя партнерами. Конечно, такой обмен, более или менее навязанный рейху в момент его занятости на Западе, оставлял Германии единственное бремя удерживания в подчинении поляков, одновременно давая Красной армии более сильную и менее уязвимую оборонительную линию в Прибалтике против Германии.

В действительности, когда Риббентроп с большой неохотой прибыл в Москву 27—28 сентября со вторым визитом, он узнал весьма неприятные новости. Русские не только требовали для себя все польские нефтяные месторождения (несмотря на наличие своих собственных ресурсов, причем богатых, в отличие от рейха), но и намечали в ближайшем будущем военную оккупацию избранных латвийских и эстонских баз. Гитлер скрепя сердце принял эти условия, только настоял на выводе этнических немцев Прибалтики в качестве небольшого утешения за полный отказ от этих территорий, столь дорогих тевтонским крестоносцам прошлого.

Гитлер потребовал советской дипломатической поддержки, так же как военной и экономической помощи, чтобы поддержать или мирное наступление, или военное наступление против Запада. 28 сентября в официальном заявлении о решении польского вопроса Германия и Россия объявили, что отныне Великобритания и Франция будут нести ответственность за продолжение конфликта, а правительства СССР и Германии продолжают обсуждение мер, необходимых для прекращения конфликта. Как выяснилось, эта угроза, якобы обращенная к Западу, в

будущем обернется против ее создателей в ходе их нелегкого взаимного сотрудничества.

Понятно, что общественное мнение на Западе пребывало в подавленном состоянии, но 1 октября Уинстон Черчилль бодро объявил, что создан, по крайней мере, «Восточный фронт, который Германия не рискнет атаковать». Новый первый лорд адмиралтейства сделал попытку развеять пессимизм, как и тот, что был свойствен американскому послу Джозефу Кеннеди, содержащийся в утверждении, что немцам придется охранять свои завоевания на востоке силами по крайней мере двадцати пяти дивизий. Потребовалось нечто большее, чем показной оптимизм в отношении неясных фронтов на востоке, чтобы защитить союзников на западе, что другие, менее смелые, чем Черчилль, фигуры вскоре осознали.

Подстегиваемые беспокойством относительно возможного успеха гитлеровского мирного предложения Западу от 6 октября, русские поспешно предъявили Финляндии претензии на территорию, прикрывающую в первую очередь подходы к крупному незащищенному порту и бывшей российской столице Ленинграду. В переговорах, продолжавшихся несколько недель, советское правительство тщетно предлагало финнам для «спасения лица» уступки в Восточной Карелии в обмен на значительно более важные позиции на Финском заливе, позиции, чрезвычайно важные для финской обороны против Красной армии, также имеющие некоторое значение для советской обороны против немецкого флота. К несчастью для Финляндии, несмотря на давление внутри рейха, так же как и со стороны итальянцев, отклонение союзниками гитлеровских мирных предложений 12 октября укрепило решимость фюрера не задевать своих советских партнеров в этот исторический момент. В результате финнам пришлось противостоять Советскому Союзу без помощи единственной страны, которая могла обеспечить их эффективную защиту.

Признавая британскую угрозу Норвегии и желая создать немецкие военно-морские базы и на норвежском, и на советском арктическом побережье, гроссадмирал Редер усилил и без того немалое давление на Гитлера, вынуж-

дающее его поддерживать самые хорошие отношения с СССР. Уже 10 октября шеф немецкого военно-морского флота предложил Гитлеру использовать советское давление на Норвегию, чтобы приобрести военно-морскую базу в центральной части страны — в Тронхейме. Хотя эта идея так никогда и не материализовалась, Редер действительно приобрел временную базу на советской территории в районе Мурманска, арктический субтитут, служивший немцам верой и правдой до тех пор, пока они не приобрели более удобные базы в Норвегии весной 1940 года.

Еще до отклонения мирного предложения, испытывая сильное сопротивление консервативно настроенных офицеров ОКХ, 9 октября Гитлер издал директиву № 6 о ведении войны на Западе. Вероятно, в самой талантливой из своих военных директив Гитлер выполнил исторический анализ отношений Германии с Западом и завершил его утверждением, что время благоприятствовало союзникам, особенно Великобритании, больше, чем Германии, которая теперь, находясь на пике силы, должна атаковать Францию через страны Бенилюкса, причем как можно скорее. Как заметил генерал-лейтенант (впоследствии фельдмаршал) Эрих фон Манштейн, один из авторов этой атаки, навязанной Гитлером сопротивляющемуся, даже, пожалуй, враждебному Генштабу армии, закат ОКХ уже начался. Ведь дело было в том, что «весна 1940 года была не только самой ранней, но и самой последней возможностью, когда Германия могла рассчитывать на успех наступления на Западе». Что же касается России, Гитлер был убежден, что ни один договор не может гарантировать постоянный нейтралитет СССР, но в течение следующих нескольких месяцев или даже лет Германия может рассчитывать на советскую пассивность, особенно если рейху удастся одержать много побед.

Оппозиция могла укреплять противодействие армии немедленному наступлению на Западе осенью 1939 года со стороны неподготовленных военно-воздушных сил. 15 октября Альфред Йодль написал: «Мы выиграем эту войну, хотя она может быть сто раз против доктрин Генерального штаба». Гитлер 27 октября вполне определенно приказал

начать атаку на Западе в течение двух недель, но 5 ноября противодействие главнокомандующего армией генерала фон Браухича привело к ужасной сцене между ним и фюрером. После этой открытой стычки Браухич был слишком потрясен и запуган, чтобы взвалить на себя дополнительный груз участия в активном заговоре против Гитлера. Браухич привел Гитлера в ярость бестактным утверждением, что наспех созданная армия 1939 года не может сравниться в боевой выносливости и надежности с тщательно построенными вооруженными силами старого кайзеровского рейха.

Плохая погода в конце концов позволила полностью дискредитированному Верховному командованию армии неделю за неделей откладывать предлагаемое наступление на Западе, а прежнее доверие между Гитлером и армией так никогда и не восстановилось. Например, 23 ноября, в день, названный генералом Францем Гальдером днем кризиса, Гитлер заметил, что большинство его прежних политических линий сталкивались с противодействием многочисленных предсказателей бед, но в 1935—1938 годах ему снова и снова удавалось якобы невозможное. Своей аудитории, состоявшей из высокопоставленных военных, Гитлер заявил следующее: «Впервые за шестьдесят семь лет должно быть ясно, что нам не придется вести войну на два фронта. То, к чему мы стремились с 1870 года и считали недостижимым, стало явью. ...Но никто не знает, как долго такое положение будет сохраняться. Сейчас Восточный фронт [в Польше] удерживается только несколькими немецкими дивизиями. Россия в настоящее время не опасна. Она ослаблена разными факторами. Более того, у нас есть пакт с Россией. Но пакты существуют, только пока они выполняют свое предназначение. У России есть далекоидущие цели, прежде всего она хочет укрепить свое положение на Балтике. Мы можем противостоять России, только если свободны на западе. Кроме того, Россия стремится укрепить свое влияние на Балканах и хочет добраться до Персидского залива. Это также и цель нашей внешней политики. Непреложным является факт, что сегодня русская

армия стоит немного. В течение следующего года или двух текущая ситуация сохранится».

Гитлер едва ли мог быть откровеннее относительно постулатов, подчеркивавших основное направление его политики — «разобраться» с Западом, прежде чем начать решительную кампанию на востоке, и благоприятная реакция большинства присутствовавших генералов на эту искреннюю тираду свидетельствует о проницательности и ловкости фюрера, сумевшего воздействовать на малодушных воинов.

В ту ночь главнокомандующий армией генерал фон Браухич решил подать в отставку, но фюрер ее не принял. Волей-неволей запуганным генералам пришлось продолжать подготовку к наступлению на западе, и, несмотря на все свои возражения, Браухич продолжал этой подготовкой руководить, вероятно, по большей части потому, что фюрер не мог найти для него более подходящей замены.

Двумя днями позже, 25 ноября, в намного менее откровенной дискуссии с гроссадмиралом Редером, Гитлер развил идеи, высказанные им перед генералами, заявив: «Пока Сталин у власти, определенно Россия будет придерживаться заключенного пакта. Ее политическое отношение может измениться после нескольких лет наращивания ее внутренней мощи, особенно если Сталин будет свергнут или умрет». За две недели до этого Гитлер отклонил предложение Редера о покупке субмарин у русских на основании их низкого качества. Кроме того, он не желал, чтобы русские догадались о слабости рейха.

Переговоры между советским правительством и Финляндией зашли в тупик, и 30 ноября около 30 дивизий Красной армии, организованных в три армии, атаковали 9 финских дивизий, стоявших на советско-финской границе. Одновременно в финском пограничном городе Териоки было заявлено о создании спонсируемого Советами финского правительства-сателлита. Эта акция наводила на мысль о том, что русские предвидели быстрое и полное поражение Финляндии. В объяснении, данном правительству Германии 3 декабря, советский министр иностранных дел Молотов объявил, что быстрое решение финской проб-

лемы было необходимо СССР для высвобождения сил, предназначенных для реализации основных советских целей на Балканах и в Черноморском регионе.

Западные державы, включая нейтральные Соединенные Штаты, шокированные столь быстрым использованием Сталиным пакта с нацистской Германией, во всеуслышание выражали свое недовольство тем, что президент Рузвельт назвал «ужасным насилием над Финляндией». Консервативное общественное мнение Великобритании и Франции было возбуждено еще больше. Немедленно начали строиться планы отправки военных грузов и других необходимых вещей ставшим чрезвычайно популярными финнам. Мировая реакция на неспровоцированное советское нападение достигла своей кульминации 14 декабря, когда СССР был исключен из Лиги Наций. Это была последняя попытка этой злосчастной организации поддерживать *status quo*.

К счастью для финнов, их затянувшиеся переговоры с СССР дали время провести полную мобилизацию армии — 200 000 человек. В последний момент они приобрели некоторое количество противотанковых орудий *Вofoг*, жизненно необходимых для применения против множества советских бронетанковых подразделений, которые вскоре были брошены на них. С другой стороны, у финнов почти не было самолетов и имелся в наличии только трехнедельный запас боеприпасов для полевой артиллерии. В этих категориях им больше нечего было противопоставить русским. Высокий боевой дух, сложный рельеф местности, приближающаяся зима и легкие полевые укрепления так называемой линии Маннергейма должны были дать финнам первоначальные преимущества, чрезвычайно неприятные для излишне уверенной в себе советской армии. Однако следует помнить, что в 1941 году тоже сверх уверенные в себе немецкие вооруженные силы после сравнительно умеренного продвижения вперед попросту застряли на бездорожье Северной и Центральной Финляндии и в Карелии.

В общем, на этом этапе рейх не мог предпринять никаких шагов, чтобы помешать советской активности в ре-

гионах, снова приписанных русским новой версией, увидевшей свет в 1939 году, Тильзитского договора 1807 года. Но немецкий флот, всегда приветствовавший сближение с Россией против Британии, благодаря растущему напряжению в Скандинавии получил редкую возможность преодолеть свое неблагоприятное географическое положение пленника Северного и Балтийского морей. В начале декабря голословные заявления норвежского нацистского лидера Видкуна Квислинга о том, что британцы уже планируют вторжение в Норвегию для помощи финнам, стали самым подходящим оружием, с помощью которого Редер мог заинтересовать Гитлера в немецких контрмерах, предположительно для предвосхищения действий англичан в Скандинавии. После некоторых колебаний 14 декабря Гитлер приказал создать в рамках ОКВ совместный штаб с участием представителей разных родов войск, который должен был рассмотреть методы захвата Норвегии. Редер еще не знал, что его фюрер нашел тайный, но эффективный ответ на открытое наступление Сталина к Балтике.

Уже 17 декабря стало очевидно, что советское вторжение в Финляндию — вовсе не легкая прогулка. Адмирал Редер почувствовал, что обнаружившаяся слабость работает на будущее усиление позиции Германии в переговорах с требовательными и уверенными русскими. Днем раньше активный сторонник десантных операций Уинстон Черчилль, оценив русскую угрозу на севере, пришел к другому выводу. Первый лорд адмиралтейства теперь выступал за высадку союзников в Норвегии, надеясь спровоцировать немецкую контратаку в водах, в которых предположительно господствует Королевский ВМФ. Хотя его с энтузиазмом поддержал ярый антисоветчик французский премьер Даладье, желавший, как и французская военная верхушка, отвлечь немцев с Западного фронта, 22 декабря британский кабинет большинством голосов проголосовал за операцию в Скандинавии, якобы для помощи финнам, только если норвежское и шведское правительства согласятся на такие меры. Столкнувшись с одновременными предостережениями немцев и русских, перепуганные скандинавские правительства отклонили все

западные предложения о столь опасной помощи, и ничего не было сделано.

К началу последней недели декабря фиаско первой советской наступательной операции в Финляндии стало очевидным: только один из шести отдельных штурмов можно было с большой натяжкой назвать успешным. Советская армия подверглась первой из нескольких последовательных реорганизаций, ставших следствием ее впечатляющего провала. Массовые советские атаки были прекращены почти на весь январь 1940 года, на помощь трем армиям на Финском фронте прибыли еще две. Свидетельством озабоченности русских положением дел является и то, что генерал Тимошенко был назначен новым командиром *de facto* на Карельском перешейке недалеко от Ленинграда. Перед Рождеством Сталин телеграфировал Гитлеру: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть долгой и прочной».

Русские снова предъявили немцам большие требования, касающиеся поставки военной техники и оборудования для производства артиллерийских снарядов, без которых было невозможно сокрушить линию Маннергейма. Все это не осталось незамеченным на Западе. Советская армия быстро теряла престиж.

В конце декабря 1939 года Генеральный штаб немецкой армии следующим образом оценивал советскую армию: «По количеству — гигантский военный инструмент. <...> Организация, техника и средства командования неудовлетворительные, принципы командования хорошие, однако сами командиры слишком молодые и неопытные. Система связи плохая, транспорт плохой, войска неоднородные, нет личностей — простые солдаты добродушны, довольствуются очень малым. Боевые качества войск в *тяжелом* бою сомнительны. Русская «масса» не равна ни одной армии с современной техникой и совершенным командованием». События следующих полутора лет не дали немецкой армии оснований изменить эту нелестную оценку — даже наоборот, учитывая блестящие победы рейха в этот период.

3 января недовольство Муссолини близким сотрудничеством нацистов и русских вылилось в письмо, которое он направил Гитлеру. Это было одно из последних писем, направленных им Гитлеру, как равному, так сказать, коллеге-диктатору. Дав краткий обзор европейской ситуации, дуче перешел к вопросу договоров с Россией:

«Никто не знает лучше меня, имеющего к настоящему времени уже сорокалетний политический опыт, о том, что политика, даже революционная политика, имеет тактические крайности. Я признал Советы в 1924 году, в 1934 году заключил с ними договор о дружбе и торговом сотрудничестве. Я признаю, что, поскольку усилия Риббентропа по обеспечению невмешательства Франции и Британии оказались тщетными, вы избежали второго фронта. Не нанеся удара, Россия получила прибыль от войны в Польше и Прибалтике.

Но я, прирожденный революционер, не изменивший образ мыслей, утверждаю, что вы не можете постоянно жертвовать принципами вашей революции ради тактических крайностей определенного политического момента. Я чувствую, что вы не могли отказаться от антисемитского и антибольшевистского знамени, которое несли двадцать лет и за которое умерли многие ваши товарищи. Вы не можете отвергнуть ваше евангелие, в которое немецкий народ свято верит. Я считаю себя обязанным добавить, что дальнейшие шаги в ваших взаимоотношениях с Москвой будут иметь катастрофические последствия в Италии, где антибольшевистское единодушие, особенно среди фашистских масс, является абсолютным, твердым как скала и неделимим.

Позвольте мне верить, что этого не случится. Решение вопроса вашего жизненного пространства находится в России, и нигде более, в России, имеющей огромную территорию в двадцать один миллион квадратных километров и всего девять жителей на квадратный километр. Россия — отщепенец Европы. Несмотря на свое пространство и население, Россия — не сила, а слабость».

Муссолини завершил письмо цветистым выражением, о котором ему еще предстояло пожалеть в течение следу-

ющих двух-трех лет: «В день, когда мы уничтожим большевизм, мы будем верны нашим двум революциям».

Желая убрать русских с Балкан, очень нужный регион для немецкого бензина, русских традиций и итальянской гордости, 6 января гитлеровское ОКВ издало стратегическое исследование, которое одобряло движение русских на юг с Кавказа на Ближний Восток. Такие действия СССР, с точки зрения немцев, имели бы дополнительные преимущества, поскольку вовлекали русских в противоречия с англо-французскими силами, защищавшими нефтяные месторождения на Ближнем Востоке. Насколько серьезным был ярый антисоветчик французский генерал Вейганд, командовавший сильно «раздутыми» силами в Сирии, и французский Генеральный штаб в своем стремлении начать воздушные и военно-морские операции против советских кавказских нефтяных месторождений, сказать сложно, однако у ОКВ имелись все основания возбудить беспокойство русских в этом отношении. Хотя, конечно, это мог быть только неявный метод помощи финнам, так же как и защиты интересов рейха.

Надежды немцев и страхи русских относительно реакции Запада на советские неудачи в Финляндии еще более усилились 20 января 1940 года, когда Уинстон Черчилль 10 января 1940 года обнародовал заявление о том, что «финны дали всему миру возможность увидеть военное бессилие Красной армии и красных военно-воздушных сил». Через неделю ответ дала советская правительственная газета «Известия», изобразившая Черчилля злейшим врагом Советского Союза, а коммунистическая газета «Правда» предостерегла англо-французских империалистов против планов опасного расширения военных действий.

Страхи русских еще более ярко проявились в поспешной ликвидации Москвой финского марионеточного режима под руководством Отто Куусинена и в возобновлении 1 февраля наступления Красной армии против укреплений на Карельском перешейке, причем с привлечением значительно большего количества артиллерии. В то же время Сталин всячески старался напомнить немцам о его «великой службе рейху», выразившейся в продаже ему боевой

техники, иначе недоступной для Германии из-за блокады. Сталин добавил, что, хотя советская инициатива встречена в штыки, англо-французское давление не заставит СССР изменить политику снабжения Германии. Гитлер был менее терпелив, поскольку теперь он надеялся избежать необходимости отдавать скомпрометированным русским давно обещанный немецкий тяжелый крейсер и даже чертежи военного корабля.

18 января французское правительство, добавив основания для обвинений «Правды», подчиняясь сильному политическому давлению внутри страны, предложило Лондону не только совместные действия против Нарвика и шведских месторождений железной руды, но также использование польских сил против советских баз в Арктике для помощи Финляндии. Подвергаясь постоянной критике внутри страны за бездействие, в начале февраля британское правительство все же исключило предложенную польскую атаку на советскую Арктику, ограничив то, что меланхоличный генерал-лейтенант сэра Алан Брук назвал «дикими проектами» на второстепенных театрах военных действий, формированием так называемых добровольческих экспедиционных сил для Норвегии и Швеции. Вполне возможно, что приказ НКВД, датированный 12 февраля 1940 года, ликвидировать находившихся в их руках польских офицеров, был отдан именно под угрозой польской атаки на Петсамо. В этом случае, уже после того, как угроза союзников советской Арктике миновала, польские офицеры все равно были убиты.

Как обычно, несмотря на отчаянные призывы финнов, в начале марта норвежское и шведское правительства превратились в кошачью лапу союзнической стратегии, якобы направленной против России, а в действительности — против рейха. Тем не менее 16 февраля Гитлер, обеспокоенный ненужной гласностью в прессе союзников относительно его скандинавских планов, разозлился еще больше, когда британский флот освободил британских пленных с немецкого корабля, нелегально использовавшего прикрытие нейтральных норвежских вод для транспортировки пленных в Германию. Фюрер приказал своим не желав-

шим вмешиваться военно-воздушным силам и армии, а также более активному флоту подготовиться к вторжению в Норвегию под командованием его личного штаба в ОКВ. 1 марта была обнародована итоговая немецкая директива для проведения этой операции. Но неожиданное заключение мира между Финляндией и Советским Союзом 12 марта лишило Гитлера, так же как и союзников, официального повода для оккупации Норвегии.

Как доложил в Берлин посол Шуленбург, вероятно, СССР решил навязать свои условия Финляндии, опасавшейся полного завоевания, из страха оказаться втянутым в большую войну с Западом, к которой он был не готов. Даже если так, потери финнов, включающие уступку более 10% своей населенной территории, сопровождающуюся полным бегством оттуда населения, были неожиданно серьезными, и неудивительно, что финны с нетерпением ждали первой подходящей возможности все вернуть.

С другой стороны, в ходе зимней Финской кампании русские потеряли 200 000 человек; им также пришлось задействовать более 30% своей авиации и армейских дивизий — только так могла быть одержана полная победа над финнами. При таких обстоятельствах Сталин посчитал целесообразным пойти на уступки морали Красной армии, и успешный командир советских наступательных сил генерал С.К. Тимошенко получил звание маршала и стал министром обороны вместо Ворошилова. Интенсивная тренировочная программа, более традиционные звания и дисциплина и, наконец, появившаяся 12 августа единая командная структура, предусматривающая подчинение политических комиссаров военным, — все это означало хотя и запоздавшее, но все же признание советскими руководителями уроков неудачной зимней Финской кампании.

Британцы и немцы ожидали, что победившие русские теперь оккупируют северные норвежские порты, и не ослабляли своего внимания к Финляндии. Представляется важным, что фюрер не разделял желание Редера позволить русским оккупировать норвежский порт Тромсё — лучше уж русские, чем британцы. Гитлер решил сам захватить Тромсё, так же как и Нарвик, поскольку не хотел,

чтобы русские были так близко к рейху — в каких-то трех сотнях километров от полярного круга. Гитлеру было крайне неприятно советское наступление в Финляндии, и 18 марта он признался Муссолини, что только «крайняя необходимость» заставила его присоединиться к России, необходимость, от которой, как рассчитывал Гитлер, его избавит вступление Италии в войну.

Еще более раздражающим было поражение финнов для французов. 19 марта правительство Даладье ушло в отставку. При активной поддержке командующего французским военно-морским флотом адмирала Жана Дарлана новое правительство Поля Рейно потребовало обстрелять советские нефтяные месторождения в Баку, чтобы якобы не позволить немцам получить от русских этот жизненно важный продукт. Уже 28 марта Высший военный совет союзников, заседавший в Лондоне, отложил для дальнейшего изучения этот испорченный плод французского упорства, чтобы любой ценой, включая полное поражение, избежать войны на Западном фронте. Однако британцы, пытаясь спасти новое французское правительство, согласились установить минные поля, чтобы не позволить немцам использовать норвежские воды. Одновременно британцы согласились на то, чтобы союзники были готовы к ограниченным наземным операциям в Норвегии в том случае, если немцы ответят силой.

Встревоженное слухами о возможных враждебных действиях союзников, советское правительство поспешно задержало поставки зерна и бензина, жизненно важные для Германии, заговорило о трудностях с обещанной немцам военно-морской базы в Арктике и заверило британское правительство, что советская политика проводится независимо от немецкой. Однако советская политика претерпела очередную резкую перемену с началом высадки немцев 9 апреля вдоль побережья Норвегии. Экономические и военно-морские трудности, связанные с рейхом, как по волшебству, исчезли, и Молотов поспешил пожелать Германии успехов в проведении оборонительных мероприятий в Норвегии. Как всегда в период советско-нацистского сотрудничества, чем больше была угроза со стороны Гер-

мании, тем сердечнее было выражение лиц русских, обращенных к Берлину.

Уинстон Черчилль 11 апреля заверил палату общин, что вторжение Гитлера в Норвегию является такой же большой стратегической ошибкой, как захват Наполеоном Испании в 1807 году. В далекой перспективе потеря основной части немецкого надводного флота в этой операции, так же как и необходимость держать постоянный гарнизон из 300 000 немецких солдат, чтобы защищать свое весьма уязвимое завоевание, возможно, и подтвердили неосторожную реплику Черчилля. Вскоре гроссадмирал Редер признался, что не предвидел главной ожидаемой выгоды для рейха от захвата Норвегии, когда выступал за проведение этой рискованной операции, а именно огромного значения этой страны как базы для перехвата западных конвоев, идущих в СССР.

Такое будущее, вероятно, отвечало подсознательным устремлениям русофоба-фюрера, а не командующего военно-морским флотом Германии, который в первую очередь тревожился из-за своего главного противника на море. И именно Норвежская кампания, помимо этого раннего проявления растущей тяги Гитлера к ненужному распылению сил, впервые показала склонность к панике в трудные минуты у нового преемника почти столь же нервного Людендорфа в качестве военного диктатора рейха.

Очень странно, и это признавал сам Черчилль, но именно норвежское фиаско 10 мая привело его на вершину сального шеста Дизраэли в качестве премьер-министра с многократно увеличившейся властью над британскими военными при одновременно занимаемом им посту министра обороны. В то же время Гитлеру наконец удалось заставить своих переставших сопротивляться солдат напасть на Францию и страны Бенилюкса с преимуществом в силе, вызванным возможностью держать для номинальной охраны немецкого тыла в Польше от возможного нападения СССР только от пяти до тринадцати дивизий, причем не первоклассных. Отчаянный Шлифен наверняка не ставил так много на карту.

Через неделю после начала немецкого урагана на западе потрясенный скоростью и размахом собственных побед Гитлер уже обсуждал возможность предложения Британии условий мирного урегулирования. Он хотел потребовать от нее только возврата бывших немецких колоний. Повлияло ли это новое благодушное настроение на знаменитый приказ 24 мая, остановивший немецкие танковые дивизии, полным ходом идущие к Дюнкерку — единственному пути спасения британцев, сказать трудно. Несомненно одно: в беседах со своими генералами в это время Гитлер сравнивал Британскую империю с Римско-католической церковью — необходимым элементом западной стабильности — и не высказывал большого желания преследовать Великобританию и дальше. В любом случае основная масса британской армии на континенте сумела спастись на кораблях через Северное море, оставив, однако, на берегах Дюнкерка большинство своей техники.

Боевой дух фюрера оставался на подъеме на протяжении всей Французской кампании, и его приказ от 15 июня, сразу после взятия Парижа, демобилизовать около 40 армейских дивизий для укрепления немецкой военной экономики не показывает определенного намерения предпринимать новые операции до урегулирования проблем с Великобританией. Встретившись 18/19 июня с Бенито Муссолини, поздно и неудачно вступившим в войну, Гитлер еще больше унизил дуче, настояв на более легких условиях перемирия для французов за счет Италии. С другой стороны, закоренелый германофоб граф Галеаццо Чиано был исполнен восхищения Гитлером, считая его азартным игроком, который, к немалому собственному удивлению, сорвал большой куш, после чего ему предложили встать из-за игрового стола и больше не рисковать.

За несколько месяцев до своей высшей победы, осенью 1939 года, Гитлер, вероятно, обрисовал свою истинную позицию Вальтеру Шелленбергу. В том разговоре, в ответ на вопрос англофила Шелленберга, Гитлер якобы сказал: «Сначала я хотел работать вместе с Британией. Но англичане отвергали меня снова и снова. Понятно, что нет ничего хуже семейной ссоры, а с расовой точки зре-

ния англичане являются в каком-то смысле нашими родственниками... Жаль, что мы втянуты в эту смертельную борьбу, в то время как наши истинные враги на востоке могут просто сидеть и ждать, пока силы Европы иссякнут. Вот почему я не хочу уничтожать Британию и никогда не сделаю это, — здесь его голос стал резким и пронзительным, — но их всех, даже Черчилля, надо заставить понять, что у Германии тоже есть право на жизнь. И я буду бороться с англичанами до тех пор, пока они не перестанут важничать. Настанет время, когда они будут готовы заключить с нами соглашение. Это моя истинная цель».

В середине июня 1940 года Гитлер вполне мог верить, что с уничтожением французской военной машины на западе соглашение с англичанами стало возможным и, как он некогда предсказывал, у него будут развязаны руки для претворения в жизнь своего давнего страстного желания уничтожить большевистскую Россию на востоке.

Сотрудничество, установившееся между прусскими королями и русскими царями ради возвышения каждого, не может продолжаться долго. Их возвышение, поскольку они являются близкими соседями, делает их ненадежными в глазах друг друга. Оно спровоцирует зависть между ними, которая вскоре перерастет во враждебность.

Верженн, 1786 г.

Путь к искуплению открыт для Германии. Сражаясь с большевизмом, став оплотом против него, Германия сделает первый шаг к конечному воссоединению с цивилизованным миром.

Черчилль, 1919 г.

С одной Англией [в союзе], когда спина прикрыта, можно начинать немецкое вторжение в Россию.

Гитлер, 1924 г.

Теперь я могу все.

*Наполеон
после Тильзита*

Глава 3

«АУФБАУ-ОСТ», ИЛИ «СОСРЕДОТОЧЕНИЕ НА ВОСТОК»

14 июня — 14 ноября 1940 г.

Намерение Гитлера развить на востоке преимущества краха Франции, вероятно, стало известно генералам Рундшtedту и Йодлю еще до конца немецкой кампании на западе. В любом случае уже шло автоматическое восполнение баланса сил.

На второй неделе июня 1940 года, вопреки протестам армейского Генерального штаба, президент Рузвельт приказал передать более 20% артиллерийских резервов армии Соединенных Штатов, причем несмотря на проблематичное будущее этой героической нации и официальный

нейтралитет США, все еще имевший силу. Что касается позиции Советского Союза после падения Парижа, согласно неосмотрительным словам советского посла в Швеции госпожи Коллонтай, теперь «в общих интересах европейских стран занять оппозицию в отношении германского империализма. Стало очевидно, что немецкая угроза значительно больше, чем считалось ранее».

В конце мая, озаботившись сбором советских войск против Румынии, Гитлер, вероятно, вовсе не был доволен адресованным итальянцам открытым советским предостережением от 6 июня, предлагающим не вмешиваться в этот благоприятный момент в войну на Балканах. Ожидали немцы этого или нет, но быстрое установление русскими контроля над правительствами балтийских государств 15—19 июня отражало намерение Москвы воспользоваться хотя бы остатками немецкой кампании на западе. А комплименты министра Молотова относительно «блестящего успеха» немецкой армии во Франции никоим образом не ослабили шок, когда 23 июня русские потребовали немедленной уступки Румынии, причем не только Бессарабии, приписанной ей соглашениями 1939 года, но также провинции Буковина, не рассматриваемой в 1939 году как возможная сфера влияния СССР.

За довольно-таки неловкими советскими опровержениями того, что восемнадцать—двадцать дивизий Красной армии, отправленные в балтийские государства, находятся там как угроза рейху, последовала частичная сдача позиций по вопросу Буковины. Южная половина этой провинции, густонаселенной этническими немцами, была оставлена немцам, а остальная ее часть 28 июня была оккупирована советскими войсками. Тем не менее итальянский министр иностранных дел граф Чиано отметил: «Столицей, в которой концентрируются все нити заговора против немецкой победы, является Москва. Ситуация выглядела совершенно иначе, когда в августе и сентябре 1939 года большевики подписывали пакты с нацистами. В то время они не верили в триумф Германии».

Веком раньше австрийский министр иностранных дел граф Меттерних предостерег обеспокоенного царя против

возвеличивания за счет мелких безобидных соседей, тем самым ликвидировав оплот безопасности России против Наполеона. Черчилль оптимистично предположил 27 июня: «Если Гитлер не сможет разбить нас здесь, он, возможно, повернет на восток. На самом деле он может это сделать, даже не прибегая к вторжению [в Великобританию], чтобы найти использование для своей армии и ослабить зимнее напряжение». Короче говоря, русские больше не могли обижать своих малых соседей, если, конечно, не хотели нажать себе новых врагов.

Более пессимистичный, чем фюрер, барон фон Вайцеккер 30 июня заявил: «Возможно, Британии потребуется еще одна демонстрация нашей военной силы, прежде чем она развяжет нам руки в Восточной Европе». На следующий день Сталин принял нового британского посла сэра Стаффорда Криппса, доставившего послание от Уинстона Черчилля, касающегося угрозы германской гегемонии для периферийных европейских держав — Великобритании и Советского Союза. Несмотря на свой последующий лживый доклад об этой встрече немцам, Сталин вроде бы признал в беседе с Криппсом серьезность немецкой угрозы, но снова озвучил свое намерение избежать конфликта с рейхом, даже если это приведет к тому, что Советскому Союзу придется в одиночестве сражаться с Германией в 1941 году.

Днем позже, 2 июля, когда Гитлер без особого желания отдал приказ готовиться к вторжению в Великобританию, генералу Гальдеру было поручено обдумать операцию вторжения в Россию, которая должна была заставить ее признать доминирующее положение Германии в Европе. Уже 3 июля Гальдер записал, что стратегическим вопросом момента является следующий: «Англия или Россия?» В послевоенном анализе одного из первых участников планирования операции против России фельдмаршала Фридриха Паулюса говорится об опасении Гитлера, что любая попытка вторгнуться в Британию, не важно, успешная или нет, будет неизбежно препятствовать его шансам ведения кампании на востоке. И решающим летом 1940 года огромная антипатия фюрера к Советскому Союзу явно пере-

веса его более или менее выраженную враждебность к Великобритании.

В то время как жестокое нападение британцев на теперь нейтральный французский флот в Орне 3 июля, возможно, уменьшило надежды Гитлера на мир с Великобританией, он оставался сравнительно безразличным к недавним добровольным предложениям помощи в ведении войны со стороны японцев, испанцев и французов Виши, как и к попыткам Муссолини заручиться одобрением Германии на разные итальянские смелые инициативы в Средиземноморье. 11 июля Гитлер согласился с гроссадмиралом Редером, что вторжение в Великобританию через Канал должно состояться только в качестве последнего средства, а двумя днями позже фюрер в конце концов нашел в том успешное решение дилеммы: теперь оказалось, что именно надежды Великобритании на советское вмешательство поддерживали ее иначе необъяснимое нежелание заключить мир. Это якобы расстроило Гитлера, на том основании, что Япония и Америка, а вовсе не рейх, выиграют от пролития германской крови ради завоевания Британии и распада Британской империи. На деле, как показывает одновременно отданный Гитлером приказ о замедлении идущей в Германии демобилизации, беспокойство фюрера о судьбе Британской империи было главным образом прикрытием. Ему было необходимо найти предлог для собственного штаба, чтобы оправдать новую широкомасштабную кампанию против Советского Союза.

Гитлеровская амбивалентность по отношению к Британии вновь проявилась, когда 16 июля он добавил к указанию вторгнуться в Британию, «если необходимо», публичное обращение 19 июля к рейхстагу положить конец войне с англичанами. В своей впечатляющей речи фюрер заявил, что ему «почти что» больно уничтожить империю, которой он никогда не имел намерения повредить. Он не видел «причин, по которым эта война должна продолжаться», если британцы готовы пожертвовать Уинстоном Черчиллем и своей долей бывших немецких колоний.

Убедившись в отсутствии ответа англичан на его мирное предложение и постоянно помня о своих собственных

сомнениях, касающихся «очень опасного» вторжения в Британию, Гитлер 21 июля рассказал о своих идеях армейской верхушке. Несмотря на признание фюрера в том, что нет никаких признаков агрессивности русских по отношению к Германии, все же предполагаемое заигрывание Сталина с Британией, якобы ради выигрыша времени и территории, было названо Гитлером истинной причиной начала планирования нападения на Советский Союз осенью 1940 года.

На следующий день генерал Гальдер был проинформирован, что фюрер приказал собрать от 80 до 100 дивизий в течение следующих четырех—шести недель. Он хотел сокрушить Красную армию (силы которой оценивались как 50—75 дивизий) и, кроме того, проникнуть в глубь территории Советского Союза достаточно далеко, чтобы предотвратить воздушные атаки русских на рейх и позволить люфтваффе бомбить промышленные предприятия Урала. В качестве политических целей Гитлер наметил доминирование Германии в Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Фюрер признал, что такая кампания этой осенью ослабит текущие воздушные налеты на Британию, но уже приступил к обсуждению с гроссадмиралом Редером перспективы, устраивающей обе стороны, отложить приобретающее все более гипотетический характер вторжение в Британию до мая 1941 года.

В течение следующей недели, пока Гальдер обсуждал возможность выступления сотни немецких дивизий на Москву и захвата с этой центральной позиции Украины, фельдмаршал Кейтель убедил фюрера, что с точки зрения логистики невозможно вовремя вернуть немецкую армию из Франции для начала кампании осенью того же года. Как молодой Мольтке был вынужден объяснить кайзеру Вильгельму II в 1914 году: переброска нескольких миллионов человек не может производиться без подготовки и в последний момент, какими бы неотложными или благоприятными ни были политические обстоятельства.

29 июля генерал Йодль сообщил новость о намерении Гитлера напасть на Россию в 1941 году полковнику Вальтеру Варлимонту и его штабу в ОКВ. На вопросы шокирован-

ных военных относительно возможности такого нападения до победы над Англией Йодль дал весьма неубедительное объяснение. Он сказал, что мотив фюрера — собрать больше сил для покорения Великобритании, разгромив Красную армию, тем самым якобы высвободив людей и технику для переправы через Канал осенью 1941 года, то есть сразу после завершения русской кампании. Наконец, Йодлю пришлось сказать скептикам из штаба ОКВ, что фундаментальное намерение напасть на СССР в 1941 году больше не является предметом обсуждения. Гитлер уже принял решение. Верховному командованию армии (ОКХ), которое предпочло бы нанести «решающий удар» по Великобритании на относительно безопасном Средиземноморском театре, вместо этого пришлось поручить бригадному генералу Эриху Марксу (удивительно подходящая фамилия!) планирование русской кампании в следующем году. В этот период гроссадмирал Редер и его военноморской флот оставались в неведении относительно восточных планов.

31 июля, встретившись с армейской верхушкой в Бергхофе, Гитлер, дождавшись ухода Редера, изложил свои предложения относительно России в подробностях. Он снова назвал операцию оправданной, потому что «Россия является фактором, на который Британия определенно делает ставку. Что-то случилось в Лондоне. Англичане были совершенно подавлены. Теперь они снова воспрянули духом».

Далее Гитлер сказал:

«Однако, если Россия будет разбита, тогда последняя надежда Европы исчезнет. Германия окажется хозяйкой Европы и Балкан.

Решение: в ходе этого противостояния с Россией должно быть покончено весной 1941 года.

Чем быстрее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция имеет смысл, только если мы сокрушим государство одним сильным ударом. Одного только завоевания территории недостаточно. Остановка зимой опасна. Поэтому лучше подождать, но принять твердое решение разгромить Россию. Это необходимо и в связи с ситуацией на Балтике.

Никому не нужна вторая великая держава на Балтийском море: май 1941 года. Пять месяцев на выполнение. Предпочтительная тишина в этом году. Однако невозможно, если придется выполнять как одну операцию.

Цель: уничтожение жизненной энергии России.

Прорваться в:

Первая атака: Киев, остановка на Днестре. Люфтваффе уничтожают переправы. Одесса.

Вторая атака: балтийские государства в направлении Москвы.

В завершение схождение с севера и юга. Позднее специальная операция против бакинских нефтяных месторождений. В какой степени будут заинтересованы Финляндия и Турция, будет видно».

В заключение Гитлер решил увеличить армию на 50 дивизий, таким образом доведя численность, используемую в Восточной кампании, до 120 дивизий, оставив 60 дивизий охранять его завоевания на западе. Фюрер сделал над собой усилие и заметил, что чем больше дивизий вторгнутся в Россию, тем лучше. В отличие от недавно завершённой операции на западе в кампании на востоке не должно быть ограничений, по крайней мере по стандартам гитлеровского рейха.

Что касается утверждения Гитлера о том, что Советский Союз — это страна, на которую в основном надеется Великобритания, американский посол Джозеф Кеннеди высказал такой же циничный, хотя и несколько более искренний взгляд, когда 31 июля отправил из Лондона в Государственный департамент США телеграмму следующего содержания: «Не позволяйте никому совершить ошибку; эта война, с точки зрения Великобритании, ведется устремив взоры только в одну сторону — к Соединенным Штатам Америки. Они понимают, что, если не произойдет чуда, в перспективе у них нет шансов». При таких обстоятельствах сталинская осторожность летом 1940 года так же понятна, как и излишняя уверенность Гитлера в Восточной кампании.

1 августа генерал Гальдер изложил генералу Марксу основные положения будущей кампании в России, под-

черкнув и главный удар в направлении Москвы, и определенную логистическую слабость, присущую любой атаке из Румынии на Украину. Гальдер всегда уделял меньшее значение операциям на периферии для того, чтобы они с самого начала не сказались на главном ударе — на русскую столицу. Следует отметить, что акцент, сделанный Гальдером на Москву, мог войти в потенциальное противоречие с заявлением Гитлера от 31 июля о том, что первая и вторая атаки немцев будут против Украины и Прибалтики, а в Москве они сойдутся лишь позднее.

План Маркса, переданный ОКХ 5 августа, в основном воплощал взгляды Гальдера, видевшего главной целью Москву, а атаки в Прибалтике и на Украине рассматривались как второстепенные. Маркс наметил развертывание 147 немецких дивизий, организованных в пять армий, три из которых будут находиться севернее Припятских болот. Планом предусматривался выход немцев на линию Москва—Ленинград через шесть—двенадцать недель. Для достижения конечной цели — линии Архангельск—Горький—Ростов, по его оценке, требовалось девять—семнадцать недель, в зависимости от силы сопротивления русских. В одном отношении план Маркса оказался довольно реалистичным: по немецким оценкам, Красная армия насчитывала около 150 дивизий, которые она могла выставить против немцев и финнов. Маркс же считал, что русские предпочтут занять передовые позиции, тем самым дав немецкой армии возможность уничтожить Красную армию раньше, чем она сумеет отступить в глубь территории СССР.

Сразу после передачи своего плана командованию генерал Маркс обсудил его с генерал-майором Эрихом Кестрингом, весьма компетентным германским военным атташе в России. Тот поклялся держать план в тайне от своих начальников — русофилов, таких как посол Шуленбург. Кестринг не согласился с тем, что взятие Москвы станет решающим фактором в поражении Красной армии. Он слишком долго имел дело с Россией и знал, что советские ресурсы за Уралом, так же как и русская смекалка, и способность русских экспромтом создавать новые связи, по-

зволят им выжить после потери столицы, хотя она и является центром связей такого опасно централизованного государства, как Советский Союз. Кестринг признал, что Красной армии потребуется не меньше четырех лет, чтобы оправиться от сталинских чисток. В будущем отдельные аспекты аргументов Кестринга окажутся бесценными для Гитлера в его спорах с ОКХ.

Первая директива, касающаяся логистической подготовки операций в Советском Союзе, получила кодовое название «Ауфбау-Ост», или «Сосредоточение на восток», и была издана 9 августа. Правильно оценил гроссадмирал Редер ее значение или нет, но он в любом случае должен был почувствовать, что ветер подул в другом направлении, когда 13 августа получил информацию о том, что фюрер требует усиления оборонительных сооружений и развертывания дополнительных сил армии в Северной Норвегии на случай атаки русских. Немецкая армия, как было сказано Редеру, займет ценные никелевые месторождения в районе Петсамо в случае возобновления русско-финского конфликта. Операция в районе Петсамо получит кодовое название «Рантэ». В ней примет участие 2-я горная дивизия с новой передовой базы в Киркенесе — в Норвегии на финской границе.

На следующий день генерал Томас, глава армейского ведомства экономики и вооружений, не поддерживавший нацистов, получил сообщение рейхсмаршала Геринга о том, что фюрер намерен поставлять военную технику и оборудование в Советский Союз только до весны 1941 года. Это «указание», каковым посчитал его Томас, касающееся глубоко засекреченного будущего, подсказало необходимость обеспечить приоритет поставкам, предназначенным для вполне безобидно звучащей операции «Ауфбау-Ост». Он был прав, поскольку подготовка к альтернативной конкурирующей операции «Морской лев» — вторжению в Великобританию — все чаще сталкивалась с трудностями ввиду явного безразличия фюрера и Редера и активного сопротивления Королевских ВВС.

18 августа один из агентов Геринга получил разрешение отправить запасы и персонал люфтваффе через Финлян-

дию в Северную Норвегию, и одновременно рейху предоставлялся опцион на финских никелевых шахтах, теперь столь желанных для Советского Союза. Взамен финны получили военные грузы из Германии. Желая приобрести союзника для прикрытия своего северного фланга, Гитлер уже перешел от идеи защиты Финляндии против советской угрозы к намерению вознаградить финнов всей восточной частью Карелии, если они помогут Германии перерезать жизненно важную железную дорогу в Мурманск.

Аналогичная тенденция к нацистскому вмешательству против СССР на немецком фланге Балкан стала очевидной в середине августа 1940 года, хотя первоначально была только средством держать и русских, и итальянцев подальше от этого района. Желая оправдаться перед Риббентропом, вся внешняя политика которого строилась на германо-советском пакте 1939 года, Гитлер безосновательно заявил, что, если русские возобновят свои претензии насчет Румынии, угроза, нависшая над нефтяными месторождениями в Плоешти, сделает рейх зависимым от доброй воли Сталина для дальнейшего ведения войны.

Как выяснилось, желание венгров захватить у слабой Румынии Трансильванию дало Гитлеру хороший повод для германского вмешательства. 28 августа он разъяснил графу Чиано, что война между Венгрией и Румынией обязательно скажется на импорте странами оси румынского бензина. Более того, такой конфликт может спровоцировать советское нападение на Балканы, «если позволят обстоятельства». Учитывая такие возможности, фюрер уже укрепил гарнизон в Польше двенадцатью новыми немецкими дивизиями, включая две бронетанковые дивизии на юге, удобно расположенные для быстрой переброски в Румынию в случае советского наступления в этом направлении. Серьезность намерений Гитлера помешать любым действиям СССР видна и из его приказа, отданного в это же время, который избавил силы для якобы неминуемого вторжения в Великобританию от нескольких сотен самолетов, чтобы быстрее укрепить войска для румынской операции, если таковая потребуется. Гитлер считал, что «Морской лев» вполне может подождать.

После того как навязанный странами оси диктат разделил Трансильванию между Венгрией и Румынией, 31 апреля немецкий посол в Москве получил неблагоприятное задание объяснить этот односторонний акт стран оси раздраженным русским. Аргумент Риббентропа, гласящий, что поскольку СССР уже удовлетворил свои требования касательно Румынии, то не может возражать против германской гарантии границ оставшегося государства, вероятно, был для него лучшей линией поведения.

Тем не менее на следующий день, отвечая послу Шуленбургу от имени советского правительства, министр иностранных дел Молотов заявил, что Германия нарушила пункт 3 пакта с СССР. Это статья, требующая взаимных консультаций между двумя сторонами, прежде чем одна из них предпримет какие-либо действия в Восточной Европе. На это Риббентроп возразил, что русские в июне 1940 года оккупировали территорию, предназначавшуюся рейху, и что он получил лишь короткие уведомления об оккупации русскими Бессарабии и Северной Буковины, несмотря на то что в этих провинциях живет много этнических немцев. Однако было очевидно, что масло уже выплеснуто в огонь. Как впоследствии с присущей ему язвительностью написал граф Чиано: «Мечты русских рассеялись навсегда». Это стало результатом решительной нацистской интервенции в Румынию.

Дальнейшее отсутствие иллюзий, проявленное, по крайней мере, немецкой стороной, отразилось в новой директиве, изданной 6 сентября генералом Йодлем в ОКВ, абверу адмирала Канариса. Отныне и впредь Гитлер будет пытаться ввести в заблуждение только русских, хотя, конечно, будет давать рациональные обоснования своих действий собственному народу, когда того потребуют обстоятельства. В директиве сказано:

«Восточная территория в ближайшие недели будет укомплектована намного лучше. Такая перегруппировка не должна создать впечатление в России, что мы готовимся к наступлению на восток. С другой стороны, русские поймут, что сильные и прекрасно оснащенные немецкие войска концентрируются в генерал-губернаторстве [Польше],

в восточных провинциях [рейха] и в протекторате [Богемии и Моравии]. Россия сделает вывод, что мы можем в любой момент защитить свои интересы, особенно на Балканах, крупными силами против ее посягательств.

Следует создать впечатление, что центром концентрации наших войск является южная часть генерал-губернаторства, чехословацкий протекторат и Австрия, а концентрация на севере относительно слабая».

В то же время отвлечение атак люфтваффе от британских аэродромов на ночные бомбежки Лондона отражало все более очевидную бесполезность «Морского льва». И Герман Геринг присоединился к гроссадмиралу Редеру в попытке отвлечь внимание фюрера на юг. 6 сентября Редер рекомендовал Гитлеру, в случае если «Морской лев» не состоится, захватить Суэц, Гибралтар и даже Канары, как часть войны против Великобритании, и сделать это раньше, чем вмешаются Соединенные Штаты.

Хотя Гитлер выражал аналогичное одобрение относительно обширных средиземноморских планов Редера, как он раньше высказывался по поводу «Морского льва», план операции «Ауфбау-Ост», который генерал-майору Фридриху Паулюсу предстояло переработать в начале сентября, в большей степени воплощал подлинные интересы фюрера. Эксперт в использовании танковых формирований, Паулюс был согласен со своим непосредственным начальником генералом Гальдером, отдавая предпочтение операциям против Великобритании на Ближнем Востоке, вместо того чтобы добавить Советский Союз, как новое бремя к общему грузу стратегических проблем рейха.

Одновременно, в качестве сдерживающего момента для нового задания Паулюса, генерал Йодль поручил своим людям в ОКВ составить независимый план операций против СССР. План ОКВ, переданный Йодлю 19 сентября, делал акцент на атаку на Москву и Ленинград, исключая наступление на Украину, однако не отдавал ясного предпочтения одной из двух северных операций. Финны в этой предварительной разработке ОКВ также должны были двигаться прямо на Ленинград, а не к Мурманской железной дороге.

С уменьшением шансов на вторжение в Великобританию ярость Гитлера, направленная против Советского Союза, становилась сильнее. 14 сентября он сказал Гальдеру: «Мы не истекли кровью, как ожидали русские. Мы достигли величайших побед, не заплатив за них высокую цену. <...> Расчеты России оказались неверными». 17 сентября операция «Морской лев» была отложена на неопределенный срок и в дальнейшем использовалась только в качестве прикрытия действий на востоке — вновь наполеоновская аналогия, но теперь 1805 года.

Немцы теперь услышали о сосредоточении сил Красной армии на западе России — там собралось около 120 дивизий, и генерал Гальдер пришел к выводу, что Советы, вероятнее всего, ожидают немецкого нападения в 1941 году. В советских вооруженных силах снова началась широкая антинацистская пропаганда, однако оснащение армии современными танками и самолетами велось крайне медленными темпами, и не было времени создать крупные независимые танковые подразделения, подобные тем, что немцы с блеском продемонстрировали в Польше и во Франции. И наконец, Сталин так и не сумел отказаться от чистки высшего офицерского состава, несмотря на явную нехватку, возникшую в результате чисток, среди командиров пехотных полков профессиональных военных, выпускников командных училищ. Героические усилия нового комиссара обороны маршала Тимошенко реорганизовать и обучить Красную армию для ведения мобильной войны, навязанной немцами, учитывая недостаток офицерского состава, потребовали больше времени, чем мог предоставить Гитлер.

Другие неблагоприятные последствия ошибок Сталина стали проявляться, когда немецкие интересы переместились на юг и на восток. Новый фашистский диктатор Румынии генерал Антонеску проинформировал немцев, что рейх может и должен напасть на Советский Союз и Румыния ему в этом поможет. Гитлер, хотя и не склонный на этой стадии раскрывать свои намерения впоследствии любимому правителю на Балканах, все же согласился послать обширный контингент немецких инструкторов, которые должны были подготовить румынскую армию к будущей

роли, намеченной Антонеску. Более того, эта «учебная» миссия имела параллельное задание защитить нефтяные месторождения Плоешти от разрушения или советской оккупации. В то же время 22 сентября немецкий министр иностранных дел подписал соглашение с Финляндией, позволившее передвижение всех типов подразделений немецких вооруженных сил по территории Финляндии. Русским скептикам объяснили, что эти немецкие подразделения направлены для перехода в Норвегию, что вряд ли помогло русским сохранить лицо, не говоря уже о том, чтобы умирить их тревоги.

В середине сентября снова заявила о себе Испания в лице дальнего родственника генералиссимуса Франко Серрано Суньера. Фюрер согласился с Суньером, что ограниченная немецкая помощь в захвате Гибралтара закроет пролив от англичан, но непомерные территориальные претензии испанцев во французской Северной Африке испугали Гитлера, поскольку существовала вероятность перехода французов впоследствии к генералу де Голлю. Экономические требования испанцев тоже раздражали фюрера, тем более учитывая его предыдущую помощь и текущие проблемы его военной экономики.

Точно так же хитрая попытка адмирала Редера 26 сентября вызвать фюрера на разговор о Восточной кампании, подчеркнув важность Средиземноморья как альтернативы, встретила вежливое согласие Гитлера с тем фактом, что ситуация на Средиземном море должна быть урегулирована в течение зимних месяцев. Тем не менее, как мрачно признался Редер спустя несколько лет, на практике фюрер остался ярым приверженцем внезапного нападения на СССР, и с тех пор большинство блестящих возможностей на Средиземном море отражали это твердое намерение.

В то время, когда энергия стремления Гитлера постепенно затрагивала даже второстепенных членов окружения фюрера, стал очевиден новый курс американской политики — отход от нейтралитета и сближение с Великобританией. После обмена американцами 50 эсминцев на аренду места на британских базах в Западном полушарии партнеры по оси так же не могли позволить себе иг-

норировать эффект от влияния дипломатии Рузвельта на мораль англичан, как и отрицать скрытое сопротивление Советского Союза их экспансионистским проектам. Нацистские лидеры решили дать ответ открытой американской и тайной советской реакции таким же образом: открыто предостеречь американцев и неявно — русских.

В то время Тройственный союз, заключенный 27 сентября 1940 года, официально не был направлен против Советского Союза, как объяснил Риббентроп подозрительному советскому министру иностранных дел в очередной телеграмме, направленной в последнюю минуту. Формально это соглашение между Германией, Италией и Японией было призвано разубедить Соединенные Штаты вступать в войну в Атлантике или на Тихом океане, угрожая ответственными тройственными действиями в случае американской акции. Однако на деле немцы перехитрили самих себя, поскольку, с одной стороны, пакт усилил стремление японцев двигаться на юг против англосаксонских сил на Тихом океане. С другой стороны, он подтолкнул русских и японцев к более конструктивным отношениям между собой, чтобы обеспечить защиту своих границ, когда действия ведутся в других местах. Понятно, что на этой стадии оставшийся приверженцем выполнения пакта 1939 года с Советским Союзом Риббентроп мог предложить такую политику, как косвенный метод обеспечения более полного участия стран оси в войне с Западом, более чем в конфликте с СССР, которого все еще можно было избежать. Но в перспективе влияние Тройственного пакта стало катастрофическим для гитлеровской кампании в России. Япония теперь действовала в направлении неправильном для будущих великих стратегических планов фюрера. Советская азиатская «задняя дверь» оказалась плотно закрытой при активной помощи ошибочной дипломатии Риббентропа.

4 октября Гитлер встретился с Муссолини и объяснил ему, как раньше генералу Гальдеру, что расчеты Сталина относительно продолжительности и характера войны неверны. После того как Риббентроп поторопился указать, что русские боятся немцев и не начнут в отношении их

никаких недружественных действий, Гитлер выразил сомнение в том, что Советский Союз можно отвлечь от Европы, направив его внимание в направлении Индии или Индийского океана. В любом случае Гитлер считал, что русские не станут проблемой для рейха, даже в самом худшем случае. «Большевизм, — с пафосом проговорил Гитлер, — это доктрина людей, которые находятся на самой низкой ступени развития цивилизации».

Через неделю немецкому министерству иностранных дел была поручена бесполезная задача — убедить русских в том, что открытое прибытие немцев в Румынию обусловлено невероятным предложением — охраной нефтяных месторождений Плоешти от англичан. Растерявший вежливость Молотов отказался признать какую-либо угрозу для Румынии со стороны англичан, заявив, что они слишком заняты борьбой за свое существование, чтобы вмешиваться в события, происходящие в столь удаленных от них регионах нижнего Дуная. Официальная советская политика того периода была настолько резкой, что англичане получили основания надеяться на улучшение взаимоотношений с явно перепуганными русскими.

Риббентроп был против происходящего. Отчаявшись поддержать разваливающийся пакт с Советами, он 13 октября обратился к Сталину с пространством оправданием немецкой политики. В рамках этого призыва *de facto* восстановить прежние взаимоотношения немецкий министр иностранных дел пригласил Молотова в Берлин для консультаций с фюрером относительно будущего урегулирования советской внешней политики с политикой государств, подписавших пакт о Тройственном союзе.

12 октября Муссолини, почти так же как и Сталин ошеломленный неожиданной немецкой интервенцией в Румынию, сообщил Чиано, что собирается нападать на Грецию, чтобы восстановить равновесие с рейхом на Балканах. Итальянский министр иностранных дел, явный германофоб, был в восторге, несмотря на враждебность итальянской армейской верхушки, командования флота и военно-воздушных сил. Дуче не проинформировал немцев о намеченной дате операции, но Гитлер, похоже, не сомне-

вался в ее неизбежности — немецкая разведка хорошо поработала. В прстивоположность своему последующему обоснованию *ex de facto*, когда греческая экспедиция оказалась неудачной, фюрер на этот раз не хотел раздражать дуче и не выступил с открытым возражением против итальянской акции, которой предстояло внести существенный вклад в отсрочку его нападения на Советский Союз в следующем году.

23 октября Гитлер встретился с генералиссимусом Франциско Франко, прежде чем дела с Италией на Балканах достигли критической точки. Встреча произошла в Андае — городке на испанской границе. Подозревая, что его хотят сделать еще одним Годоем для нацистского Бонапарта, Франко не выказал интереса к мнению Гитлера, заключавшегося в том, что самая большая проблема Северной Африки — сохранить ее от де Голля. Такая немецкая политика мешала колониальным претензиям Испании, и потому Франко отказался вступить в войну или захватить Гибралтар с помощью немцев в январе 1941 года, как предлагал Гитлер.

Покинув Андаи в большом раздражении, Гитлер и бестактный Риббентроп отправились во французский Монтуа с тем, чтобы убедить маршала Петена поддержать рейх против Великобритании в войне. Попытка нацистов заставить другую латинскую нацию связать руки британцам на Средиземноморье также провалилась. После этого Гитлер вернулся в Германию, где получил еще более неприятную информацию о намерении итальянцев напасть на Грецию.

28 октября прибыв во Флоренцию для последней попытки удержать Италию от вторжения в Грецию, Гитлер был встречен на железнодорожном вокзале элегантным дуче, который сообщил, что итальянская армия в Албании два часа назад пересекла границу Греции. Принимая во внимание большое недовольство Гитлера мезтью Муссолини, он держался на удивление спокойно. После обсуждения проблемы немецкой помощи в будущем вторжении на Крит Гитлер заявил, что, в отличие от альянса с Италией, партнерство с Россией основывалось только

на соображениях целесообразности. Германский диктатор не доверял Сталину, так же как и тот, по его глубокому убеждению, не доверял ему, но все же хотел встретиться с Молотовым в призрачной надежде отвлечь Россию от Финляндии и Босфора, обратив ее внимание на Индию. Сталин, считал Гитлер, достаточно «проницателен» для того, чтобы оценить необходимость прекращения дальнейшей советской экспансии в Европе.

Однако на следующий день, 25 октября, глубинные и более искренние намерения Гитлера в отношении Советов проявились в плане, получившем полноценный статус и кодовое название Ost Fall («Восточное дело»). Его передал генерал Паулюс Гальдеру. Советская военная материально-техническая база, приведенная Паулюсом в плане ОКХ, предусматривала небольшой перевес в силах: около 170 дивизий Красной армии на западе России против предполагаемых 145 немецких дивизий, не считая финнов и румын. Обширность российской территории — немцам предстояло преодолеть около тысячи километров практически по бездорожью примерно за пять месяцев, с мая по октябрь 1941 года, — предполагала в высшей степени напряженную кампанию.

Среди немецких преимуществ, предполагаемых ОКХ, была лучшая подготовка войск, высокое качество командования, внезапность, хотя бы в некоторой степени, непопулярность советского режима в Прибалтике, на Украине и на Кавказе и якобы низкая мораль Красной армии, проявившаяся в ходе чисток и Финской кампании. Паулюс подчеркивал, что внушительным советским силам должен быть отрезан путь к отступлению как можно ближе к границе. Им следует навязать бои без возможности отхода. Командование ОКХ поддерживало идею Гальдера о главном ударе на Москву, чтобы как можно скорее обеспечить военную победу над Красной армией, — экономические выгоды Украины и Кавказа могут подождать, как спелые сливы, которые можно будет легко сорвать после разгрома Красной армии.

В течение первой недели ноября упрямство, с которым Гитлер придерживался своих русских планов, несмотря на

трудности, вызванные неожиданным итальянским кульбитом на Балканах, стало очевиднее, чем прежде. После объявления 4 ноября, что «Россия остается величайшей проблемой Европы и все должно быть сделано для подготовки к расплате», Гитлер перешел к плану короткой кампании на Балканах, намеченной на весну будущего года. Она должна была помочь итальянцам и помешать британским бомбардировкам нефтяных месторождений Плоешти из Греции, прежде чем начнется вторжение в Советский Союз. Но в этом плане, который вскоре будет назван «Марита», фюрер предупреждал о том, что не должно рассматриваться никаких действий против Турции, не говоря уже о Суэце, потому что такие операции будут слишком продолжительными. Им придется подождать до осени 1941 года, когда завершится русская кампания.

К 12 ноября в своей военной директиве № 18 Гитлер подвел итоги своих сложных и несколько несочетаемых планов на весну 1941 года. Роль французов виделась чисто оборонительной — охранять французские колонии по периметру Африки от внезапных нападений англичан. В операции «Феликс» Испания должна была с помощью немцев не пустить британцев в Гибралтар и в пролив. Немецкая танковая дивизия должна была помочь остановившейся кампании Муссолини в Ливии против Египта, а на Балканах Гитлер намеревался использовать 10 дивизий для оккупации Северной Греции, но не Югославию или Турцию. Следует помнить, что немецкие войска на Балканах были хорошо расположены для быстрого передвижения на северо-восток на Украину, после завершения ограниченной операции в Греции — удобного прикрытия для первоначального движения на юго-восток.

Что касается пятого и самого важного пункта директивы № 18, Гитлер не смягчал слова, какую бы неразбериху это ни вызвало впоследствии. После заявления о том, что вот-вот начнутся политические переговоры с Советами, Гитлер заверил, что «независимо от результатов, к которым эти беседы приведут, всю подготовку к операциям на востоке, устные приказы, которые уже были отданы, должны продолжаться. Подробные директивы по соответствию-

ющим вопросам будут изданы, как только план операций будет составлен армией, передан мне и мною одобрен».

В день появления военной директивы № 18 министр иностранных дел Советского Союза Молотов прибыл в Берлин по приглашению Риббентропа. Немецкий министр начал эпохальные беседы с Молотовым обычным заявлением о том, что Британия уже разбита, после чего весьма непоследовательно заверил советского эмиссара в том, что англичане больше не высадутся на континент, даже при поддержке Соединенных Штатов. Далее министр иностранных дел рейха скромно присвоил себе заслугу в том, что помог отвлечь внимание Японии от Советского Союза на юг. Это был в высшей степени эффективный план прикрытия в ближайшем будущем, для маскировки истинных намерений Гитлера в отношении Советского Союза, и катастрофическое отвлечение сил в более далекой перспективе. Затем, как Наполеон, делавший косвенные намеки не только одному царю, Риббентроп предложил аналогичный маневр русских в направлении южного моря.

Молотов холодно полюбопытствовал, какое именно море немцы имеют в виду. Вскоре обнаружилось, что русский думал о Черном море, а немец — об Аравийском. Тем не менее, как и в случае с Талейраном, Риббентроп хотел дать более свободное использование Дарданелл для выхода в Средиземное море, чем это разрешала конференция в Монтрё. Кроме изложенного, немецкий министр иностранных дел отказался связывать себя обязательствами за счет турок. Позднее в этот же день Гитлер снова вернулся к этой теме с Молотовым, в связи с чем был задан прямой вопрос относительно продолжения отнесения Финляндии к сфере интересов СССР, как это было предусмотрено пактом 1939 года, а также последовал запрос о возможности участия СССР в новом Тройственном союзе.

На следующий день, 13 ноября, взаимоотношения между Молотовым и фюрером, к которому советский министр упорно относился как к равному, стали напряженнее. Были обсуждены все проблемы пограничных областей, с особым акцентом на присутствие немецких войск в Финляндии, не говоря уже о почти эквивалентной наступательной га-

рантии немцев Румынии. Гитлер уклонился от положительного ответа на вопрос о такой же гарантии Советского Союза Болгарии. В свою очередь, Молотов не выказал интереса к энтузиазму фюрера относительно раздела «обанкротившегося поместья» Британской империи. Как он впоследствии сказал Риббентропу, немцы «полагают, что война против Финляндии уже выиграна». Что касается немцев, даже Риббентроп выразил протест против слишком навязчивых вопросов со стороны непреклонного советского государственного деятеля.

На следующий день, 14 ноября, Франц Гальдер был проинформирован о сохранении его гражданскими руководителями уверенности в том, что русские не имеют намерения на данном этапе порвать с рейхом и все еще хотят вступить в Тройственный союз, хотя и на своих условиях. Для Гитлера ситуация складывалась более чем удовлетворительно. Сталина следовало как можно дольше успокаивать неуместными дипломатическими уловками Риббентропа, а пока суд да дело, под видом помощи должным образом наказанному дуче, фюрер быстро заканчивал приготовления к тому, что он позже назовет «предметом желаний моей жизни и *raison d'être*¹ национал-социализма — ликвидации большевизма».

¹ Смысл существования (*фр.*).

Вы как русские; вы не можете видеть ничего, кроме угроз, ничего, кроме войны, тогда как это просто диспозиция сил, необходимая для того, чтобы заставить Англию просить о мире раньше, чем истечет шесть месяцев.

Наполеон Коленкуру, 1811 г.

Не переговоры с Троцким, не мирная резолюция рейхстага... а продвижение вперед крупных военных сил Германии принесло нам мир на востоке.

Штреземан, февраль 1918 г.

Если война начнется, нам не придется сидеть сложа руки — нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирию на чашу весов, гирию, которая могла бы перевесить.

Сталин, 1925 г.

Мы не знаем, какую силу обнаружим, когда нам действительно придется распахнуть двери на восток.

Гитлер Риббентропу, апрель 1941 г.

Глава 4

«БАРБАРОССА»

14 ноября 1940 г. — 22 июня 1941 г.

После унылого отъезда советской иностранной делегации из Берлина гроссадмирал Редер 14 ноября сделал следующую запись о состоявшемся в тот день совещании у Гитлера: «Фюрер все еще намерен спровоцировать конфликт с Россией. Командующий флотом рекомендует отложить его до победы над Англией, поскольку на вооруженные силы Германии возлагается тяжелое бремя, а конец войны пока не виден. По мнению командующего флотом, Россия не будет стремиться к конфликту в течение следующего года, потому что она как раз занимается

строительством собственного военно-морского флота с помощью Германии. ...Таким образом, в эти годы она остается зависимой от помощи Германии».

Редер, не обескураженный очевидным отсутствием интереса Гитлера к обсуждению проблем Средиземноморья, подробно остановился на недавней серии военных неудач итальянцев, как немаловажной причине немецкого наступления на Ближнем Востоке. Герман Геринг тоже советовал Гитлеру уступить русским все, кроме Балтики, утверждая, что они не смогут напасть на Германию раньше чем в 1942 году. Ответ Гитлера показал его истинные мотивы. Если верить Герингу, он сказал: «Моя армия сейчас свободна. Только флот и военно-воздушные силы заняты войной с Англией. Необходимо нанести удар, пока это возможно. Я хочу уничтожить русские вооруженные силы, пока они не стали опасными».

Спустя четыре дня, 18 ноября, Гитлер дал понять Серрано Суньеру, снова находившемуся в Берлине, что имеет собственную концепцию относительно того, кому следует заботиться о Средиземноморье в течение следующего года. Вступив в войну как можно раньше, сказал фюрер колеблющемуся Суньеру, Испании будет легче добиться успеха против Британии. Вряд ли убежденный неудачным итальянским примером, Суньер нашел спасение в своих обычных требованиях весомой экономической помощи и французских североафриканских территорий. Заметим, что последнее желание уже было отвергнуто Гитлером, как вовлекающее германские вооруженные силы в регионы, в которых фюрер пока предпочитал позволять другим нести бремя войны против Британии. Возвратившись к наполеоновской аналогии, Гитлер не мог набраться энтузиазма в отношении перспективы дополнения пребывавшей на эмбриональной стадии развития русской кампании тем, что еще Бонапарт назвал «испанской язвой».

В письме от 20 ноября, из которого Муссолини должен был понять, что ему элементарно дали нагоняй, как школьнику, Гитлер снова повторил, что Испанию необходимо убедить вступить в войну. Пожаловавшись на трудное время, во время которого итальянцы начали кампанию про-

тив Греции, Гитлер предупредил, что немецкие вооруженные силы, отправленные им на помощь Италии, должны вернуться на север не позднее 1 мая. Дуче не было сказано ни одного слова относительно истинного назначения концентрирующихся на севере гигантских сил. Так же как и в случае с Редером и представителями Франции и Испании, Гитлер хотел, чтобы дуче как можно дольше верил в наступательную войну против Англии.

23 ноября Гитлер, чтобы остаться ближе к реальности, предложил финнам и румынам полную немецкую поддержку против новых требований русских, а 24 ноября Гитлер сказал генералу Гальдеру, что Германия сможет захватить Дарданеллы «только после разгрома России». На этой стадии Гитлер и Гальдер пребывали в полном согласии относительно возможности эффективного нападения на Египет наземным путем — с Балкан через Турцию и Сирию.

Если потенциальные союзники Германии против СССР могли не испытывать беспокойства относительно новой сделки нацистов с Москвой, у Советского Союза была иная позиция. Уже 25 ноября советский министр иностранных дел Молотов разъяснил немцам советские условия возобновления согласия 1939 года. Требования Молотова включали следующее: немедленный вывод немецких войск из Финляндии и заключение советского пакта о взаимопомощи с Болгарией, а также предоставление России военной базы на территории Турции в Дарданеллах. Советские требования, касающиеся Японии и Персии, были менее оскорбительны для Гитлера, но любое замечание о том, что движение советских войск по его кратчайшему наземному маршруту на Ближний Восток лишь подстегивало планы Гитлера атаковать СССР, абсурдно. Наоборот, Гитлер намеревался вторгнуться в СССР в любом случае, и советский Кавказ давал немцам не менее удобный маршрут к нефтяным месторождениям Ближнего Востока, чем Балканы и Турция, а также дополнительные преимущества в виде кавказских нефтяных месторождений.

5 декабря генерал Гальдер передал разработанный ОКХ план Русской кампании Гитлеру для неофициального одобрения. Фюрер согласился с указанной в армейском плане

цели — поражение Красной армии как можно ближе к границе. Начало кампании было намечено примерно на 15 мая. Однако фюрер повторил, что «Москва не является очень важной», как цель для группы армий «Центр». И Гитлер, и командование армии придерживались мнения, что 130—140 дивизий вполне достаточно для успешного проведения операции.

Несмотря на вывод, сделанный на основании нескольких военных игр генералом Паулюсом из ОКХ, о том, что расширение «дымовой трубы» русского театра военных действий потребует большего числа немецких дивизий, чем предусмотренные 130—140 единиц, командование армии, как и сам Паулюс, придерживалось оптимистичного настроения. Заключение экспертов ОКВ о том, что в Германии уже слишком не хватает нефти, чтобы ввязываться в широкомасштабную кампанию с неопределенными целями, также не возымело эффекта на Йодля и Кейтеля. К середине декабря в Верховном командовании армии бытовало мнение, что Советский Союз будет неминуемо разгромлен в кампании, которая продлится не более шести—восьми недель. Если профессионалы из ранее пессимистичной армии начинали учитывать столь несостоятельное мнение, неудивительно, что фюрер, стремившийся любыми путями к этой кампании, обретал все больше уверенности.

А тем временем осенние надежды Гитлера на вступление Испании в войну и закрытие Гибралтарского пролива от флота союзников и де Голля начали таять. Хотя фюрер отправил своего таинственного адмирала Канариса в Мадрид с адресованной Франко последней просьбой принять участие в операции «Феликс» против Гибралтара, к 11 декабря ему пришлось признать, что на помощь испанцев рассчитывать не стоит. Что явилось причиной тому — тяжелая экономическая ситуация, поставившая страну на грань голода, или другие обстоятельства, — сказать трудно. Гитлер в своей военной директиве № 19 изложил план быстрого захвата неоккупированной части Франции (операция «Аттила»), если союзники нанесут удар в Северной Африке. А 13 декабря в военной директиве № 20 он заменил операцию «Феликс» широкомасштабной немецкой

кампанией на Балканах, якобы в помощь дуче. В отличие от операции «Феликс» «Марита» должна была иметь место в Восточной Европе и, по оценкам генерала Гальдера, могла задержать нападение на СССР, планируемое на май 1941 года, не более чем на две недели.

Операция «Марита» предусматривала сбор в Румынии до 24 дивизий. Большинство из них по плану должны были пересечь Болгарию и вытеснить британцев из материковой части Греции и с прилегающих островов весной 1941 года. Как объяснил Гитлер своим приближенным в следующем месяце, немецкие приготовления в Румынии имели двойную цель: охранять эту страну и Болгарию от русских, а также создать удобную базу для наземных операций против Греции. Однако двухнедельная (по экспертным оценкам) задержка будущей русской кампании из-за этой ограниченной операции на Балканах зависела от нейтралитета Югославии и Турции. Из этих двух весьма самоуверенных допущений только одно было выдержано на практике.

Спустя три дня, то есть 16 декабря, штаб ОКВ передал генералу Йодлю пересмотренную версию плана нападения на СССР, составленного ОКХ. После оживленной дискуссии между генералами Йодлем и Варлимонтом относительно опасности войны на два фронта 17 декабря план ОКХ и ОКВ был передан Гитлеру для окончательного одобрения. После того как фюрер отдал приоритет наступлению на балтийские государства и Ленинград, отложив атаку на Москву на потом, командующий армией фельдмаршал фон Браухич возразил, что такая отсрочка приведет к невозможности уничтожить большую концентрацию русских войск к востоку от Белостока на центральном немецком фронте. Гитлер отклонил этот аргумент Браухича, заявив, что тот основывается на устаревших рассуждениях. Возможно, как предположил генерал Адольф Хойзингер, что фюрер попросту опасался идти по проторенному Наполеоном пути на Москву — такая перспектива вполне могла показаться ему зловещей и угрожающей.

В военной директиве № 21 от 18 декабря Адольф Гитлер изложил формальный план генерального наступления на Советский Союз следующей весной. Получив кодовое на-

звание «Барбаросса», этот военный план включал в себя, что явствовало из первого же предложения, решающую ошибку Гитлера во Второй мировой войне. Представляется символичным, что Фридрих I из Гогенштауфенов, известный как Барбаросса (Красная Борода), был великим германским императором времен Средневековья. Он утонул, когда вел все германские народы в масштабную, хотя и несколько аморфную экспедицию на восток. По сей день, во всяком случае так утверждает легенда, дух Барбароссы бродит в горах Гарц, то есть вдоль демаркационной линии между советской и натовской зонами в самом центре рейха. Он ожидает подходящего момента, чтобы подняться и вновь повести европейцев в Крестовый поход против неверного востока.

В директиве операции «Барбаросса» сказано следующее:

«Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. Сухопутные силы должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей.

Задача военно-воздушных сил — высвободить такие силы для поддержки сухопутных войск при проведении Восточной кампании, чтобы можно было рассчитывать на быстрое завершение наземных операций и вместе с тем ограничить до минимума разрушение восточных областей Германии вражеской авиацией. Однако эта концентрация ВВС на востоке должна быть ограничена требованием, чтобы все театры военных действий и районы размещения нашей военной промышленности были надежно прикрыты от налетов авиации противника и наступательные действия против Англии, особенно против ее морских коммуникаций, отнюдь не ослабевали.

Основные усилия военно-морского флота должны и во время Восточной кампании, безусловно, сосредоточиваться против Англии.

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам, в случае необхо-

димости, за восемь недель до намеченного срока начала операции.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15 мая 41 года.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны.

Подготовительные действия командования должны основываться на следующем:

I. Общий замысел

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии. Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской части России по общей линии Волга—Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

В ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется, таким образом, неспособным продолжать борьбу.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

II. Предполагаемые союзники и их задачи

1. В войне против Советской России на флангах нашего фронта мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии. <...>

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы отборными войсками поддержать наступление южного флан-

га германских войск, хотя бы в начале операции, сковать противника там, где не будут действовать германские силы, и в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах.

3. Финляндия должна прикрывать сосредоточение и развертывание отдельной немецкой северной группы войск (части 21-й группы), следующей из Норвегии. Финская армия будет вести боевые действия вместе с нашими войсками. Кроме того, Финляндия будет ответственна за захват полуострова Ханко.

4. Следует считать возможным, что к началу операции шведские железные и шоссейные дороги будут представлены для использования немецкой группе войск, предназначенной для действий на севере.

III. *Проведение операции*

А. Сухопутные силы. (В соответствии с оперативными замыслами, доложенными мне.)

Театр вооруженных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее с целью раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом, будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операции по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности.

Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно.

Главным предназначением 21-й группы, даже в ходе Восточной кампании, остается защита Норвегии. Имеющиеся в наличии дополнительные силы должны использоваться на севере (горный корпус), во-первых, для защиты района Петсамо и его рудных месторождений, так же как арктического пути. Затем им следует наступать вместе с финскими силами к Мурманской железной дороге и прекратить снабжение Мурманского региона наземным транспортом.

Будет ли такая операция довольно крупными силами немцев (две или три дивизии) проведена из района к югу от Рованиеми, зависит от согласия Швеции сделать возможной такую концентрацию на железных дорогах.

Основной массе финской армии будет поручена задача, во взаимодействии с наступлением северного фланга немцев, сковать максимально возможные силы русских, атакуя к западу от или по обе стороны Ладожского озера, и захватить Ханко.

Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрированных ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру. С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют реку Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадет задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей.

Когда бои севернее и южнее Припятских болот будут закончены, следует в рамках операций преследования выполнить следующее:

- 1) на юге быстро захватить экономически важный Донецкий бассейн;
- 2) на севере быстро продвинуться к Москве.

Захват этого города означает решающий успех как политический, так и экономический и, кроме того, ликвидацию важного железнодорожного узла.

Б. Люфтваффе.

Задача военно-воздушных сил — парализовать и ликвидировать, насколько будет возможно, вмешательство

русских военно-воздушных сил, а также поддержать армию в направлениях главного удара, особенно группу армий «Центр» и главный фланг группы армий «Юг». <...>

Чтобы сконцентрировать все силы против вражеских военно-воздушных сил и оказать прямую поддержку армии, во время главных операций промышленные предприятия не будут подвергаться атаке. Только после завершения мобильных операций могут проводиться такие атаки, главным образом против Уральского региона.

В. Военно-морской флот.

Роль флота против Советской России заключается в охране собственных берегов и, параллельно, недопущении выхода военно-морских подразделений противника из Балтийского моря. Поскольку русский Балтийский флот, как только мы достигнем Ленинграда, лишится своей последней базы и окажется в безнадежной ситуации, до этого момента крупных военных операций следует избегать.

IV. Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании этой директивы, должны совершенно определенно исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию по отношению к нам. Число офицеров, привлекаемых для первоначальных приготовлений, должно быть максимально ограниченным. Остальных сотрудников, участие которых необходимо, следует привлекать к работе как можно позже и знакомить только с частными сторонами подготовки, необходимыми для исполнения служебных обязанностей каждого из них в отдельности. Иначе имеется опасность возникновения серьезных политических и военных осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых еще не назначены. <...>»

Помимо множества сомнений в рядах ОКВ, касающихся этого фундаментального решения, колебания генерала Гальдера по поводу операции «Барбаросса» отразились в его личном дневнике. Например, 28 января Гальдер записал: «Цели операции «Барбаросса» не ясны. Мы не на-

несем удар по англичанам таким образом. Наш экономический потенциал из-за этого не возрастет». Более того, Гальдер опасался, что, если Италию постигнет крах и англичане организуют новый южный фронт против Германии на Средиземном море, в то время как вооруженные силы рейха еще будут заняты в России, и без того нелегкая ситуация существенно ухудшится.

Тем не менее, хотя Гитлер проявлял пессимизм в отношении Италии, его уверенность в будущей победе над Советским Союзом была непоколебимой. А уверенность его военных, касающаяся чисто технических проблем избавления от СССР, была единственным соображением, которое Гитлер считал значимым. По веским причинам он с презрением относился к осторожным, но бесхитрым и устаревшим политическим суждениям своих военных советников.

Что бы ни было сказано об излишнем оптимизме фюрера и частей вооруженных сил, непосредственно участвовавших в операции «Барбаросса», по крайней мере, для гроссадмирала Редера кампания в Советском Союзе означала крушение всех его надежд на второстепенную морскую войну против Великобритании, ее уязвимой империи и судоходных путей. Через два дня после Рождества Редер пожаловался, что угроза Британии в Египте и на Ближнем Востоке ликвидирована одним ударом. Гитлеру флотоводец смело заявил, что концентрация военных усилий против Англии — главного врага Германии — является самой острой необходимостью момента. На возражения Редера против начала кампании в СССР до завершения войны с Англией Гитлер ответил, что не может больше мириться с растущей советской военной угрозой на Балканах.

Конечно, одна только операция «Марита» могла справиться с любой возможной военной угрозой русских на Балканах, но, чтобы отстоять необходимость начала операции «Барбаросса», Гитлер использовал все возможные аргументы. Днем позже, 28 декабря, Редеру пришлось пережить переход производственных приоритетов к немецким сухопутным силам, хотя при этом «для спасения лица» было добавлено условие о том, что действовавший раньше

акцент на военно-морскую и воздушную войну против Великобритании должен сохраниться. Из тех же бесед с Редером 27 декабря Гитлер отлично знал, что это невозможно, учитывая обширные нужды кампании на востоке. Редеру пришлось утешиться, получив заверение фюрера о том, что после быстрого завершения операции «Барбаросса» приоритеты в производстве продукции сразу будут изменены.

В этой последней попытке отвлечь Гитлера от кампании на востоке Редер, вероятно, сослужил русским по меньшей мере одну службу. С избытком сверхоптимизма обычно осторожные эксперты, планировавшие развитие немецкой военной экономики, приняли настолько детальные меры для урезания армейских приоритетов в пользу авиации и флота, теперь намеченного на осень 1941 года, что самые ключевые из сокращений автоматически произошли позже, несмотря на тот «незначительный» факт, что Советский Союз в октябре 1941 года еще не был побежден.

Смятение Гитлера относительно обширного ряда великолепных возможностей, открывшихся перед ним, достигло апогея во время встречи с военными советниками в Оберзальцберге, прошедшей 8—9 января 1941 года. Согласившись с адмиралом Редером в вопросе о важности того, чтобы Италия не была разбита, фюрер перешел к более серьезным, по его мнению, проблемам. Сталин, объявил Гитлер, конечно, человек умный и проницательный, но одновременно он хладнокровный шантажист, который откажется от любого соглашения, чтобы добиться собственной выгоды. Далее Гитлер сообщил, что немецкая победа несовместима с советской идеологией и что Россия должна быть побеждена, прежде чем Британия перестроит свою армию, доведя ее численность 40—50 дивизий в 1943 году. Гитлер добавил, что еще одной причиной для принятия немедленных действий против Советского Союза является то, что Красная армия до сих пор является безглавленным колоссом на глиняных ногах, однако ее не следует недооценивать в будущем, когда лучшая организация командования и современная техника сделают ее понастоящему опасной. Фюрер считал, что на данный мо-

мент потребуются все резервы Германии, чтобы победить Россию.

С меньшей проникательностью Гитлер упомянул о морской концепции войны Редера, концепции, совершенно несовместимой с его собственной сухопутной точкой зрения. Японии, заявил фюрер, должна быть предоставлена полная свобода в отношении Сингапура, несмотря на риск принятия Соединенными Штатами решительных шагов, явно в оптимистичной интерпретации Редера, исключительно против Японии. В большой стратегии войны Гитлера, считавшего, что итальянцы и японцы должны сковать силы британцев и американцев соответственно, пока он будет разделяться с Россией, многое можно сказать о выборе времени, что всегда являлось сильной стороной фюрера. К счастью для своих врагов, фюрер был обманут ошеломляющим единодушием профессионального мнения, заключавшегося в том, что у рейха есть возможность победить Советский Союз в 1941 или в 1942 году, задолго до того, как западные державы сумеют мобилизовать силы, достаточные для оказания эффективной помощи русским.

Спустя два дня, 11 января, в военной директиве № 22 Гитлер приказал ОКХ направить подразделение для усиления итальянских частей в Ливии немецкой броней. Это подразделение со временем выросло в грозный корпус под командованием генерал-майора Роммеля. Однако с самого начала не предусматривалась возможность его наступления против британцев по Средиземноморскому региону. Слишком уж длинен и труден был для немцев путь подвоза, поскольку Средиземноморье оставалось второстепенным театром военных действий для рейха. «Марита» на Балканах, поддерживаемая по земле, все еще считалась основной наступательной операцией против британцев после завершения операции «Барбаросса» в 1941 году.

На протяжении всей следующей недели русские и открыто, и неофициально выражали немцам протест относительно ожидаемого вторжения в Болгарию, страну, теперь считающуюся русскими жизненно важной для безопасности СССР. В своем ответе от 21 января Риббентроп отрицал советские интересы в этой области, утверждая, что

немцы все равно пересекут Болгарию, если это будет необходимо для вытеснения британцев из Греции. Утверждения Гитлера Муссолини, высказанные в это же время, были такими же резкими. Гитлер открытым текстом предупредил его о предполагаемой советской угрозе на Балканах. Гитлер уточнял подобные намеки на будущее своему итальянскому партнеру, добавляя, что, пока жив «проницательный и осторожный» Сталин, русские не станут предпринимать действий против Германии, но при его неизвестном преемнике ситуация станет намного более проблематичной.

Хотя британский посол в России сэр Стаффорд Криппс сохранял пессимизм относительно будущего направления советской политики, 21 января американский Госдепартамент, получивший из разведывательных источников информацию о планах немцев напасть на Советский Союз, снял так называемое «моральное эмбарго» на отправку американских военных грузов в СССР. К сожалению, нужды американской программы обороны в это время сравнительной безопасности на море, как и потребности новых союзников Америки по акту ленд-лиза, препятствовали крупным поставкам в Россию даже товаров, находившихся в относительном изобилии, таких как авиационный бензин. В результате летом 1941 года уцелевшие военно-воздушные силы СССР оказались практически обездвиженными из-за хронической нехватки горючего.

В последний день января, когда оперативные планы операции «Барбаросса» были почти готовы, в публичном выступлении в берлинском дворце спорта Гитлер заявил: «Неужели Англия думает, что у меня комплекс неполноценности в отношении ее?.. Я снова и снова предлагал Британии свою руку. Самой сутью моей программы было установление взаимопонимания с ней». Четырьмя днями позже, 3 февраля 1941 года, его разочарование Великобританией несколько смягчилось грандиозными восточными планами, и Гитлер одобрил разработанный ОКХ план для операции «Барбаросса».

Еще до официального одобрения Гитлером оперативного плана «Барбаросса», 2 февраля, фельдмаршал Федор

фон Бок, намеченный на должность командующего предположительно решающей группой армий «Центр», спросил у фюрера, как можно заставить русских искать мира. Хотя он выразил уверенность в достижении военной победы, в случае если Красная армия предпочтет сражаться у границы. Фюрер ответил, что, если взятие Москвы, Ленинграда и оккупация Украины не вынудит русских просить о мире, наступление будет продолжено до Урала. Выражая свое обычное упоение технологией, Гитлер завершил беседу заявлением: «В любом случае наше военное производство отвечает любым требованиям. У нас настолько широкая материально-техническая база, что даже имеется возможность вернуть некоторые военные планы к условиям мирного времени». Разница между самонадеянностью фюрера и его генералов заключалась в том, что его самонадеянность была значительно более универсальной.

На следующий день, 3 февраля, на совещании руководителей ОКВ и ОКХ генерал Гальдер доложил оперативный план «Барбаросса». Гальдер открыл обсуждение, заявив, что германская армия настолько превосходит советскую армию по качеству, что это перевесит советское превосходство 3:1 или даже 4:1 в бронетехнике, не говоря уже о количестве пехотных и кавалерийских дивизий (по текущим оценкам, 125 советских против 104 немецких). Конечно, на этом этапе никто из немцев не слышал о советских танках Т-34 и КВ.

Далее Гальдер разъяснил, что своевременное возвращение шести немецких танковых дивизий, выделенных для операции «Марита», к границам СССР зависит от позиции Турции. Здесь вмешался Гитлер и заверил слушателей, что со стороны турок опасности не будет, тем самым освободив армию от серьезных тревог на Балканах после изгнания из Греции англичан.

Затем и Гитлер, и Гальдер выразили сомнение относительно шансов окружить все советские силы на западе, прежде чем они успеют отступить в глубь территории. Однако фюрер продолжал подчеркивать важность наступления на флангах, в противоположность массированному удару в центре, которому отдавал предпочтение Гальдер,

считавший его средством более быстрого уничтожения Красной армии. Представляется, что, как и многие правители с острым политическим чутьем, Гитлер смешал политические цели, такие как захват прибалтийских государств и создание наземного пути через Ленинград в Финляндию, с совершенно другими нуждами эффективного стратегического планирования для военного поражения Советского Союза.

В заключение Гитлер высокопарно объявил, что теперь, когда с плана «Барбаросса» снят покров тайны, мир затаит дыхание и удержится от комментариев, а Советы лопнут, как мыльный пузырь. Что касается Средиземноморья, Гитлер признал, что дуче необходима поддержка, потому что потеря Северной Африки позволит британцам приставить револьвер к голове Италии и вынудить ее искать мира.

В качестве важного дополнения к немецкому плану нападения в декабре были проведены переговоры с финским Генштабом, и к 30 января немцы рассматривали использование трех с половиной дивизий из Норвегии для захвата Мурманской железной дороги и, если возможно, самого порта в операции «Зилберфукс» («Серебристая лиса»). Эта операция зависела от получения права на транзитный проход от нейтральной Швеции, так же как и от мобилизации основных финских сил на юге в районе озера Ладога, чтобы не насторожить русских. Ясно, что захват Мурманска был одной из нескольких целей Восточной кампании, с энтузиазмом принятых немецким военно-морским флотом.

На следующие три месяца предусматривалось прикрытие для плана «Барбаросса», названное военно-морским штабом величайшим обманным предприятием в истории войн. Операцию «Барбаросса» продолжали описывать как чисто предупредительную меру на случай возможного советского нападения, а намеченную на ближайшее будущее «Мариту» и отмирающего «Морского льва» (которого возродили и якобы наметили на весну 1941 года) использовали как хитрые ходы для отвлечения внимания от русской кампании.

Другой потерей «Барбароссы», не получившей даже высокого статуса плана прикрытия, было любимое детище адмирала Редера, если не адмирала Канариса, операция «Феликс». Поскольку артиллерия и людская сила, выделенные для этой операции против Гибралтара, теперь требовались на востоке для «Мариты» и «Барбароссы», Гитлер принял крушение своих планов с испанцами с необычайным спокойствием. Но его раздражение проявилось в жалобе Франко 6 февраля на то, что закрытие пролива могло одним ударом изменить обстановку на Средиземном море. Еще более важными для Гитлера были последствия его предостережения, сказанного Франко, что время, потерянное на войне, нельзя вернуть. Имелось в виду время, потерянное для «Барбароссы», поскольку все еще не было особых причин спешить с захватом Гибралтара.

Вероятно, нацистский фюрер наконец понял: то, что он называл испанской пустой болтовней, закончилось. Возможно, как заметил его наполеоновский ментор Колленкуру во время отступления из Москвы, лучше было бы довести до конца войну в Испании, прежде чем ввязываться в эту русскую экспедицию, хотя, конечно, это можно обсуждать. С другой стороны, у Гитлера не было особых причин слишком стремиться в Южную и Западную Европу в начале 1941 года, когда ему были необходимы все имеющиеся ресурсы для Восточной кампании. Об Испании он вполне мог позаботиться позднее, когда его армия освободится от русского инкуба.

В действительности даже без Испании честолюбивые замыслы Гитлера уже настолько опередили возможности Германии, что 17 февраля он приказал ОКВ подготовить планы вторжения в Индию из Афганистана для конечной встречи с японцами. Гроссадмирал Редер 18 февраля сделал еще одну попытку вернуть внимание Гитлера к Средиземноморью, настаивая на оккупации британской базы подводных лодок — Мальты, расположенной на траверзе морского пути стран оси в Африку. Он хотел сделать это до начала операции «Барбаросса». Гитлер не стал слушать своего флотоводца, заявив ему, что подобные операции, так же как Испания, вполне могут подождать до осени 1941 года.

Гитлер был решительно настроен напасть на Советский Союз и 17 февраля сказал Гальдеру, что, судя по разведывательным донесениям относительно роста советских военно-воздушных сил, конфликт с Россией неизбежен. Он вновь заявил, что, когда война с Англией завершится, он не сможет поднять немецкий народ на борьбу с Россией, поэтому с ней необходимо разделаться раньше. Представляется очевидным, что, когда речь заходила об обосновании операции «Барбаросса», Гитлер использовал любые аргументы.

Посол Шуленбург в Москве получил приказ явственно «показать зубы рейха». Он должен был сообщить русским, что в Румынии уже находится 680 000 немецких солдат. Возможно, цифра была несколько завышена, но она должна была убедить русских не предпринимать никаких действий, кроме разве что словесных. Затем 27 февраля Молотов получил известие о том, что Болгария примкнула к Тройственному союзу. Уже 1 марта поступил ожидаемый протест русских. Не приходилось сомневаться, что балканская дверь к Дарданеллам была захлопнута перед русскими, тем более учитывая барьеры, возведенные немцами в Румынии и Финляндии накануне осенью.

Вторжение немцев в Румынию было дополнено соглашением с Болгарией, позволившим вермахту войти в страну в конце февраля. В итоге греческое правительство согласилось с британскими предложениями военной помощи, и, несмотря на неоднозначное мнение британских военных, Уинстон Черчилль и его военный кабинет остановили многообещающее наступление генерала сэра Арчибальда Уэйвелла в Ливии, чтобы оказать поддержку грекам.

Если в середине февраля испанская карта оказалась бесполезной до завершения операции «Барбаросса», возможность отвлечь американцев от остающегося открытым входа в Средиземное море через Гибралтар на Тихий океан казалась министру иностранных дел Риббентропу все более привлекательной. Вовсе не жаждущий начать претворение в жизнь плана «Барбаросса» Риббентроп, возможно, надеялся, что, подтолкнув и без того небезразлич-

ное японское правительство в направлении Сингапура, он повлияет на фюрера, сумев вернуть его внимание к войне против извечного врага Риббентропа — Великобритании. Немецкий министр не знал, делая неловкие попытки удержать американцев на Тихом океане, что скрытные японцы не только обдумывали то, что ему нужно. Они уже планировали грозную атаку на американский флот в Пёрл-Харборе, которая поставит администрацию Рузвельта перед проблемой эффективного выступления против всех партнеров по оси, включая саму Германию.

Маневры Риббентропа, подстрекаемые гроссадмиралом Редером к этой опасной игре глобальной отвлекающей стратегии, завершились военной директивой Гитлера № 24 от 5 марта. Она касалась сотрудничества с Японией. В ней подчеркивалось, что общая цель войны для стран оси — поставить Великобританию на колени раньше, чем успеют вмешаться Соединенные Штаты. Хотя план «Барбаросса» считался полезным для японцев, поскольку обеспечивалась безопасность их северного фланга против России и освобождалась японская армия для действий против Сингапура в конце 1941 года, Гитлер, вопреки желанию Редера, не позволил японцам узнать хотя бы что-то о его русских планах. В свое время недоверчивый фюрер узнает, что его восточные, так же как и европейские, союзники могут отплатить той же монетой — обманом, особенно когда Третий рейх вводит их в заблуждение до последней минуты по основополагающим вопросам.

А тем временем в начале марта небольшой рейд британских десантников на Лофотенские острова у северного побережья Норвегии сильно встревожил Гитлера. И он, объявив Норвегию лучшей британской целью, доступной после начала операции «Барбаросса», отменил все свои прежние распоряжения относительно перевода 40% норвежского гарнизона в Северную Финляндию для операций против русских. В результате, к большому разочарованию германского флота, запланированное нападение на жизненно важный для снабжения советский порт Мурманск было урезано до такой степени, что потеряло смысл. Правда, если шведы разрешат проход войск через свою террито-

рию, о слабом наступлении еще можно было вести речь. Фактически британцы уже помогали русским, хотя, на этой стадии, без соответствующего обращения Советского Союза да и не имея таких намерений.

Еще одной выгодой для русских от слишком эмоциональной реакции Гитлера на второстепенный британский рейд явился перевод норвежской армии в ее наступательной финской роли из юрисдикции ОКХ под юрисдикцию ОКВ. Тем самым личный штаб Гитлера стал ответственным и за оборонительный Норвежский, и за наступательный Финский театр военных действий. Все это могло быть очень хорошо с политической точки зрения фюрера, но для ОКХ, единолично ответственного за операцию «Барбаросса», согласование направления общих операций против Ленинграда из Финляндии балтийских государств с Финским театром, теперь за пределами его оперативного командования, было, мягко говоря, трудным.

Как еще одно доказательство острого личного интереса Гитлера к восточным проблемам стало вышедшее 13 марта дополнение к приказу «Барбаросса», передававшее все будущие оккупированные советские территории (после завершения военных действий) под юрисдикцию трех гражданских администраторов, подчиненных непосредственно фюреру. Еще более зловещим для несчастных жителей будущих немецких колоний — Прибалтики, Белоруссии и Украины — было то, что рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер должен был осуществлять правление, независимо от гражданской администрации, подготавливая эти восточные регионы к пожинанию самых полных плодов нацистского освобождения. Возможно, Гиммлер уже высказал свое мнение о том, что важнейшей целью кампании «Барбаросса» является уничтожение около 30 миллионов славян.

Совершенно очевидные намерения Гитлера относительно судьбы Советского Союза были выражены генералом Гальдером 17 марта. Он заявил, что идеологические узы, связывающие вместе советские народы, не являются достаточно прочными и нация распадется, как только будут уничтожены коммунистические функционеры. Гитлер считал (и не ошибся), что украинцы в Польше примут

немцев с распростертыми объятиями. Относительно принятия рейха советскими украинцами и донскими казаками он был менее уверен, поэтому интеллигенция, появившаяся при Сталине, должна быть уничтожена *in toto* с тем, чтобы создать несколько республик, полностью избавленных от советского влияния.

Эти взгляды Гитлер повторил в обращении, адресованном основным командирам, 30 марта. Упомянув о численном превосходстве в танках Советского Союза, Гитлер заявил, что большинство из них являются устаревшими, что подтверждали официальные советские источники. Перейдя к политическим целям, стоящим перед немецкой армией в предстоящей кампании, фюрер заявил, что война против России не может вестись рыцарскими методами. В отличие от большинства «джентльменских» конфликтов на западе на востоке начнется война идеологий и социальных различий, которая станет беспрецедентной по своей жестокости. Всем офицерам предстоит избавиться от устаревших понятий. Фюрер понимал, что необходимость применения таких методов ведения войны находится за пределами понимания генералов, но не изменил своих приказов и напомнил, чтобы все они выполнялись беспрекословно. Далее он объявил, что все взятые в плен советские политические комиссары должны расстреливаться на месте представителями армии в случае необходимости.

После ухода этого самопровозглашенного Аггилы возмущенные генералы обрушили свой гнев на командующего армией фельдмаршала фон Браухича. Они были шокированы попыткой фюрера втянуть их в выполнение своих самых варварских планов. Слабый Браухич постарался выиграть время и с помощью Гальдера и командующих группами армий значительно смягчил применение приказа о казни политических комиссаров. Конечно, советским комиссарам, так же как и некоторым другим категориям пленных, на которых вскоре распространился этот приказ, было все равно, от чьих пуль принять смерть — СС или вермахта, но для немецких военных, все еще не забывших об этических христианских нормах прежних веков, это имело значение. Иллюзии относительно собственных

добродетелей необходимы для большинства людей, а для солдат — даже больше, чем для других.

В том же месяце, когда Гитлер раскрыл свои намерения перед генералами, правительство Соединенных Штатов официально проинформировало Советский Союз о плане «Барбаросса», о существовании которого стало известно из разведывательных источников еще в январе 1941 года. Хотя реакция Сталина на первое предупреждение американцев в точности неизвестна, в последующие месяцы, получив сообщения о планируемом нападении немцев от Уинстона Черчилля и от собственных разведчиков, он объявлял их британской провокацией. Известно о направленном 10 апреля секретном распоряжении о приведении войск в боевую готовность на важнейшем участке советского Западного фронта в Белоруссии. Вероятно, объяснение своего поведения, данное Сталиным лорду Бивербруку в том же году, столь же правдиво, как и любое другое: он ожидал войны, но надеялся с помощью разного рода уловок выиграть еще хотя бы шесть месяцев.

В любом случае в марте и апреле Красная армия постепенно увеличивала свои пограничные гарнизоны и возобновила строительство фортификационных сооружений в прибалтийских районах. К сожалению, похоже, ни советское правительство, ни армейское командование не могли решить, стоит ли окончательно демонтировать фортификационные сооружения на некогда очень сильной линии реки Днепр и выбрать позицию западнее. Поэтому судьбоносной весной 1941 года крупные концентрации советских войск не были окончательно размещены на оперативных оборонительных позициях. Уже после войны русские признали, что Красная армия не признавала необходимости в доктрине для повсеместной обороны против превосходящих сил противника.

До сербского офицерского переворота 27 марта, направленного против участия Югославии в Тройственном пакте, Гитлер сглаживал южный компонент операции «Барбаросса» в интересах расширения и усиления операции «Марита», направленной против британской армии, высадившейся в Греции. В военной директиве № 20 от

22 марта Гитлер приказал использовать 12-ю германскую армию для оккупации всей Греции. Таким образом, она не могла участвовать в первом танковом ударе из Румынии на Украину, как это следовало из исходного плана «Барбаросса». От итальянцев требовалось сковать в Северной Африке как можно более крупные силы англичан.

Новый командир немецкого корпуса в Африке Эрвин Роммель решил 24 марта действовать без подготовки и воспользоваться неготовностью британцев к ведению оборонительных действий в Ливийской пустыне. К большому недовольству своего более осторожного и консервативного командира генерала Франца Гальдера, Роммель выказал тактическое своеобразие, которое мир научился уважать, и быстро оттеснил британцев к египетской границе даже раньше, чем они сообразили, что произошло. Можно не сомневаться в том, что эти преждевременные действия немцев замедлили неосторожное движение британцев в самую опасную ловушку Гитлера в Греции. Однако они настолько укрепили репутацию Роммеля, что он стал вечной проблемой и беспокойством для армейского Генерального штаба, который должен был вот-вот оказаться втянутым в более насущные требования плана «Барбаросса».

Гитлер был разъярен неожиданным сербским переворотом 27 марта, потому что такое развитие событий угрожало полностью нарушить его замыслы согласования планов операций «Марита» и «Барбаросса». Из-за недавнего расширения «Мариты» в Южную Грецию возник временной цейтнот, и необходимость принимать срочные меры против Югославии оказалась совершенно некстати. В военной директиве № 25 Гитлер приказал отложить начало операции «Барбаросса» на четыре недели. Хотя проливные дожди в Польше, вероятно, тоже сыграли свою роль, нет сомнений, что беспокойство Гитлера относительно возможности повторного возникновения союзнического фронта Первой мировой войны в Салониках явилось основным фактором отсрочки операции «Барбаросса» до конца июня 1941 года.

Опасения фюрера относительно событий на Балканах стали еще больше, когда он 5 апреля узнал, что советское

правительство собирается подписать пакт о ненападении с Югославией, что совершенно очевидно было актом расчитанной провокации. Это ускорило решение обозленного нацистского диктатора напасть на Югославию уже на следующий день. Очевидно, русские надеялись, что немцы застрянут в гористой местности Балкан на всю весну 1941 года. Учитывая присущую Гитлеру, как и многим австрийцам, паранойю в отношении этого региона, они в какой-то мере достигли своей цели, поскольку дата начала операции «Барбаросса» была предположительно отодвинута на 22 июня, то есть через пять с половиной недель после первоначально назначенной даты 15 мая.

Быстрое и грубое вторжение немцев в Югославию и Грецию привело к такому же быстрому возврату русских к политике умиротворения рейха. Один из немецких военных моряков записал в своем дневнике 10 апреля, что в СССР объявлено чрезвычайное положение, предусматривающее повышенные военные приготовления всех военных подразделений на Западном фронте русских. В течение следующих двух недель до немцев доходили слухи из Москвы о том, что русские теперь ожидают нападения. А военно-морской атташе сообщил, что британский посол сэр Стаффорд Криппс предсказал точную дату нападения — 22 июня 1941 года.

Запутанная и щекотливая ситуация на Балканах повлияла на известный визит в Европу японского министра иностранных дел Ёсуке Мацуоки. Той весной англо-американские военные штабисты в Вашингтоне пришли к заключению о необходимости активизировать действия против европейских партнеров оси, независимо от возможных акций Японии. Вероятно, эпохальный вояж Мацуоки с самого начала имел целью освободить Японию от любых обязательств перед осью, чтобы Страна восходящего солнца получила возможность действовать независимо на Тихом океане.

Остановившись по пути в Берлин в Москве, Мацуока сообщил Сталину и Молотову, как высоконравственные коммунисты Японии неизменно противостоят индивидуалистическим идеалам англосаксонских народов. Не желая

быть превзойденным в восточной велеречивости, Сталин отвечал, что Советский Союз никогда не ладил с Великобританией и никогда не будет. Цепкие японские шупальца, нацеленные на заключение пакта о ненападении, были не слишком удачливы на этом этапе с Советами.

Через три дня Мацуока прибыл в Берлин. Несмотря на напряжение, вызванное отходом Югославии от Тройственного союза, его окружила атмосфера, чрезвычайно напоминающая оперетту Гилберта и Салливана. Гитлер и Риббентроп предупредили странствующего менестреля из Японии, что в случае нового противодействия русскими немецким интересам немецкая армия сокрушит Россию без колебаний. Проигнорировав очевидный намек на будущие намерения Германии, Мацуока ответил, что Япония тоже может оказаться втянутой в войну с Соединенными Штатами в ходе предполагаемой атаки на Сингапур.

Сначала партнеры по оси предпочли не обратить внимания на результаты взаимных намеков. Но неделей позже, 4 апреля, после возвращения Мацуоки по окончании короткого визита в Рим, Гитлер пообещал, что, если Япония вступит в конфликт с Соединенными Штатами или Советским Союзом, Германия присоединится к ней в этой борьбе. В ответ Мацуока заявил о своей согласии с аргументами Муссолини относительно того, что Америка является главным противником оси, в то время как Советский Союз — враг второстепенный. И, вопреки нежеланию немцев открыто противиться любому перспективному пакту между японцами и русскими, Мацуока, похоже, сам достаточно хорошо понял причины, стоящие за невысказанным отрицательным отношением рейха к такому приглашению.

Как и можно было ожидать, после длительного визита в Берлин и Рим, на обратном пути через Москву Мацуока встретил более теплый прием у русских, причем эта теплота никоим образом не была ослаблена впечатляющими немецкими победами на Балканах. Впрочем, какими бы ни были причины, в продолжавшихся неделю переговорах советское правительство больше не настаивало на немедленном прекращении экономических уступок Японии на Се-

верном Сахалине, а Мацуока довольствовался простым пактом о нейтралитете с русскими. Обе стороны оценили важность такого шага. Сталин даже зашел так далеко, что лично пожелал счастливого пути японскому министру на вокзале. Как и царь Александр, оказавшийся перед лицом неминуемого нападения весной 1912 года, Сталин откупился по крайней мере от одного потенциального врага, заплатив сравнительно низкую цену.

Тем не менее, желая продемонстрировать, что его пакт с Токио ни в каком отношении не является антигерманским жестом, на вокзале Сталин также заключил в объятия немецкого посла Шуленбурга и громко объявил ему, так, чтобы слышали все окружающие: «Мы должны остаться друзьями, и вы должны сделать все для этой цели». Затем, обернувшись к новому немецкому военному атташе полковнику Гансу Кребсу, советский диктатор обронил еще одну замечательную фразу: «С вами мы останемся друзьями — в любом случае».

Гитлер скрыл свою досаду касательно открытого осуждения его хитрых махинаций, дав адмиралу Редеру приятную дезинформацию о том, что русско-японский пакт был заключен с одобрения немцев, чтобы подтолкнуть японцев к нападению на Сингапур, а не на Владивосток. Однако Гитлер в своем желании как можно лучше замаскировать операцию «Барбаросса», как покажет будущее, обманул только самого себя и уж ни в коей мере русских или японцев. При рациональном поощрении русских и совершенно нерациональном — японцев японцы получили свободу напасть на Соединенные Штаты, тем самым включив еще одну великую державу в войну против Германии. С другой стороны, несмотря на последующее давление американцев, ведущее к обратному, Советский Союз получил возможность концентрировать все силы только против немцев. Вероятнее всего, русские избежали поражения во Второй мировой войне, потому что, руководствуясь собственными причинами, японцы выполняли пакт с Советским Союзом.

После отъезда Мацуоки, как предвидел армейский Генеральный штаб, быстрое наступление генерала Эрвина

Роммеля в Киренаике было остановлено, как из-за больших трудностей со снабжением войск через Средиземное море и Ливийскую пустыню, так и из-за упорного сопротивления англичан. Чтобы решить логистические проблемы Роммеля и одновременно создать базу для последующих операций против Ближнего Востока, по инициативе военно-воздушных сил Гитлер 20 апреля дал согласие на операцию «Меркурий» — захват Крита преимущественно воздушными десантниками. Но даже при полной поддержке Гитлера командование сухопутных сил настояло на том, чтобы операция не привела к задержке стратегической концентрации для «Барбароссы».

Крит был захвачен немцами только 1 июня, после тяжелых и продолжительных боев, и потому Гитлер отверг все прочие попытки командного состава люфтваффе и военно-морского флота втянуть его в дальнейшие операции на Средиземноморье — и на Мальте, где это было, в общем, необходимо, и в Ираке, где просто подвернулась удачная возможность: в конце мая арабы взбунтовались против британцев. «Марита» и «Меркурий» уже вполне выполнили свою второстепенную функцию прикрытия концентрации войск к началу «Барбароссы». Все самолеты и семь танковых дивизий, которые использовались на Балканах, теперь были крайне необходимы в Восточной Европе. Иначе вторжение в Россию пришлось бы откладывать снова.

Случилось так, что две немецкие танковые дивизии, жизненно необходимые для быстрых и успешных операций на Украине, к 22 июня еще не вернулись из Греции. Более того, большая часть из пяти танковых дивизий, уже возвратившихся в Польшу и Румынию, нуждалась в отдыхе и ремонте до начала следующей операции. 4-й воздушный флот люфтваффе, составлявший примерно треть всех военно-воздушных сил, предназначенных для операции «Барбаросса», оказался чрезвычайно дорогостоящим, и его возвращение в Румынию сильно задержалось.

Таким образом, реальностью стала не только отсрочка «Барбароссы», но и некоторое ослабление южного крыла «Барбароссы», пусть и не очень серьезное из-за побочных

последствий масштабных операций Гитлера на Балканах. Таким образом, и Гитлеру, и Уинстону Черчиллю представилась возможность, когда операция «Барбаросса» не достигла своих целей в конце 1941 года, утверждать, что ненужные военные кампании на Балканах спасли Москву. После всех событий, однако, Черчиллю потребуются некоторые объяснения *ex post facto*, чтобы отчитаться о своей катастрофической интервенции в Греции. А после того как операция «Барбаросса» пошла не так, как планировалось, Гитлер очень кстати обнаружил, что, если бы не «идиотская кампания» Муссолини в Греции, он бы непременно уничтожил Красную армию, пока это еще было возможно, коротким летом и осенью 1941 года.

Подобные объяснения, несомненно, утешают тех, кто их использует. Однако на профессиональных военных историков они производят слабое впечатление. Так, например, Гитлер потерял достаточно много более ценного времени в июле, августе и сентябре 1941 года в ходе своих бесконечных споров с армейским Генеральным штабом относительно направления главного удара. По существу, именно политические мотивы Гитлера и Черчилля, подтолкнувшие их к проведению «тангенциальных» операций на Балканах, ответственны за последующие военные трудности. Правда, так же бесполезно обычно бывает ожидать от государственных деятелей отказа от политики, как и полагать, что их военные критики примут, увы, крайне неудачные соображения престижа.

На последнем этапе перед началом операции «Барбаросса» немцы завершали подготовку. 20 апреля бывший прибалтийский немец и ярый сторонник программы немецких аннексий на востоке Альфред Розенберг получил сомнительное назначение руководителем оккупационных органов на востоке. В документе, составленном в эти счастливые весенние месяцы, Розенберг наметил программу жесткой германизации обещающих в расовом отношении районов Советского Союза и полуголодного существования остальных, предусматривая полный вывоз продовольственных излишков с Украины в рейх. Сам Гитлер давно понимал двойственное отношение Розенберга к России, и

это была одна из причин, по которым он не воспринимал Розенберга всерьез. Так, например, перед войной он как-то заметил Герману Раушнингу, что Розенберг настроен против русских только потому, что они не позволили ему быть русским.

Очевидно, под давлением Риббентропа 28 апреля Гитлер наконец с большой неохотой согласился принять немецкого посла в России — потомственного аристократа графа фон Шуленбурга, чтобы обсудить переданный немецким посольством в Москве меморандум о силе Советского Союза. К изрядной досаде фюрера, посол объяснил, что Германия, скорее всего, была обязана, согласно условиям пакта 1939 года, провести консультации с Россией по поводу вторжения в Югославию, и потому каждая немецкая акция на Балканах была встречена контракцией русских. Что касается текущего момента, Шуленбург подчеркнул, что именно тревога русских относительно возможности нападения немцев подтолкнула их к сосредоточению войск в Прибалтике, но при этом Сталин согласен пойти на дополнительные экономические уступки рейху, чтобы избежать войны.

Согласно некоторым источникам, Шуленбург вернулся в Москву убежденный, что, несмотря на категорическое отрицание фюрером подобных намерений, Гитлер имел четкий план нападения на Советский Союз. Шуленбург рассказал своему коллеге, что с Гитлером бесполезно обсуждать мощь Советского Союза, поскольку у того сложилось собственное представление об СССР, которое он не имеет намерения менять.

В дополнение к усилиям, предпринимаемым во имя мира Шуленбургом, 28 апреля Вайцзеккер написал еще один меморандум, вероятно показавшийся Гитлеру не менее неприятным — в случае, если у Риббентропа хватило смелости его передать. В почти классическом предисловии к кампании «Барбаросса» Вайцзеккер написал: «Если бы каждый русский город, обращенный в руины, был для нас столь же ценным, как потопленный британский военный корабль, я бы стал горячим сторонником германо-русской войны этим летом. Но я верю, что мы победим русских

только в военном смысле и, с другой стороны, проиграем в экономическом смысле».

Принимая на веру то, что германская армия будет победоносно наступать за Москву, Вайцзеккер тем не менее предупредил, что, если советский режим выстоит за Волгой, это втянет германскую армию в летнюю кампанию на востоке и в 1942 году. Таким образом, операция «Барбаросса» не только поднимет моральный дух британцев в ближайшем будущем, но и может значительно продлить войну для Германии, вместо того чтобы сократить ее. Какими бы ни были мотивы Риббентропа, подталкивающего своих подчиненных к таким пророческим профессиональным высказываниям, нельзя сказать, что они вызвали потерю интереса Гитлера к нападению на СССР.

Настоящий, а не общепризнанный ответ Гитлера своим дипломатам виден в формальном решении, принятом 30 апреля, начать операцию «Барбаросса» 22 июня. Принятие этого решения неминуемо приближалось после сербского офицерского переворота. Из трех немецких групп армий, предназначенных для действий на русском театре, решающий перевес в силах был отчетливо виден только в группе армий «Центр», нацеленной на Москву. В действительности благодаря Балканской кампании на Украине первоначально ожидался значительный численный перевес русских, а в Прибалтике предполагалось примерное равенство сил противоборствующих сторон. Фельдмаршал фон Браухич ожидал ожесточенных сражений на границе, которые, по его расчетам, могли продлиться до четырех недель, после чего, несмотря на храбрость русских, сопротивление должно было ослабеть. Из соображений секретности переговоры с Венгрией и Румынией о военном сотрудничестве были отложены до последнего момента.

Планы экономической эксплуатации Советского Союза, разработанные под кодовым названием «Ольденбург», были суммированы 2 мая в высшей степени проблематичном заявлении, что Германия сможет продолжать войну еще год, только если Россия будет кормить ее вооруженные силы. «Нет сомнений, — говорилось в весьма откровенном меморандуме, — что много миллионов людей умрет голод-

ной смертью, если мы заберем у страны необходимые нам вещи». Поскольку Германия уже вполне адекватно снабжалась в основном русскими поставками, которые велись на протяжении всего действия русско-германского пакта, истинный мотив такого объяснения, вероятно, был под-сказан непреходящим желанием нацистов максимально уменьшить население России в любом случае. Во время большой войны бесконечную череду ненужных жестокостей легко оправдать, что познали на себе многие народы, а не только много испытывавшее население СССР.

В советском лагере становилась все более очевидной растущая нервозность русских. Советское правительство, вероятно, уже оставило бесполезные протесты относительно разведывательных полетов люфтваффе над территорией СССР, и аналогичные полеты начались над занятыми немцами территориями. 1 мая советский комиссар обороны маршал Тимошенко публично заявил об опасностях капиталистического окружения. Появилась информация о выступлении Сталина перед выпускниками военной академии, в котором тот сказал, что, несмотря на реорганизацию и переоснащение, Красная армия еще не готова к войне с Германией. Это мнение было аналогично мнению полковника Кребса — нового немецкого военного атташе в Москве. На следующий день Сталин сделал беспрецедентный шаг — отобрал у Молотова пост главы советского правительства, правда оставив ему пост комиссара иностранных дел. Шуленбург понял, что это «невероятное» событие вызвано желанием Сталина любой ценой удержать Советский Союз от конфликта с Германией.

Новые жесты, призванные умиротворить рейх, начиная от отрицания концентрации войск на западе России и заканчивая отзывом советского признания некоторых ссыльных европейских правительств (включая правительство Югославии), показывают, что Шуленбург был прав в своем объяснении советской политики накануне катастрофы. Конечно, было бы преувеличением утверждать, как Черчилль и некоторые другие деятели, что Сталин и его помощники показали себя в это время «самыми всецело обманутыми растяпами Второй мировой войны». Учитывая

тот факт, что русские, как и, впрочем, все остальные, слишком долго серьезно недооценивали Гитлера, что еще могло в этот период сделать советское правительство, кроме как оттянуть нападение? Сталин вряд ли мог вынашивать планы нападения на основные части немецкой армии, имея силы, еще не готовые даже к обороне, как бы такой результат ни был желателен для Черчилля. Советским стратегам и тактикам еще многому предстояло научиться в будущем; тем не менее на этом заключительном этапе перед нападением внешняя политика Сталина и на западе, и на Дальнем Востоке была реалистичной, так же как и эгоцентричной.

Недоверие Сталина к мотивам англичан и намерениям немцев вряд ли могло уменьшиться, когда он узнал, что вечером 10 мая давний друг Гитлера и номинальный глава организации нацистской партии Рудольф Гесс неким таинственным образом улетел в Шотландию. Выполнялась эта миссия с молчаливого согласия Гитлера или нет, у русских не было оснований верить ни сконфуженным немецким, ни уклончивым британским объяснениям, касающимся полета Гесса. Хотя впоследствии Гитлер и публично, и в частной беседе с Муссолини решил описать неудачную попытку Гесса достичь соглашения с британцами как поступок безумца, нет никаких сомнений, что фюрер с радостью приветствовал бы возможность получить свободу действий в Восточной Европе накануне начала реализации «Барбароссы». К примеру, генерал Гальдер слышал, как фюрер без всякой неприязни описывал тревогу Гесса по поводу «братоубийственной войны между двумя германскими народами», войны, прекращения которой фюрер имел все основания желать сильнее, чем раньше.

Если фюрер оставался весьма покладистым, когда речь заходила о договоренностях с англичанами, его неприязнь к востоку оставалась непоколебимой. К 13 мая он расширил и усилил свои ранние распоряжения о немедленном расстреле политических комиссаров приказами, разрешающими, а в действительности и поощряющими использование самых жестоких военных методов в слу-

чае сопротивления населения Советского Союза в целом. Стремление генералов смягчить новые приказы неизменно встречались попытками замаскировать, но тем не менее навязать их. В то же время отвлекающие от плана «Барбаросса» операции активно разрабатывались. Теперь подчеркивалось, что воздушно-десантная атака на Крит является лишь репетицией для такого же нападения на Британию.

Немецкие отвлекающие операции для прикрытия подготовки операции «Барбаросса» стали остро необходимы, когда немецкие войска со всей Европы, включая Балканы, хлынули к советской границе. Оглядываясь назад, можно утверждать, что лишь немногие обманывались относительно истинных намерений нацистов. Хотя возможность достижения соглашения в последнюю минуту, причем на условиях намного более благоприятных для немцев, чем раньше, смущала всех потенциальных участников боевых действий со стороны оси и, вероятнее всего, возбуждала надежды Сталина на возможность увеличения отсрочки.

Уже в начале мая слухи о грядущем нападении Германии на Советский Союз распространились в Берлине настолько широко, что их уже невозможно было сбрасывать со счетов, независимо от официальной позиции немецкого и советского правительств. К середине мая и британский премьер со всей определенностью пришел к такому заключению и даже сообщил об этом своему старому другу генералу Яну Христиану Сметсу. Понятно, что русские тоже не могли не обращать внимания на эти слухи, не говоря уже о соответствующих сообщениях своей же разведки. 17 мая были запрещены поездки иностранных дипломатов на запад России — там шло активное движение войск. Среди многих разведывательных донесений от агентов и военных атташе было сообщение от старейшего и самого доверенного агента советской разведки Рихарда Зорге. 20 мая он сообщил из Токио, что 20 июня около 180 немецких дивизий нападут на Россию. Направления главных ударов — Москва и Ленинград. В мае и июне Красная армия получала информацию о плане «Барбаросса» от информаторов в немецком армейском Генеральном штабе и ОКВ, причем

последнее сообщение поступило за неделю до нападения. Несомненно, несмотря на последствия великой чистки, советские разведчики не подвели свою страну, пусть и в таком относительно простом задании, как наблюдение за грандиозными тактическими приготовлениями немцев к операции «Барбаросса».

Гроссадмирал Редер выбрал именно этот неблагоприятный момент, чтобы напомнить фюреру о Средиземноморском театре военных действий. Поддерживая Муссолини и Эрвина Роммеля, Редер потребовал от фюрера направления 12 дивизий осенью 1941 года для захвата Суэца. Он заверил фюрера, что такой удар «станет более смертоносным для Британской империи, чем захват Лондона». Вероятно, Редер так до конца и не понял, что Гитлеру не слишком хочется идти против Лондона и еще меньше — уничтожить Британскую империю. Как всегда утверждал Гитлер, его Индия находится в России, и в военной директиве № 30 от 25 мая фюрер уже дал указание отложить операции на Ближнем Востоке до завоевания России.

Наконец, пришло время сообщить союзникам рейха, действующим и потенциальным, о скором начале операций против Советского Союза. Союзниками, имевшими самое выгодное географическое положение, чьи антисоветские «верительные грамоты» вряд ли могли подвергаться сомнению, были финны. С них немцы и начали. Консультации между Генеральными штабами двух государств велись практически непрерывно с декабря 1940 года. Их кульминацией стал прием финского начальника штаба генерала Эриха Хейнрихса генералом Йодлем в Зальцбурге 25 мая.

Йодль, заявив, что сосредоточение войск Красной армии на западе России достигло 180 дивизий, предложил финнам организовать сдерживающую операцию, которая должна была задержать как можно более крупные силы русских в районе Ладожского озера. Далее он выразил уверенность в быстром освобождении финнов северной группой немецких армий, наступающей через прибалтийские государства на Ленинград, и сказал: «Я не оптимист и не жду, что война закончится через несколько недель. Но я и

не верю, что она продлится много месяцев». Однако на следующий день Хейнрих встретился с генералом Гальдером, который дал волю более пессимистичным взглядам ОКХ, что финны должны атаковать, когда представится возможность, по обеим сторонам от Ладожского озера в течение двух недель после начала операции «Барбаросса».

К сожалению, согласившись на желание Гальдера, касающееся финского наступления, финны также решили действовать в рамках плохо организованной немецкой командной структуры. Следует помнить, что она оставила норвежскую армию генерала Николауса фон Фалькенхорста, докладывавшего непосредственно в ОКВ, ответственной за то, что Гальдер теперь называл невыполнимой «экспедицией» последнего против Мурманской железной дороги в Северной Финляндии. Основные финские силы подчинялись собственному командиру, легендарному фельдмаршалу Карлу фон Маннергейму, а немецкая группа армий, двигавшаяся с юга через балтийские государства, оставалась под командованием Браухича и Гальдера — ОКХ. Поскольку ожидалось, что кампания будет успешно завершена в 1941 году, никто не ожидал, что трудности в координации трех отдельных штабов в объединенных операциях станут непреодолимыми. В любом случае финны согласились объявить полную мобилизацию армейских резервов поэтапно с 9 по 17 июня.

Муссолини, являвшийся активным сторонником операций против Советского Союза, по крайней мере пока он не втянулся в действия против Великобритании, должен был быть вторым привилегированным лицом, получившим точную информацию от немцев относительно «Барбароссы». Граф Чиано, которому немцы вполне обоснованно не доверяли, не обладал такой привилегией. Уже имевший информацию от итальянской военной разведки дуче в начале июня с нетерпением ожидал, когда у немцев полетят перья в конфликте с хорошо вооруженными русскими. Как и его родственник-германофоб, он же министр иностранных дел, Муссолини жаждал получить компенсацию за унижительное спасение на Балканах доселе непобедимой немецкой армии.

С привычной двойственностью, которая всегда характеризовала его политику по отношению к рейху, в конце мая Муссолини приказал начальнику штаба итальянской армии подготовить моторизованный корпус из трех дивизий для службы в России. Гитлер не принимал эту, вероятнее всего, нежеланную итальянскую компенсацию почти до самого начала операции «Барбаросса». Компенсаций в части престижа с неизменно торжествующим фюрером добиться было трудно. Но не является правдой и то, как часто говорят, что дуче был застигнут врасплох действиями Гитлера в России.

Следующими на очереди узнать о великом решении Гитлера были далекие и недоверчивые японцы. Еще в середине мая немецкий Генеральный штаб намекнул японскому военному атташе на план «Барбаросса», а 6 июня Гитлер лично сообщил японскому послу генералу Осиме о своем намерении уничтожить Россию в кампании продолжительностью не более двух-трех месяцев. Осиме, как и другим потенциальным союзникам, Гитлер сначала не указал точную дату начала операции, и, возможно, это позволило сбиту с толку министру иностранных дел Ёсукэ Мацуоке убедить своих коллег в том, что русско-германская война еще может не начаться. Такой конфликт еще больше дискредитировал и так непопулярного автора русско-японского пакта о нейтралитете среди коллег по кабинету. Дело в том, что моментальная готовность министра иностранных дел отказаться от собственного пакта и присоединиться к Германии в войне против России привела его более консервативных коллег к выводу, что непредсказуемость Мацуоки слишком велика и граничит с безумием.

11 июня в долгожданной беседе с Гитлером генерал Ион Антонеску с готовностью предложил рейху свое участие в наступательной войне против России с первого же дня. В течение недели отзывчивые румыны узнали о точной дате начала операции «Барбаросса», чтобы иметь возможность провести мобилизацию своих сил. Не желая уступить в энтузиазме ненавистным румынам, адмирал Миклош Хорти сообщил немецкому послу, что этого дня он ждал

двадцать два года. Спустя много веков, заявил Хорти, человечество будет благодарить фюрера за освобождение русского народа от гнета коммунизма. Понятно, что восторг Хорти относительно благородного жеста, задуманного Гитлером в России, никак не повлиял на статичную позицию мадьярских дивизий в частях Трансильвании, недавно полученных от Румынии. Для гитлеровской экспедиции в Россию было достаточно венгерских войск второго эшелона. В последний момент шведы, испанцы и словаки предоставили транзитные права или дивизии добровольцев для крестового похода против большевистской России. Более рассудительные турки ограничились выражением радости.

Как англичане и испанцы, турки имели веские причины радоваться кажущемуся изменению направления немецкой агрессии на Советский Союз. В военной директиве № 32 от 11 июня фюрер дал понять, что турецкий нейтралитет должен продлиться столько, сколько продержится Красная армия, которой турки опасались. Англичане начиная с ночи 10/11 мая были избавлены от интенсивных воздушных налетов немецкой авиации. Теперь бомбежки, как и действия военно-морского флота, могли возобновиться только после победы над Россией. И испанцам, после освобождения фюрера от восточного инкуба, предстояло узнать, насколько опасны бесконечные проволочки, когда речь идет о новом хозяине Европейского континента.

Чтобы удержать ожидаемые немецкие завоевания в европейской части России в конце 1941 года, Гитлер в военной директиве № 32 объявил, что 60 немецких дивизий в дополнение к войскам сателлитов будет достаточно. Тем самым основная часть немецкой армии освободится для наступательных операций из Ливии на Суэц, из Болгарии через Турцию и, если будет возможно, с Кавказа через Иран к практически беззащитным нефтяным месторождениям Ирака и Персидского залива.

Подготовка немцев к операции «Барбаросса» приближалась к завершению на общей встрече занятых в операции военных командиров, которая состоялась в Берлине 14 июня 1941 года. На ней Гитлер снова назвал предсто-

ящую кампанию неизбежной и более предпочтительной в настоящее время, чем позднее, когда Красная армия будет лучше обучена и оснащена, а у немцев могут появиться другие дела. После 14 июня русские субмарины у берегов Германии могли быть атакованы при обнаружении, а отплытие немецких судов в советские порты было приостановлено под разными предложениями. 17 июня была окончательно утверждена дата начала операции — 22 июня. Начиная с 18 июня можно было уже не скрывать завершающую стадию подготовки. Ультиматум предъявлен не был, следовательно, у Сталина не было официального предупреждения, однако представляется сомнительным, что такой классический анахронизм мог существенно изменить советскую политику в этот период.

Накануне «Барбароссы» немецкий боевой порядок первого дня русского театра военных действий, включая Финляндию, насчитывал 154,5 немецких, 18 финских и 14 румынских дивизий. Итальянские, венгерские, словацкие и испанские части должны были прибыть после 21 июня. Немцы располагали 19 бронетанковыми дивизиями с 3350 танками, что составляло примерно 75% танковых сил (из расчета на дивизию), которые использовались во Франции. Кроме того, они имели 13 моторизованных и 1 кавалерийскую дивизию. Помимо финских дивизий, на отдельном Финском фронте, доклады с которого поступали непосредственно в ОКВ, находилось, в основном на севере, 4,5 немецкой дивизии, как часть армии Норвегии, под командованием генерала Николауса фон Фалькенхорста.

150 немецких дивизий на главном советском фронте под началом ОКХ были организованы в три группы армий, так же как и резервы ОКХ для «Барбароссы». Кроме довольно многочисленных сил союзников Германии, численность одной только немецкой армии на востоке в начале кампании достигала 3,3 миллиона человек. Группа армий «Север» из 30 дивизий под командованием фельдмаршала Вильгельма фон Лееба включала 16-ю и 17-ю армии, а также 4-ю танковую группу с 3 бронетанковыми дивизиями. Группа армий «Центр» из 51 дивизии под командованием фельдмаршала Федора фон Бока включала

4-ю и 9-ю армии, а также 2-ю и 3-ю танковые группы с 9 бронетанковыми дивизиями. Группа армий «Юг» из 43 немецких и 14 румынских дивизий под командованием фельдмаршала Герда фон Рундштедта включала 6-ю, 11-ю и 17-ю немецкую армии, а также 1-ю танковую группу из 5 дивизий, как и 3-ю румынскую армию.

Данные о советском боевом порядке перед 21 июня 1941 года намного менее точны. Советская сторона, судя по всему, располагала 235 дивизиями и 85 моторизованными и бронетанковыми бригадами в европейской части России. Организованные в 18 армий или отдельных механизированных корпусов, эти силы насчитывали около 4,5 миллиона человек, которые готовились встретить немцев и их союзников.

Состав советских «фронтов», как они стали называться в русских официальных сообщениях, когда началось военное противостояние, был сходным по организации, как и по численности, с армиями стран оси. Балтийский и Ленинградский фронты состояли из 3 армий каждый, в Белоруссии Западный фронт генерала Павлова включал еще 3 армии, так же как и 4 танковых или механизированных корпуса. На Украине Киевский, Юго-Западный и Одесский фронты включали 6 армий и 4 механизированных корпуса. Эти корпуса находились в процессе преобразования из корпусов и бригад в танковые дивизии, согласно, по-видимому, успешному опыту немцев. Им не хватало тренировки, транспорта и даже снабжения горючим.

В разных источниках приводятся разные, отличные друг от друга оценки советских танковых сил — от 17 000 до 24 000 танков, из которых только 15 000 были современными. Советские военно-воздушные силы насчитывали более 6000 боевых самолетов против 2000, которыми первоначально располагали немцы на Восточном фронте. Как и танки, советские самолеты в основном были устаревшими, а пилоты — плохо обученными. Еще 60 немецких дивизий были оставлены на западе и юге Европы для защиты от возможного нападения британцев, которые, как 35 дивизий Красной армии, стоявших в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, являлись резервами на случай кризис-

ной ситуации на главном театре военных действий у воюющих сторон.

Гитлер и армейский Генштаб обрели новую уверенность после успешной кампании на Балканах, а политическое суждение Гитлера, ожидавшего народного восстания против Сталина в случае серьезных неудач Красной армии, нашло широкую поддержку даже среди тех, кто раньше не демонстрировал особого дружелюбия. Например, за две недели до нанесения немцами удара по Советскому Союзу американский посол Лоуренс Стейнхардт доложил из Москвы своему правительству о росте крестьянского недовольства на Украине до такой степени, что одно только прибытие немецкой армии может сбросить советский режим. Конечно, явная недооценка популярности и возможностей Советов была ошибкой всех западных обществ после 1917 года, и винить за эту ошибку вряд ли имеет смысл одного только Адольфа Гитлера.

Альтернативный и более слабый аргумент, заключавшийся в том, что Гитлер напал на Россию, потому что не доверял ее растущей мощи и опасался советского нападения осенью 1941 года, представляется бессмысленным, поскольку Гитлер всегда намеревался напасть на Советский Союз как можно раньше, независимо от оценки состояния сил русских. Иллюстрирует это намерение, к примеру, его замечание начала 1942 года, когда дела пошли не так, как ожидалось, о том, что, хотя в июне он не верил в то, что русские имели 10 000 танков, если они их действительно имели, это было дополнительной причиной напасть на них как можно скорее. Следует отметить, что немецкое военное промышленное производство практически не возросло за год, который немцы провели, готовясь к операции «Барбаросса». Что же касается непосредственно армии, осенью 1941 года промышленное производство еще и снизилось.

Ссылка Гитлера на силу русских всерьез может рассматриваться как причина нападения нацистов только в долгосрочном плане. Даже оглядываясь назад, можно утверждать, что июнь 1941 года был первым реальным шансом Гитлера атаковать Россию. Он же был последним. Вероят-

но, к 1942 году и уж наверняка к 1943 году советское и англо-американское военное производство и мобилизация больших военных потенциалов достигли бы такой точки, когда победа Германии стала бы в высшей степени сомнительной. Удачный выбор времени всегда был сильной стороной Гитлера, а если вспомнить о его сравнительно легких победах, станет очевидно, что выбрать лучшее время для начала операции «Барбаросса» было невозможно.

С начала июня британские военные убедили в твердом намерении Гитлера поставить все на Россию, и 10 июня британский министр иностранных дел Энтони Иден заверил советского посла в том, что в случае русско-германского конфликта Британия сделает все, что в ее силах, чтобы отвлечь внимание немцев на западе воздушными налетами. На это заявление посол Иван Майский не дал никаких комментариев, только проинформировал мистера Идена о том, что советское правительство не планирует никаких переговоров о военном союзе с рейхом. 13 июня Иден пошел дальше и предложил Майскому британскую экономическую и военную помощь в случае нападения немцев, которое теперь представлялось неизбежным. В ответ посол запросил больше информации о немецких приготовлениях.

Через два дня, 15 июня, за инициативами в адрес неразговорчивых Советов последовало прямое обращение Черчилля к президенту Рузвельту относительно предполагаемых действий Гитлера. К 20 июня поступил ответ Рузвельта, в котором он согласился публично поддержать любое заявление, которое сочтет нужным сделать премьер-министр, приветствуя Россию в роли союзника. Однако, в частном порядке, британские штабисты воскресили старую идею Черчилля и еще более старую фантазию французов — пригрозить советским нефтяным месторождениям на Кавказе британской бомбардировкой в качестве средства давления, которое должно было заставить Сталина не стремиться к новым соглашениям с Гитлером. Даже перед самым началом операции «Барбаросса» англо-советские отношения вряд ли можно было назвать дружескими.

18 июня Майский, вероятно, проинформировал Москву о том, что, наконец, британский посол в СССР сэр Стаффорд Криппс, ранее выражавший свой скептицизм, теперь тоже в любой момент ожидает нападения Германии на Советский Союз силами 147 дивизий — довольно точная оценка. Можно предполагать, что мнение такого лейбориста, симпатизирующего Советскому Союзу, как Криппс, могло иметь больший вес для Москвы, чем слова Уинстона Черчилля. Однако даже «левый» Криппс не считал русских способными продержаться против немцев больше трех-четырёх недель. Когда же 22 июня немецкая атака действительно началась, глава имперского Генерального штаба сэр Джон Дилл в своем обращении к премьеру выразил общее мнение военной верхушки Запада, сказав, что очень скоро русских начнут окружать полчищами. Учитывая такое общественное мнение, ни эйфория Гитлера, ни попытки Сталина умиротворить немцев не кажутся странными или неразумными.

Послевоенные советские утверждения относительно неготовности страны противостоять военному вторжению в 1941 году были настолько подробными и всеобъемлющими, что уверенность немцев в способности качественного превосходства справиться с количественным преимуществом противника в живой силе и технике представляется оправданной. Ведущие советские деятели — Сталин, маршал Тимошенко, начальник штаба армии с февраля 1941 года Жуков — все в той или иной степени несли ответственность за неадекватную подготовку к войне. Например, помимо избытка предупреждений из-за границы, командующий Киевским военным округом генерал Кирпонос незадолго до нападения немцев обратился к Сталину с просьбой разрешить эвакуацию гражданского населения приграничных районов, чтобы ускорить строительство фортификационных сооружений. Сталин запретил оба этих мероприятия в приграничных областях на основании того, что они могут спровоцировать нападение немцев. Как американцы в Вашингтоне и Пёрл-Харборе шестью месяцами ранее, советский диктатор позабыл о том, что неоправданные оборони-

тельные мероприятия могут спровоцировать атаку с той же вероятностью, что и мирные инициативы — задержать ее.

Советские поставки жизненно важных для Германии импортных грузов — дальневосточного каучука¹, русского зерна, нефти и др. — могли следовать через границу до последнего дня, и плохая подготовка красноармейцев, в основном устаревшая техника и нехватка кадров в передовых частях армии, не могла ускользнуть от внимательных глаз немцев. Постоянное движение новобранцев Красной армии из-за сталинских фортификационных линий на Днестре в сторону запада предполагало, что не существовало интегрированного плана обороны, что, собственно, и соответствовало действительности. Более того, текущая реорганизация и переоснащение Красной армии лишили многие армейские подразделения все еще полезной старой материальной базы, почти ничего не предложив взамен передовым отрядам. Например, 1500 имеющихся современных танков весной 1941 года были отправлены к западной границе, но подавляющее большинство старых танков, вполне пригодных к эксплуатации, больше не поддерживались в рабочем состоянии. Поэтому, несмотря на поспешные оборонительные меры на западе, проводимые в результате объявленного 10 апреля состояния готовности, среди которых была переброска на Украину большей части двух армий с Северного Кавказа и Сибири, во многих отношениях Красная армия оставалась неготовой достойно встретить немецкое нападение в июне.

После показательного отъезда Сталина из Москвы на отдых к Черному морю, состоявшегося 14 июня, агентство ТАСС опровергло правдивость «абсурдных» слухов о неизбежности нападения немцев. Помимо этого ТАСС заявило, что перемещение немецких войск на восток не имеет агрессивных намерений, а недавний советский призыв резервистов был назван обычными летними маневрами. Когда

¹ Импорт дальневосточного каучука был настолько важен для операции «Барбаросса», что запрет русских даже на одну только эту позицию мог серьезно повлиять на перспективы всей военной кампании. (Примеч. авт.)

этот пробный шар не вызвал никакой ответной реакции Берлина, кроме молчания, 21 июня советский посол в Германии Деканозов потребовал ответа на предыдущие запросы Советского Союза относительно увеличения количества разведывательных полетов над советской территорией. В то же время в Москве комиссар иностранных дел Молотов обеспокоенно спрашивал немецкого посла Шуленбурга, действительно ли немецкое правительство оскорблено Советами.

На следующий день, 22 июня, в 4 часа утра рабски преданный Сталину Деканозов получил ответ от немецкого министра иностранных дел Риббентропа. Он находился в состоянии крайнего возбуждения, вероятно призванного компенсировать тот факт, что его слова разбили его же собственные надежды на возобновление сотрудничества между нацистами и русскими. Риббентроп официально возложил вину за немецкое вторжение в Россию на русских. По его словам, оно было вызвано враждебностью советской политики, в первую очередь в Югославии, а также концентрацией советских войск на западе. Однако, провожая советского посла до двери, Риббентроп шепотом сообщил, что выступал против решения фюрера. Получив разъяснение от посла Шуленбурга в Москве, Молотов не удержался от вопроса, считает ли столь же обеспокоенный Шуленбург, что Советы заслужили подобное обращение. Репутация Молотова, как и Риббентропа, была теперь неразрывно связана с прекратившим свое существование пактом о ненападении.

Муссолини получил длинное послание от Гитлера, в котором тот «извинялся» за свои действия, подчеркнув необходимость немецкого нападения раньше, чем военные экономики русских, англичан и американцев заработают на всю мощь. Поскольку нападение Гитлера на Советский Союз невозможно, Гитлер атаковал Россию, что, в свою очередь, увеличит японскую угрозу Соединенным Штатам. Гитлер заявил, что, даже если ему придется оставить в России 60 или 70 дивизий после успешного завершения кампании этого года, они будут только небольшой частью текущей концентрации на востоке.

В заключение Гитлер написал, что после своей внутренней борьбы, в результате которой он принял великое решение об операции «Барбаросса», он почувствовал себя «духовно свободным». Гитлер добавил, что, несмотря на его «искренние» попытки успокоить русских, это партнерство казалось ему утомительным, поскольку не отвечало его характеру, идеям, обязанностям. И теперь он избавился от моральных терзаний.

Ни противодействие некоторых генералов, ни весьма притягательные альтернативы, предлагаемые военно-воздушными силами, флотом и министерством иностранных дел, ни непримиримая враждебность Британии Уинстона Черчилля, ни льстивые речи Иосифа Сталина — ничто не смогло отвлечь Гитлера от смертоносного стремления на восток. В течение двух лет Германия вела тяжелые бои с превосходящими силами военно-морского флота Великобритании, уже год военно-воздушные силы Германии противостояли Королевским ВВС. Наконец, впервые во Второй мировой войне хваленой германской армии предстояло встретить противника, который, хотя и не был готов к первому нападению, в недалеком будущем окажет достойное сопротивление.

Россия — это страна, в которую очень легко вторгнуться, но очень трудно завоевать.

Ллойд Джордж, апрель 1919 г.

Мы все учили в военных академиях уроки, которые следует извлечь из военных катастроф 1914 года. Мы все потешались над Самсоновым, а теперь обмочились, как он.

Офицер Красной армии, июнь 1941 г.

Только предатель отвергает атаку, только простофиля сводит всю стратегию к атаке.

Троцкий, о военной доктрине

Мы должны взять его [Смоленск], чтобы двигаться на две столицы одновременно. В Москве мы все уничтожим. В Санкт-Петербурге мы все сохраним.

Наполеон, 1812 г.

Глава 5

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

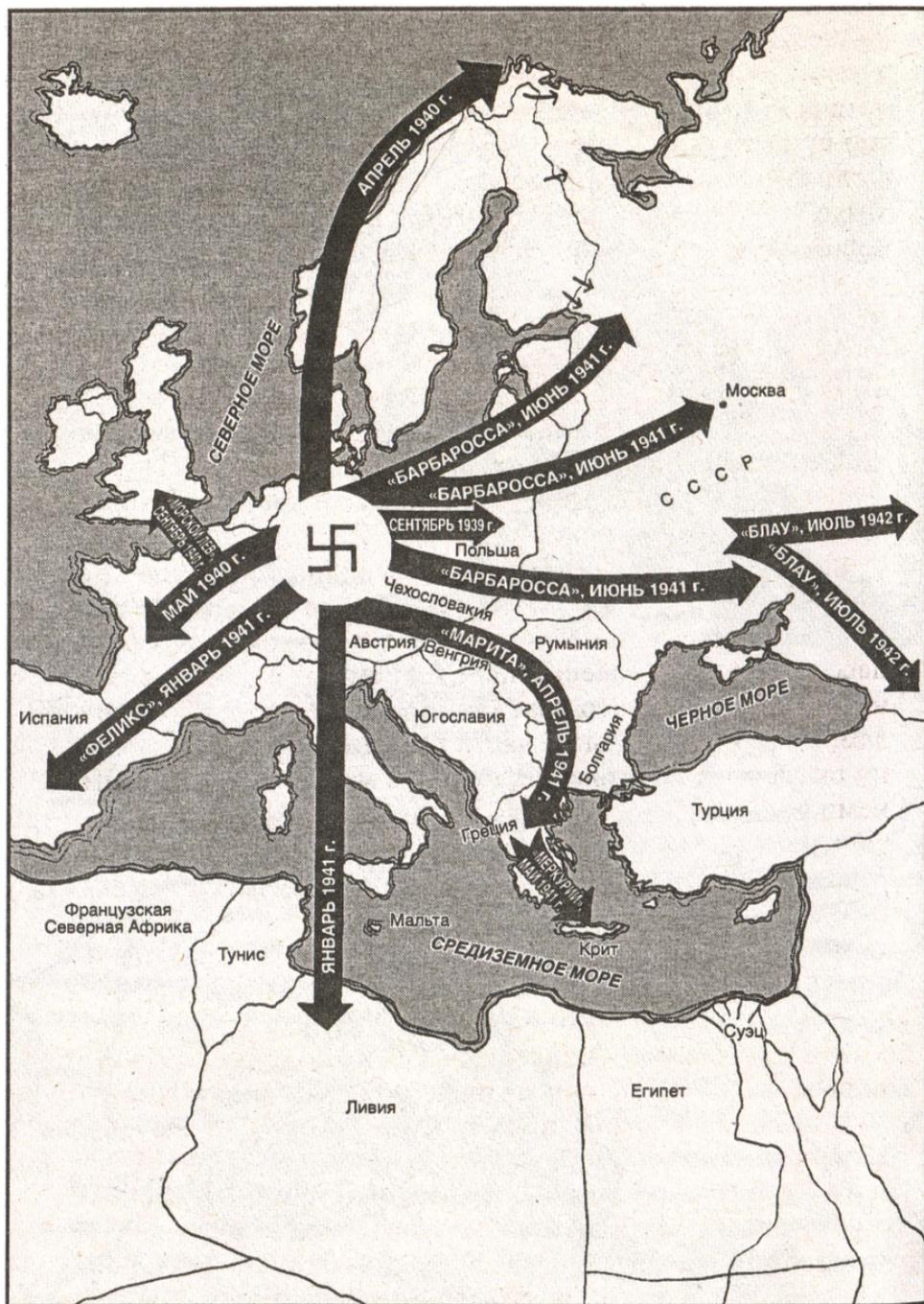
22 июня — 20 сентября 1941 г.

Следствием настоящего шквала разведывательных сообщений о неминуемом вторжении стало объявление в полночь 21/22 июня состояния боевой готовности. В 3.30 утра 22 июня немцы напали на Советский Союз (24 июня 1812 года началось вторжение французов в Россию — Отечественная война 1812 года; Наполеон в это время тоже находился на вершине своего могущества). Многие подразделения Красной армии и военно-воздушных сил даже не успели получить приказ о боевой готовности, не говоря уже о том, чтобы начать действовать. Адмирал Николай Кузнецов, командовавший советским военно-морским флотом, собственной властью приказал оказать сопротивление немецким атакам, хотя приказ от Сталина был им получен только через неделю.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ В 1941—1942 ГГ.

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ ГИТЛЕРА НА 1939—1942 ГГ.

Первой реакцией Красной армии на немецкое наступление стала неразбериха. Немецкая группа армий «Центр» сразу же перехватила теперь ставшую известной радиogramму из пограничного подразделения Красной армии в вышестоящий штаб: «Нас обстреливают. Что делать?» Ответ вышестоящего штаба превзошел даже реакцию американцев в Пёрл-Харборе шестью месяцами позже. В нем было сказано: «Вы сошли с ума. И почему сообщение не зашифровано?» В районе Лемберга, где наступала группа армий «Юг», советская артиллерия сначала не ответила на немецкий обстрел; впоследствии захваченный артиллерийский командир объяснил, что посчитал немецкий огонь ошибкой. Более того, в советских артиллерийских частях, в особенности на границе, не было контроля над распределением боеприпасов. Это также было отражением сталинской политики, направленной на избежание немецких провокаций любой ценой.

Первый известный оперативный приказ Красной армии, изданный через четыре часа после немецкого нападения, находился на том же уровне непровоцирующей пассивности: он запрещал переход немецкой границы уже находившимся в состоянии хаоса советским наземным силам. Конечно, отдельные части Красной армии немедленно оказали сопротивление, проявив мужество, с которым немцам еще не приходилось сталкиваться. В первую очередь речь идет о приграничной крепости Брест. Однако невозможно отрицать вывод генерала Гальдера, к которому он пришел на второй день войны, о том, что командование советской армии утратило контроль над ситуацией в Белоруссии; войска отчаянно сражаются на границе или беспорядочно отступают. А неопытность и неправильное использование многочисленных советских танковых формирований в первые дни можно считать невероятными.

3-я танковая армия группы армий «Центр» Бока уже пробила брешь шириной около 130 километров между русским Северо-Западным и Западным фронтами. В северной группе армий Лееба основные мосты через реку Двину, расположенные более чем в 300 километрах от немецкой границы, к 26 июня были захвачены невредимыми. Все это

было достигнуто благодаря воцарившейся неразберихе у русских, а также скорости и целеустремленности VI танкового корпуса генерала Эриха фон Манштейна. Не было никаких сомнений в том, что советская армия испытывает острую нехватку опытных офицеров, ликвидированных или заключенных в лагеря во время сталинских чисток.

Положение русских в воздухе было ничуть не лучше, чем на земле. Позиции советских ВВС были выдвинуты вперед. В результате плохой системы оповещения, неполного рассредоточения и негодной маскировки атаки люфтваффе уничтожили более 2000 советских самолетов, в основном на земле, в течение первых сорока восьми часов кампании. Длительная разведка, ведущаяся согласно секретному распоряжению Гитлера, отданному еще в октябре 1940 года, окупилась настолько полно, что Герман Геринг сначала не поверил триумфальным рапортам своих летчиков. В сугубо практических целях следующие три-четыре месяца, ставшие весьма трагичными для Красной армии, она вела бои без значительного воздушного прикрытия.

К большой досаде Адольфа Гитлера, который, несмотря ни на что, верил, что после окончания войны ему удастся установить дружеские отношения с Великобританией, 22 июня Уинстон Черчилль публично приветствовал Советский Союз как партнера в борьбе против нацистской Германии. Черчилль снова заявил, что никогда не станет вести переговоры с Гитлером или членами его банды. Однако Черчилль предупредил, хотя не прямо, что немецкое нападение на Советский Союз есть не более чем прелюдия к последующей атаке на Британские острова. Возможно, немецкие планы прикрытия для операции «Барбаросса» оказались достаточно эффективными и достигли своей цели — обмана англичан. Ведь даже русофил сэр Стаффорд Криппс ожидал вторжения немцев в Британию в сентябре 1941 года, то есть после летнего краха Советского Союза.

На следующий день была назначена британская военная миссия в СССР. При этом принималась во внимание оценка пессимистично настроенной британской армейской верхушки, заключавшаяся в том, что Великобрита-

ния не может себе позволить упустить даже такой слабый шанс, как даваемый Красной армией, отвлекающей на короткое время внимание немцев. Как следствие, основные инструкции британской миссии заключались в том, чтобы поощрять русских к ведению как можно более продолжительных боев в Сибири и обязательному уничтожению кавказских нефтяных месторождений до их оккупации немцами.

В Москве британскую военную миссию встретили весьма прохладно. Вначале ее только «терпели», говоря словами американского посла Лоуренса Стейнхардта, а не использовали и не информировали. Стейнхардт занимался планированием эвакуации американского посольства в ожидании падения советской столицы в ближайший месяц-два. В это же время британские штабисты отклонили предложение Черчилля о масштабном военно-морском рейде на французские порты Канала, что несколько отвлекло бы внимание немцев от России. Слишком уж ограниченными были ресурсы британцев, тем более принимая во внимание ожидаемую в ближайшем будущем победу немцев на востоке.

Другим политическим персонажем, планировавшим извлечь выгоду из нападения Германии на Советский Союз, был Ёсукэ Мацуока — министр иностранных дел Японии. Сразу после получения информации о начале войны Мацуока добился аудиенции у японского императора и, даже не проконсультировавшись с кабинетом, предложил немедленно напасть на Советский Союз. Уже изрядно расстроенный тем, что он назвал «вероломным актом» Гитлера, японский премьер Фумимаро Коноэ выступил против планов Мацуоки. Этот отпор стал более эффективным благодаря противодействию японского военно-морского флота новой кампании на Азиатском континенте, вдобавок к большой занятости армии в Китае.

Наконец, в ответ на неистовый призыв немецкого посла в Токио, 1 июля Риббентроп телеграфировал, что приближающийся крах военного могущества России дает Японии уникальную возможность. Ее войска могут завладеть Владивостоком и продвинуться как можно дальше на за-

пад, чтобы пожать руки наступающим немцам на полпути в Советском Союзе еще до наступления холодной зимы. Что именно ускорило это примечательное возвращение гитлеровской политики, в то время как немцы были абсолютно уверены в легкой победе над Россией, неясно, хотя в прошлом Рудольф Гесс довольно долго выступал за такой курс как один из фундаментальных принципов геополитической доктрины Карла фон Хаусхофера.

На совещании японского императорского совета 2 июля было решено, что, хотя военные приготовления к нападению на Советский Союз следует активизировать, тем не менее Япония будет ждать дальнейшего развития событий в войне между Германией и СССР, чтобы решить, какие действия следует предпринять. Перспектива войны и с Советским Союзом, и с Западом не привлекала членов совета, несмотря на энергичные усилия министра иностранных дел Мацуоки.

Проинформированное об этом решении собственными агентами или Государственным департаментом Соединенных Штатов, советское правительство продолжило переброску дальневосточных военных частей на запад. Эта переброска фактически началась еще в марте, то есть до заключения пакта о нейтралитете с Японией. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что удвоение японского гарнизона в Маньчжурии чрезвычайно встревожило правительство Соединенных Штатов. Тревога ни в коей мере не облегчалась неправильным толкованием расшифрованных, но вводящих в заблуждение японских посланий в Берлин. Но американские вопросы, как и давление на Токио, все же не отражали подавленности, свойственной переписке Риббентропа с японцами. Например, 10 июля немецкий министр иностранных дел телеграфировал, что, поскольку Россия близка к краху, просто невозможно, чтобы Япония не решила вопрос Владивостока и Сибирского региона после завершения военных приготовлений.

Единственным ответом Токио на призыв Риббентропа стало увольнение из японского министерства иностранных дел лучшего друга Германии Ёсукэ Мацуоки. С падения Мацуоки и принятия Японией курса в направле-

нии первоначально легкой южной экспансии началось ее движение к итоговому поражению. Сам Черчилль признавал, что в казавшейся безрассудной политике Мацуоки, направленной на радикальное сотрудничество с нацистской Германией, заключался ее лучший и, возможно, единственный шанс реализовать победу во Второй мировой войне. Причины, оправдывающие ее бездеятельность в это время, приведенные японцами Германии, а именно нехватка танков и общая неготовность в Маньчжурии, отражали и недавний неудачный опыт Японии в столкновениях с советской армией в 1938—1939 годах.

Пока дипломаты трудились, постепенно стало вырисовываться не слишком многообещающее будущее операции «Барбаросса», хотя группа армий «Центр» еще продолжала быстро наступать на южном и северном флангах фронта. Швеция разрешила проход немецкой 163-й пехотной дивизии из Норвегии в Финляндию через свою территорию, но логистические трудности Крайнего Севера, а также необходимость поздней концентрации немецких сил в Северной Финляндии, чтобы не насторожить русских, привели к задержке немецкой атаки на Мурманск до 29 июня. Две атакующие немецкие горные дивизии под командованием генерала Эдуарда Дитля, не имея преимуществ внезапности и существенного превосходства в силе, действуя на сложной местности, вскоре были остановлены сопротивлением русских в 50 километрах от советского арктического порта.

Еще две немецкие дивизии при поддержке финнов также не добились успеха в слабой попытке перерезать Мурманскую железную дорогу в Кандалакше в следующем месяце. А основным силам финской армии под командованием фельдмаршала Маннергейма досталась задача захватить Восточную Карелию в середине июля. Финны извлекли пользу из более удобной местности, хорошей подготовки, коммуникаций и временного превосходства в силе, сложившегося в результате ослабления 23-й советской армии ради сопротивления быстрому наступлению немцев в Прибалтике, и к концу августа захватили почти все свои бывшие пограничные с Советским Союзом территории.

На ровной и легко проходимой местности Украины, в секторе группы армий «Юг» фельдмаршала Герда фон Рундштедта, тоже сложилась непростая обстановка, хотя здесь находилась 1-я немецкая танковая группа, которая медленно продвигалась вперед, в то время как, согласно плану, смешанные силы Германии и Румынии на правом фланге практически стояли на месте. Лемберг был взят 29 июня, к большой радости украинских националистов, коих в этом городе было большинство. Однако бдительность солдат Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Кирпоноса вкупе с четырехкратным превосходством в танках (2400:600) не позволили немцам развить этот успех. В результате примерно 25 советских дивизий в Карпатах, атаки которых неисправимый пессимист Рундштедт опасался на правом фланге, смогли отойти в полном порядке. Постоянные атаки частей Красной армии из-под прикрытия Припятских болот против 6-й немецкой армии на левом фланге Рундштедта замедлили продвижение вперед этого элитного подразделения.

Ярый противник военной кампании на востоке вообще, предпочитающий в любом случае ограниченное стратегическое наступление вдоль балтийского побережья на Ленинград, а не широкомасштабную кампанию вплоть до Украины, Рундштедт быстро понял, что вся предыдущая информация о России, поступавшая к нему, была чепухой. Даже немецкие карты территорий, расположенных за старой польской границей, оказались неверными. Главные дороги стали проселочными тропами, и, наоборот, железные дороги таинственным образом исчезли, зато целые города «американского типа» с крупными заводами неожиданно появились там, где, судя по немецким картам, не было ничего.

А тем временем в решающем центральном секторе Бока продолжалось наступление. Хотя 2-я и 3-я танковые группы присоединились к войскам в Минске уже 28 июня, неспособность немецкой пехоты в пешем строю успевать за танковыми подразделениями дала русским множество возможностей для спасения из котла в районе Белостока. Тем не менее вторая немецкая западня в районе Минска

в течение первой недели июля помогла захватить более 300 000 советских пленных, составлявших основную массу 20 дивизий, а также такие безошибочные знаки победы, как 2500 танков и 1400 артиллерийских орудий. Немцы имели все основания для удовлетворения, и даже неизменно осторожный начальник штаба армии генерал Франц Гальдер 3 июля записал, что, «вероятно, не будет преувеличением заявить, что русская кампания была выиграна за две недели». LVI корпус Манштейна наконец вырвался с плацдарма на Двине и устремился по направлению к Ленинграду, а в центре танковая группа генерала Гудериана преодолела оборонительные укрепления на реках Березине и Днепре раньше, чем Красная армия успела набраться сил для того, чтобы занять сталинскую линию, преграждающую путь к советской столице¹.

4 июля Гитлер объявил: «Практически враг уже проиграл эту кампанию. Это хорошо, что мы уничтожили русские бронетанковые и военно-воздушные силы в самом начале. Русские не сумеют возместить эту потерю». Фюрер признал, что труднее всего ему было сделать выбор относительно того, какому удару отдать предпочтение, на Москву или Ленинград. Вероятнее всего, чтобы как можно дольше оттянуть принятие судьбоносного решения, Гитлер решил, как заметил Гальдер 8 июля, стереть с лица земли бомбежками и Ленинград, чьей архитектурой восхищался художник, живший в душе Гитлера, и Москву, ненавистный фюреру центр русского национализма и большевистской идеологии. Очевидными причинами применения немцами этого воздушного геноцида стало желание избежать необходимости кормить население этих политических и культурных центров следующей зимой, что вряд ли могло прийти в голову сторонникам таких ужасов для немецких городов в течение следующих нескольких лет.

Со своими ближайшими сподвижниками Гитлер 11/12 июля поделился мыслями о «самом необычном чи-

¹ 7 июля генерал Андрей Еременко, заместитель командующего Западным фронтом, обратился лично к Сталину относительно танковых пополнений, описав их важнейшую роль для поддержки советской пехоты. (*Примеч. авт.*)

новнике» Иосифе Сталине, который, будучи зависимым от подчиненной ему бюрократии для сохранения власти, уже готов оставить европейскую часть России, чтобы не потерять все. «Пусть никто не думает, — вещал фюрер, — что Сталин снова сможет захватить Европу из-за Урала». Всю следующую неделю, вместо того чтобы сделать наконец срочный стратегический выбор между Москвой и Ленинградом в качестве направления главного удара немецких сил, Гитлер занимался более приятной для него задачей — планировал замену боевых частей немецкой армии в России оккупационными гарнизонами, которую намеревался провести в осенние месяцы. Директива, изданная 14 июля, объясняла, что военное превосходство Европы после поражения России позволит значительно снизить численность армии и производство военной продукции в самом ближайшем будущем. Только танковые силы армии будут увеличены, поскольку они быстрее всего изнашиваются, неся на себе груз главных наступательных операций в России, другие приоритеты перейдут к военно-воздушным силам Геринга. Примерно в это же время вмешательство Гитлера в тактику заставило Гальдера записать следующие слова: «Это постоянное вмешательство фюрера в дела, обстоятельства которых он не понимает, становится бичом, который скоро станет нестерпимым».

16 июля Гитлер все еще занимался приятнейшей работой — обдумывал блестящее будущее, позабыв о насущных потребностях настоящего момента; на этот раз, в компании некоторых коллег по нацистской партии, включая Геринга, Розенберга и Мартина Бормана, фюрер увлеченно делил шкуру русского медведя, которого считал убитым. Хотя в пропагандистских целях немцы должны были подчеркнуть свою роль освободителей от коммунизма, Гитлер намеревался открыто присоединить к рейху сначала Крым (после изгнания коренного населения), бывшую польскую часть Украины, балтийские государства, бакинские нефтяные месторождения, немецкое Поволжье, Кольский полуостров. Финны должны были получить Восточную Карелию и руины Ленинграда. К досаде Геринга и Розен-

берга, которые хотели использовать враждебность украинцев по отношению к Москве, Одесса и ряд других частей Украины должны были отойти к Румынии или к рейху.

Партизанская война, жизнерадостно утверждал фюрер, давала немцам явные преимущества, поскольку позволяла «истребить» больше противников. Ни один славянин на восточных территориях отныне не будет носить оружие, и к западу от Урала советская военная мощь не будет существовать, «даже если нам придется вести войну еще сто лет, чтобы добиться этой цели». И наконец, в этом «нацистском Эдеме» любой абориген, который косо посмотрит на немца, будет расстрелян — очевидно, примером для фюрера послужило британское правление в Индии. Возможно, сам Людендорф, с чьей программой германских имперских аннексий на востоке от 9 июня 1918 года имели очевидное сходство взгляды Гитлера, не одобрил бы средства ее реализации, намеченные фюрером. В любом случае, как считали и умеренные нацисты, в политике фюрера было слишком мало стимулов, чтобы привлечь на свою сторону многочисленные этнические меньшинства Советского Союза, не говоря уже о его великом русском ядре.

Танковые генералы, несмотря на нерешительность фюрера в стратегии, имея огромное превосходство в танках и самолетах, продолжали одерживать победы на Центральном фронте. Уклоняясь от ограничений своего враждебно настроенного непосредственного начальника фельдмаршала Гюнтера фон Клюге, Гудериан к началу третьей недели июля форсировал Днепр и захватил Смоленск, преодолев почти две трети пути до Москвы. Когда танковая группа Гудериана встретилась с группой генерала Германа Гота, двигавшейся с севера, несмотря на упорное сопротивление русских, около 200 000 русских — бойцов Западного фронта Тимошенко — были взяты в плен, а также большое количество боевой техники.

Эти впечатляющие достижения в сочетании с накапливающейся усталостью танковых дивизий и тем, что Гальдер метко назвал «катастрофическим состоянием растянутых немецких путей подвоза», подтолкнули Гитлера к изданию 19 июля директивы № 33. На требования своих

танковых командиров, включая Манштейна, фюрер ответил распоряжением о том, чтобы армейское командование производило зачистку максимального количества окруженных советских подразделений, после чего возобновило медленное наступление на Москву силами одних только пехотных дивизий. Необходимые танковые силы группы армий «Центр» должны были направиться в другую сторону: 3-я танковая группа — на север, чтобы укрепить завязшее наступление Лееба на Ленинград, а 2-я танковая группа — на юго-восток, чтобы создать угрозу 5-й советской армии в районе Киева с тыла, тем самым помогая медленному продвижению Рундштедта по Украине. Уже через несколько дней в дополнении к директиве № 33 тщеславный фюрер добавил Дон, Крым и Кавказ к южным целям на 1941 год, а группе армий «Север» было предписано вернуть все свои танки в Германию отовсюду, после захвата и разрушения Ленинграда.

В этот период Гитлер утверждал, что для него Москва — пустой звук, всего лишь название на карте. Но его сверхуверенность, судя по всему, была непритворной, учитывая урезание им объемов производства армейского оружия и боеприпасов, несмотря на быстрое уменьшение бронетанковых и моторизованных дивизий почти наполовину в сравнении с их исходной мощностью в самом начале кампании. Именно серьезное уменьшение ударной мощи армии вызвало принятие Браухичем того, что Гальдер 26 июля назвал отказом от «нашей первоначальной стратегии творческих операций» в центре в пользу исключительно тактических завоеваний на немецких флангах. А данное в это же время генералом Йодлем объяснение о том, что трудности немцев с организацией снабжения оправдывают отказ позволить русским жителям Ленинграда покинуть город, является отговоркой для другой чудовищной ошибки, на этот раз касающейся немецкой политики, а не стратегии. То, что сама Красная армия считала чудом на Марне — чудом, которое спасло Москву, было прямым результатом отказа Гитлера поддержать наступление группы армий «Центр» Бока, независимо от последствий для менее важных операций на других участках.

Реакция советских верхов на нападение немцев стала очевидной уже 23 июня, когда была создана первая версия Ставки Верховного Главнокомандования, основанная на принципах, давно сформулированных одним из немногих военных командиров, переживших сталинскую чистку, — маршалом Шапошниковым. Опираясь на ресурсы Генерального штаба армии, возглавляемого тогда генералом Георгием Жуковым, Ставка подчинялась непосредственно Государственному Комитету Оборона (ГКО), созданному 30 июня. Власть ГКО была абсолютной, это был фактически военный кабинет, куда первоначально входили Сталин, Молотов, Ворошилов, Маленков и Берия.

3 июля Сталин наконец обратился к советскому народу, впервые назвав русских людей братьями. В своей высокоэмоциональной и идеологически выдержанной, истинно большевистской речи он предупредил, что нацисты якобы намерены реставрировать монархию, отдать русских под власть немецких баронов и землевладельцев. Он также заявил о необходимости уничтожить все ресурсы, которые могут достаться врагу. Говоря о партизанской войне без соответствующей к ней подготовки, Сталин фактически играл на руку Гитлеру, поскольку фюрер искал любой повод для уничтожения русского населения. Хотя Сталин оправдывал заключение пакта с такими вероломными и жестокими людьми, как Гитлер и Риббентроп, необходимостью выиграть время для подготовки, он все же поблагодарил правительства Великобритании и Соединенных Штатов за добровольное предложение помощи. Если говорить кратко, советский диктатор пребывал в смятении и, согласно последующему заявлению Хрущева, был вынужден в начале июля вернуться к активному политическому и военному руководству после болезни только по воле некоторых членов Политбюро.

С первого дня немецкого нападения были приняты все меры революционного террора для борьбы с изменниками, капитулянтами и даже просто несознательными советскими людьми — военными и гражданскими. Согласно секретным немецким донесениям в течение недели, предшествующей взятию немцами Лемберга 30 июня, со-

ветский НКВД уничтожил 4000 украинских политзаключенных. В это же время генерал Павлов, командовавший Западным фронтом в Белоруссии, был заменен генералом Андреем Еременко, поспешно отозванным с Дальнего Востока. Официально неудачливый Павлов и несколько его подчиненных были расстреляны, как козлы отпущения, за первые неудачи Красной армии. Маршал Тимошенко, будучи министром обороны, попытался задавить поднимающуюся панику, пригрозив военным трибуналом каждому, кто даже просто заговорит об отступлении. Через несколько дней ситуация на Западном фронте настолько обострилась, что 3 июля маршал Тимошенко лично принял командование, оставив Еременко своим начальником штаба.

В середине июля такая же обстановка сложилась на Северо-Западном фронте Ворошилова, и 16 июля было принято решение о восстановлении командной ответственности политических комиссаров, что всегда было признаком опасения коммунистической партии потерять контроль над армией. Секретный приказ Сталина от 16 июля признал, что число преданных и надежных командиров Красной армии не слишком велико — сказалось влияние внезапного нападения врага.

Возвращение Сталина к активной деятельности — 19 июля возглавил комиссариат обороны и после 9 августа выступил в роли Верховного главнокомандующего советскими вооруженными силами — не улучшило положение дел, потому что, не познакомившись лично с ситуацией на фронтах, советский диктатор упорно отдавал совершенно нереальные приказы атаковать и не отступать. Вследствие такого политического вмешательства в тактику, что произошло и с Гитлером, только несколько позднее, namного больше частей Красной армии, чем могло быть, оказались в окружении и попали в плен под Смоленском и на других участках. Плен для советских людей был едва ли не худшим из зол — советская доктрина считала всех жертв несостоятельной наступательной стратегии 1941 года предателями своей страны. Неудивительно, что Никита Хрущев, служивший тогда политическим комиссаром у маршала Бу-

денного на Украине, в 1964 году заметил, что Сталина люба́т те, кому нравится трупная вонь.

Несмотря на серьезные сомнения в Госдепартаменте, громкоголосую оппозицию изоляционистов и глубочайший пессимизм армии и флота Соединенных Штатов относительно шансов Советского Союза на выживание, американская политика, как и британская, приветствовала Советский Союз в роли союзника. Но уже 6 июля определенные элементы британской прессы, в первую очередь газеты лорда Бивербрука справа и Лейбористской партии слева, стали требовать большей поддержки для Советского Союза, вплоть до открытия второго фронта во Франции в самом ближайшем будущем. Всегда рядом со своим старым другом Бивербруком, подстегиваемый усиливающимся в обществе беспокойством относительно возможности краха русских, 7 июля Уинстон Черчилль взял на себя инициативу возобновления давно прерванного диалога Запада с Москвой.

Британский премьер, поздравив «господина Сталина» с беспримерным мужеством Красной армии и советского народа, объявил, что «чем дольше продлится война, тем больше помощи мы сможем оказать». Черчилль подчеркнул, что помощь Королевского ВМФ и военно-воздушных сил постепенно увеличится, что, несомненно, явилось слабым утешением для советского лидера, оказавшегося перед лицом фактического краха своего Центрального фронта в Белоруссии. Но уже на следующий день, 8 июля, Сталин попросил британского посла сэра Стаффорда Криппса дать гарантии взаимной помощи и заключения сепаратного мира.

Черчилль сразу согласился на эти условия. Как он объяснил первому лорду адмиралтейства 10 июля, обосновывая передвижение британской эскадры в Арктику: такая акция поднимет моральный дух русских и в перспективе «сохранит много английской крови». Черчилль также указал на огромные преимущества, которые Британия получит благодаря выносливости русских «в любом случае до зимы». С другой стороны, он назвал «преждевременный мир с русскими ужасным разочарованием для народа на-

шей страны». Вывод Черчилля был бы весьма неприятен для отчаявшихся русских, если бы попался им на глаза. «Пока они [русские] воюют, не имеет особого значения, где располагается фронт».

Сталин написал Черчиллю 18 июля: Он поблагодарил британского премьера за недавно достигнутые англо-советские договоренности. Приведя довод в пользу своего пакта с нацистами 1939 года — он дал Красной армии буферную территорию, — Сталин призвал к немедленному открытию второго фронта во Франции или, если не получится, в Арктике. Такой фронт не только снизит давление на СССР в весьма напряженный момент, но и, по заверениям Сталина, будет популярным у населения Южной Англии, так же как и в британской армии. Нельзя не заметить, что приведенные выше побудительные мотивы к действию, предложенные советским диктатором Черчиллю, больше всего напоминают беседу между двумя существами с разных планет. А ответ Черчилля от 20 июля относительно невозможности серьезного наступления британцев против якобы неприступных фортификационных сооружений на побережье Франции был основан на мнении британских военных, что из-за нехватки тоннажа Британия не в состоянии предпринять большое вторжение на континент. Военно-морская поддержка в Арктике и поставка боеприпасов из собственных скудных запасов — это все, что смог предложить британский премьер русским на этом этапе.

Вскоре после этого британцы принесли русским косвенную жертву — 25 июля президент Рузвельт отправил боеприпасы, предназначенные для британцев, русским. В то же время президент послал Гарри Хопкинса в Москву в качестве своего личного представителя. Он должен был установить на высшем уровне действительные потребности и шансы русских и укрепить их моральный дух на будущее.

Прибыв 30 июля в русскую столицу, Хопкинс встретился со Сталиным на двух длительных совещаниях, которым предстояло стать решающими для будущих эффективных союзнических коалиционных военных действий. Сталин немедленно дал понять, что остро необходимы мобильные

орудия ПВО, чтобы возместить потери русских истребителей. Большие потребности в авиационном топливе, а также алюминии для самолетостроения, не говоря уже об обещанных англичанами и американцами истребителях, свидетельствовали о масштабах катастрофы, постигшей Красную армию в начале войны. Более угрожающим стало требование Сталиным миллиона или более винтовок, хотя, по его утверждению, боеприпасов к ним было достаточно. Впервые раскрыв данные советской разведки Западу, Сталин сообщил, что кампания была начата примерно 175 немецкими дивизиями против 180 советских. Но последние не были полностью мобилизованы или находились не на своих позициях. В настоящее время, как утверждал советский лидер, немцы направили в Россию 232 дивизии против 260 советских, из которых 20 дивизий находились в резерве, а треть — не была в бою. К весне 1942 года, по оценкам Сталина, Красная армия будет располагать 350 дивизиями, очевидно, он имел в виду на всей территории СССР. Сталинские цифры достаточно точны для немецкой стороны, если сделать скидку на то, что он упорно именовал все военные подразделения стран оси немецкими. Приведенные им цифры, касающиеся Красной армии, подтверждаются немецкими источниками, хотя советский диктатор не упомянул о тяжелых потерях, исчисляемых целыми дивизиями, и о быстром уменьшении численности и качества уцелевших советских подразделений.

Что касается танков, Сталин преувеличил немецкие ресурсы почти в десять раз, хотя, возможно, сделал это не намеренно — он сам пребывал в заблуждении. Он также высказался в защиту текущей советской практики приписывания 50 танков каждой советской пехотной дивизии на том основании, что это заставляет сильные немецкие танковые дивизии отвлекаться от своих наступательных функций, чтобы поддержать не имеющую танков немецкую пехоту. Объяснив, что советское производство танков достигло 1000 единиц в месяц (втрое больше, чем немецкое производство в этот период), Сталин сказал, что имеет 24 000 танков, в том числе 4000 единиц новых тяжелых моделей, превосходящих немецкие аналоги.

Относительно самолетов советский диктатор признал, что люфтваффе используют на русском театре свои устаревшие модели, но заявил, что немцы производят 2500 самолетов в месяц, а русские — только 1800. Сталин утверждал, что немецкая армия уже устала и ее удастся удержать на подходах к Киеву, Москве и Ленинграду на протяжении всего года. У Хопкинса создалось впечатление, что, если упомянутые политические и промышленные центры и соответствующие области попадут к немцам, около 75% советского промышленного производства будет потеряно. Поскольку Сталин выразил уверенность, что фронт стабилизируется с началом сезона дождей, было решено, что это будет удачным временем для проведения конференции союзников, которая решит, какую серьезную поддержку сможет оказать Запад жизнеспособному фронту против Третьего рейха.

А тем временем жизнь в немецком лагере шла своим чередом. Гитлер продолжал игнорировать советы командующих армиями и военно-морскими силами. Заметим, что последнее было более обоснованным. 25 июля гросс-адмирал Редер, который с самого начала Восточной кампании изводил фюрера требованиями принять контрмеры против враждебной активности американцев в Атлантике, снова был проинформирован Гитлером о том, что необходимо избежать объявления войны американцами, пока кампания на востоке находится в самом разгаре и армия занята тяжелыми боями. После завершения операции «Барбаросса» Гитлер считал себя вправе «принять жесткие меры против американцев». Даже абсолютно уверенный в себе Гитлер не желал повторять ошибок немецкого флота во время Первой мировой войны, спровоцировав вступление американцев в войну против Германии до завершения основных военных действий на Европейском континенте.

Получив информацию от своих агентов в Швейцарии относительно концентрации немецких войск в центре в период между 27 июня и 1 июля, Ставка направила пять новых армий для восстановления Западного фронта, охранявшего Смоленск и главную дорогу на Москву. Впоследствии эти подразделения будут усилены не менее чем три-

надцатью дополнительными советскими армиями только в этом секторе. Поэтому совершенно неудивительно, что 27 июля генерал Йодль из обычно уступчивого ОКВ попросил фюрера пересмотреть свою оппозицию по отношению к раннему возобновлению движения на Москву.

Обращаясь к Гитлеру языком его предполагаемого ментора — Клаузевица, Йодль подчеркнул, что отдает предпочтение наступлению на Москву не потому, что это русская столица, а только потому, что русские используют для ее защиты свои последние резервы. Так немцы скорее поддержат объявленную цель Гитлера в СССР — уничтожить Красную армию, чем будут стремиться к другим политическим или экономическим приобретениям, доступным на обширных пространствах востока. Вернувшись к своей первоначальной концепции кампании «Барбаросса» с наступательным акцентом на фланги, 28 июля Гитлер ответил Йодлю, что его новая экономическая цель — нанесение ущерба советской базе вооружений в Восточной Украине — теперь является более важной, чем уничтожение Красной армии.

Тем не менее Гитлер, вероятнее всего, был впечатлен совместной оппозицией ОКХ и ОКВ, потому что 30 июля он слегка отступил от своего прежнего акцента на фланги. Группе армий «Центр» было дано время на отдых и восстановление танковых сил перед началом будущего наступления на Москву. А пока она могла сохранить свои существующие силы невредимыми, если не считать оказание поддержки силами люфтваффе группе армий «Север». Но 4 августа на совещании с фельдмаршалом фон Боком и танковыми генералами Готом и Гудерианом в штабе группы армий «Центр» Гитлер отверг планы этих трех офицеров возобновить наступление на Москву в конце августа.

Отказ Гитлера оказался тем более эффективным, поскольку Гудериану, кроме того, было отказано в поставке нужного количества танковых двигателей для замены изношенных. Правда, фюрер сделал попытку успокоить своего обозленного танкового командира, сказав: «Если бы я знал, что данные о танковых силах русских, приведенные в вашей книге, соответствуют истине, думаю, я бы не на-

чал эту войну». Хотя последнее заявление представляется проблематичным, Гитлер продолжал говорить о Ленинграде как о своей главной цели, настаивал на важности захвата Харькова и Донбасса в Восточной Украине, так же как и на важности нейтрализации Крыма, который он называл «советским авианосцем, действующим против румынских нефтяных месторождений». На этой стадии, конечно, советские военно-воздушные силы едва ли функционировали на тактическом уровне, не говоря уже о серьезной долгосрочной стратегической угрозе чему бы то ни было.

В то же время, когда крайне встревоженная армия настаивала на возобновлении атаки на Москву, вместо преждевременного захвата политической и экономической добычи, к которой так стремился политик, живущий в Гитлере, ОКХ также передало фюреру запрос относительно сбора зимней одежды для армии в России. Разозленный нацистский диктатор отверг это предложение, поскольку обещал немецкому народу, что солдаты вернутся домой к Рождеству и что в любом случае зимней кампании в России не будет.

6 августа, встретившись с командирами группы армий «Юг» на Украине и несмотря на незаинтересованную поддержку фельдмаршала фон Рундштедта удара на Москву, Гитлер повторил все то, что Гальдер назвал «старой грампластинкой фюрера»: сначала Ленинград, потом Донбасс и лишь после этого Москва. В личной беседе с Йодлем на следующий день Гальдер предположил, что Москву и Ленинград можно захватить одновременно, но оппозиция начальника штаба попыткам Гитлера преследовать одновременно и военные, и политические цели осталась неизменной.

Гальдер, конечно, был воспитанником школы Клаузевица. Великий прусский военный теоретик, комментируя удар Наполеона на Москву, писал: «Неужели его сердце щемило оттого, что он не захватил вражескую столицу, беззащитную Москву... тем самым оставив ядро, вокруг которого могут собраться новые элементы сопротивления? Он имел исключительный шанс захватить этот отдаленный и огромный колосс внезапно... но он не использует свое

везение, останавливается в середине победоносной карьеры, как будто по воле злого духа...»

Примерно в это время группа армий Рундштедта наконец начала добиваться успехов, сравнимых с успехами группы Бока. Получив пополнение из итальянских, венгерских и словацких частей, группа армий «Юг» уничтожила большую часть дивизий советской 6-й и 12-й армий в районе Умани — в Центральной Украине. К концу месяца группа Рундштедта вышла на линию Днепра везде, кроме Киева, и в нескольких местах создала прочные плацдармы за великой русской рекой. Гитлер с восторгом сообщил своим приближенным, что новая немецкая Индия на востоке наконец захвачена, а ожидаемое в ближайшие дни падение Ленинграда и Харькова станет равносильным капитуляции Советов.

Когда последние немецкие резервы были брошены в бой, Франц Гальдер пришел к заключению в корне отличному от гитлеровского. 11 августа он записал в своем военном дневнике следующее: «Создавшаяся ситуация показывает, что мы недооценили русский колосс, который последовательно готовился к войне с беспощадным упорством, так характерным для тоталитарных государств. <...> В начале войны мы имели дело примерно с 200 немецкими дивизиями. Теперь их уже 360. Это заключение применимо также к его организации, экономическим ресурсам и средствам связи, но более всего к его чисто военной эффективности. Время работает на русских, поскольку они находятся рядом со своими ресурсами, а мы двигаемся все дальше и дальше от своих. Наши войска, разбросанные вдоль огромной линии фронта, без какой-либо глубины, подвергаются непрекращающимся атакам противника. Иногда они являются успешными, потому что слишком много промежутков неизбежно остаются открытыми на гигантских пространствах».

Положение давно остановленной группы армий «Север» начало улучшаться, что лишь усилило решимость Гитлера отдать предпочтение флангам. Уже 7 августа германская 18-я армия расколола советскую 8-ю армию на севере Эстонии на два корпуса. Один из них отошел к военно-

морской базе в Таллине, которую и защищал в течение трех следующих недель с помощью советских военно-морских сил. Другой корпус отступил к реке Луге за Нарвой. На этот раз, воспользовавшись выраженным превосходством в силе, группа фельдмаршала фон Лееба 10 августа начала общее наступление через Лугу, имея целью отрезать Ленинград от остальной территории Советского Союза.

Несмотря на проявленную личную храбрость, маршал Ворошилов, который, по словам Троцкого, не мог командовать ничем больше полка, не смог собрать свои силы вдоль Луги. Русские находились в явном меньшинстве, да и пополнение состояло только из необстрелянных новичков — народного ополчения и заводских рабочих. К тому же Ворошилов и его политический комиссар А.А. Жданов разозлили Сталина, создав 20 августа Военный совет для обороны Ленинграда, не заручившись предварительно разрешением советского диктатора. Хотя этот совет, в котором все же преобладали пораженческие настроения, вскоре был ликвидирован, неразбериха в командной структуре сектора Ворошилова осталась настолько велика, что подкрепление в виде двух свежих советских армий для создания новой линии обороны вдоль реки Волхова оказалось недостаточно.

Несмотря на довольно эффективную отвлекающую атаку советской армии на Старую Руссу и выход из окружения ряда окруженных подразделений 8-й армии по морю из Эстонии, к началу сентября группа Лееба вышла к южным окраинам Ленинграда, а 8 сентября немцы захватили историческую крепость Шлиссельбург на Ладожском озере, перерезав последние наземные и железнодорожные связи Ленинграда с остальной Россией. Менее 700 000 мирных жителей были эвакуированы из города. Около 3 миллионов человек остались в Ленинграде, чтобы в ближайшем будущем столкнуться с голодом, уготованным для них Гитлером и Герингом в качестве замены более дорогостоящей оккупации. Создается впечатление, что генерал Жуков, сменивший в начале сентября маршала Ворошилова и стабилизировавший фронт у южных окраин города, добился успеха в основном из-за поворота немецкой наступатель-

ной мощи на Москву, а не благодаря своим личным военным достоинствам.

А тем временем великий стратегический спор между Гитлером и командованием армии относительно стратегического центра тяжести кампании продолжался. Уже 18 августа Браухич и Гальдер вернулись к нему, составив меморандум, в котором подчеркивалось, что, поскольку два месяца есть тот минимум времени, который необходим для взятия Москвы, если на это будут брошены все имеющиеся резервы, необходимо немедленно начинать операцию, чтобы обеспечить ее окончание до начала осенних дождей в октябре. В точном соответствии с доктриной Клаузевица, командование армии заявило, что экономические выгоды юга добавятся автоматически после решающей военной победы над Красной армией. Бригадный генерал Вальтер Варлимонт из оперативного штаба ОКВ подтвердил выводы ОКХ в тот же день, указав, что операции на юге могут подождать, потому что на Украине хорошая погода до начала осенних дождей, как правило, держится дольше.

Однако 20 августа генерал Йодль, непосредственный начальник Варлимонта в ОКВ, дал ответ ОКХ от имени фюрера, в котором утверждалось, что шансы застигнуть русских врасплох и уничтожить большую часть Красной армии в углубляющемся Киевском котле слишком велики, чтобы их упустить. Да и такая атака на юге все равно необходима для защиты правого фланга последующего наступления группы армий «Центра» на Москву. И напрасно генерал-лейтенант Адольф Хойзингер, начальник оперативного отдела ОКХ, настаивал на том, что захват узловой точки всех русских коммуникаций — Москвы, помимо своего большого политического и экономического значения, еще и нарушит логистические связи Красной армии больше, чем любое другое наступление.

С другой стороны, если не считать решающего временного фактора, следует заметить, что аргументы Йодля были вполне разумными. Хотя, как утверждают историки Андреас Дорпален и Алан Кларк, вполне может статься, что Гитлер давно уже решил с Гальдером, что русская кампа-

ния будет длительной. Если это так, Гитлер, вероятно, сделал политически важный вывод, заключающийся в необходимости захвата всех возможных экономических ресурсов, пока на юге это еще возможно. Тогда Москва действительно могла еще подождать, тем более что ее захват в любом случае зависел от общего ослабления советской военной экономики. Короче говоря, если соображения Гитлера интерпретировать таким образом, Москва считалась слишком хорошо укрепленной, чтобы ее можно было атаковать с надеждой на успех до начала зимы¹.

В общем, каковы бы ни были мотивы, 21 августа в военной директиве № 34 Гитлер решительно отклонил армейский меморандум от 18 августа. Если верить заметкам Гальдера, фюрер выразился вполне недвусмысленно: «Главной целью, которая должна быть достигнута до начала зимы, является не взятие Москвы, а захват Крыма, а также угольного и промышленного района Донбасса и изоляция нефтяных месторождений Кавказа. На севере — это окружение Ленинграда и соединение с финнами». Гитлер настолько был в этом уверен, что на следующий день назвал ОКХ полным умов, закосневших в устаревших теориях.

Предложение Гальдера Браухичу о совместной отставке в знак протеста против «зигзагов» фюрера было встречено возражением слабого командующего армией о том, что это ничего не изменит. Браухич был настолько уступчивым, что, когда 23 августа Гудериан по неуверенной просьбе Гальдера посетил Гитлера, желая сделать еще одну попытку заставить фюрера изменить свои взгляды, командующий армией вообще запретил танковому командиру поднимать вопрос наступления на Москву. Когда же Гудериан все же это сделал, Гитлер надменно ответствовал, что генералы ничего не понимают в экономических аспектах войны. После этого Гальдер пережил нервный срыв, причем состояние его здоровья вовсе не улучшил обмен обви-

¹ 25 августа Гитлер пожаловался Муссолини, что немецкая разведка не сумела обнаружить ни прекрасное оснащение, ни фанатичный боевой дух Красной армии. (*Примеч. пер.*)

нениями между ним и Гудерианом, касающимися неожиданного согласия последнего с приказами фюрера, пока его танковая группа остается невредимой.

Учитывая всеобщую нерешительность и отсутствие единства в командовании, вряд ли стоит удивляться тому, что Гитлеру все же удалось добиться своего. И это несмотря на поступившее 28 августа предупреждение командира группы армий «Центр» фельдмаршала фон Бока о том, что, учитывая потери обеих танковых групп на севере и на юге, он предвидит невозможность для своей армейской группы даже противостоять постоянным контратакам русских, не говоря уже об организации нового наступления силами одних только пехотных дивизий. Однако в тот же самый день в меморандуме о стратегии, изданном для немногих избранных с одобрения Гитлера, было сказано, что первоначальная цель операции «Барбаросса» — выход на линию Архангельск на Белом море — Астрахань на Каспийском море — вряд ли будет достигнута в 1941 году. Поэтому на 1942 год первой задачей рейха остается поражение Советского Союза. Чтобы реализовать такое поражение, согласно вновь обретенным пессимистическим взглядам фюрера, завоевания в южных регионах СССР особенно важны, как по причине потенциального политического диссидентства в этих регионах, так и ради достижения экономических целей. Более того, на всех остальных театрах не должно предприниматься ничего, что могло бы расширить и без того слишком растянутые ресурсы вермахта.

Немцы стали более реалистично смотреть и на перспективу японской помощи в борьбе с русскими. Хотя в конце августа Гитлер успокоил гроссадмирала Редера, предложения которого постоянно отклонял, заверив, что японцы нападут на Владивосток, как только завершат концентрацию сил в Маньчжурии, 10 сентября Гальдер отметил, что Гитлер не желает больше «давить» на японцев, дабы не создать впечатления их острой необходимости в России. Да и все они трусы и, скорее всего, ничем не помогут.

В конце концов фюрер получил верную информацию относительно намерений своего дальневосточного партнера. Как сообщил в сентябре—октябре и Рихард Зорге

своему руководству, под давлением министерства иностранных дел и командования военно-морского флота японцы решили, что успехи немцев в России недостаточны для того, чтобы оправдать какие-либо немедленные действия со стороны Японии. Поэтому интервенция в Советский Союз была отложена по крайней мере до весны 1942 года, да и то если к этому времени немцы выйдут к Волге — об этом условии Гитлер тоже, скорее всего, знал.

Возможно, в результате давления ОКХ, даже раньше, чем в середине сентября, вокруг крупных частей Красной армии сомкнулись гигантские клещи новой немецкой западни к востоку от Киева. В военной директиве № 35 от 6 сентября Гитлер приказал восстановить танковые силы группы армий «Центр» Бока. Официально сформулированной целью было решительное наступление против агрессивных сил маршала Тимошенко перед Москвой «в ограниченное время, которое остается до начала зимы». Гитлер дополнил эту амбициозную директиву, которая первоначально должна была претвориться в жизнь в течение двух недель, давлением на финнов для организации нового наступления с целью сковывания максимальных советских сил к северу от Ленинграда. Фюрер, очевидно, надеялся, что финское наступление за реку Свирь на соединение с немецкой группой армий «Север» позволит ему лишить слабую группу Лееба его единственной ударной силы — 4-й танковой группы ради сокрушительного, хотя и запоздавшего наступления в центре.

Как оказалось, но это осталось неизвестным отнюдь не рвавшимся в бой финнам, группа армий «Центр» Лееба в конце концов получила приказ во второй половине сентября направить большую часть своей бронетехники и авиации к Боку. Следствием неспособности Гитлера придерживаться какого-либо последовательного курса достаточно долго, чтобы получить заметные результаты, стало то, что ослабленная немецкая группа армий «Север», как и белая армия Юденича в 1919 году, была вынуждена остановиться на подходах к Ленинграду и понадеяться только на голод и низкую мораль, предоставив им завоевывать великий город.

После падения Киева 19 сентября и захвата, по данным немцев, 665 000 русских пленных с 3700 орудиями торжествующий фюрер назвал этот успех величайшей победой в мировой истории. Своим приближенным фюрер не преминул заметить, что ему пришлось употребить всю свою власть, чтобы ускорить ее. Он также отметил, что, по его наблюдениям, многие успехи берут начало в «ошибках», которые хватает смелости совершить. Опыяненный успехом фюрер сказал, что выбрал бы еще десять лет войны, но не потерю «военных трофеев» на востоке.

Одной из причин неожиданно масштабной победы фюрера одновременно над ОКХ и Красной армией явилось следствие аналогичного, хотя менее удачного, вмешательства со стороны Сталина. Более того, цена, заплаченная за удивительное немецкое тактическое достижение последующими стратегическими неудачами, еще не была очевидной даже для Франца Гальдера и его оскорбленных коллег среди профессиональных пессимистов армейского Генерального штаба. Победителей не судят, и теперь ОКХ имело основания замолчать, поскольку перспектива возобновления давно желанного наступления на Москву наконец стала вполне реальной.

Примером как привычного недоверия к собственной разведке, так и чрезмерной уверенности в вероятности логичной реакции противника стал отданный в конце августа приказ Сталина укрепить южные подходы к Москве за счет сил маршала Буденного на Украине. Таким образом, внезапный переход Гудерианом реки Десны на юге застиг Красную армию врасплох и сделал очевидным успех северного крыла немецкого котла. Когда немецкие клещи должны были вот-вот сомкнуться — это было 11 сентября, — Буденный и его политический комиссар на Украине Н.С. Хрущев попросили разрешения Сталина на отход пяти советских армий, которым угрожало окружение. Сталин и начальник штаба армии генерал Б.М. Шапошников, приписав ситуацию в районе Киева панике, вместо этого заменили 13 сентября Буденного маршалом Тимошенко, ранее командовавшим фронтом, защищавшим Москву. Очевидно, по политическим причинам Сталин так

же сильно не хотел отдавать Киев, как Гитлер — его захватить.

Согласно недавним повествованиям маршала И.К. Баграмяна, непосредственного участника событий, Тимошенко, предположительно с одобрения Хрущева, в конце концов отдал приказ об отступлении советского Юго-Западного фронта. К несчастью, приказ Тимошенко пришел слишком поздно, чтобы спасти подавляющее большинство войск, хотя 37-я армия генерала Андрея Власова сумела вырваться из немецкого котла. Командующему советской 5-й армией повезло меньше. Как он впоследствии объяснил взявшему его в плен генералу Гудериану, отмена Сталиным его приказа об отступлении от 8 сентября сделала гибель его армии неизбежной. О масштабе постигшей русских катастрофы говорит и гибель командующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанта М.П. Кирпоноса, который был убит во время одной из стихийных попыток его армий вырваться из окружения.

Наконец появились первые признаки того, что или Сталин, или его окружение стали учиться на своих ошибках — правда, это произошло, когда около 75% огромных танковых резервов Красной армии было потеряно, и это за три месяца боев! Как бы то ни было, именно Сталин в 1923 году сказал: «Если одна сторона хочет спасти свои армейские кадры и выводит их из-под удара превосходящих сил противника... она отдает без борьбы целые города и районы». Изматывающее напряжение, вызванное поддержанием постоянных атак русских войск вдоль всей линии фронта, стало ослабевать, началась дифференциация между элитными и массовыми формированиями, и советские войска на передовой стали получать первые противотанковые орудия.

Примерно в это же время нацисты стали наглядно демонстрировать свои намерения в отношении восточных народов, что работало на руку русским. Большинство из 2 миллионов советских военнопленных, захваченных осенью 1941 года (более точной считается цифра 3,6 миллиона — по состоянию на конец года), были расстреляны после короткого расследования их положения в советской

военной иерархии. Если же они оказывались совершенно безопасными для нацистской идеологии, то были оставлены умирать от голода, болезней и переохлаждения, ведь зима стремительно приближалась.

Конечно, высокий уровень смертности среди обычных советских военнопленных был, помимо всего прочего, результатом безразличия немецкой армии и отсутствия соответствующей подготовки к приему такого огромного количества пленных. Но и систематические нацистские декреты, призванные терроризировать все население Советского Союза, никоим образом нельзя назвать второстепенными причинами этой катастрофы. Более того, преднамеренное создание условий для распространения голода в захваченных городских районах, уклончивый отказ признать украинские движения независимости, массовый вывоз гражданского населения для принудительных работ в Германии, упразднение непрофессионального обучения старше четвертого класса средней школы, публичные казни случайных гражданских заложников, отказ упразднить или видоизменить ненавистную систему советских колхозов — все это довольно скоро раскрыло населению глаза, и даже самые ярые противники советского режима поняли, как плохо им придется, если нацисты одержат верх. Гитлер быстро дал всем понять, что его крестовый поход против России предпринят вовсе не для освобождения рабов и в случае победы нацистские хозяева не намерены уважать местное население, а будут использовать его только на грязных неквалифицированных работах.

В ноябре энтузиазм украинцев, надеявшихся на освобождение от коммунистов, получил еще один ощутимый удар, когда Гитлер приказал пленных этой национальности больше не освобождать из перегруженных немецких лагерей, хотя 80% первых украинских рабочих в рейхе были добровольцами. Пребывание в заключении этих людей означало почти наверняка смерть для потенциальных «тружеников». Характерно, что Геринг не ходил вокруг да около, когда самодовольно заявил графу Чиано в конце ноября, что «в лагерях для русских пленных они уже едят друг друга. В этом году 20—30 миллионов людей в России умрет от

голода. Возможно, это и хорошо, поскольку некоторые нации должны быть уничтожены».

Нацистские лидеры были исполнены уверенности и самодовольства, считая, что советский мыльный пузырь вот-вот лопнет, что их природное варварство вылезло на свет и расцвело махровым, вселяющим ужас цветком. Но первые плоды неприкрытого нацистского садизма быстро развивались, вызревая в кладбищенской атмосфере немецких имперских мечтаний.

Мы защищаем отечество от империалистов. Мы защищаем, мы завоеваем. <...> От России ничего не осталось, кроме Великой России.

Ленин, начало 1918 г.

Не один Наполеон испытывал то похожее на сновиденье чувство, что страшный размах руки падает бессильно, но все генералы, все участвовавшие и не участвовавшие солдаты французской армии, после всех опытов прежних сражений (где после десятикратных меньших усилий неприятель бежал), испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв половину войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения. Нравственная сила французской, атакующей армии была истощена.

Толстой

Зима придет, как бомба, — вы не можете испытывать слишком большую тревогу, рассматривая текущее состояние армии.

Коленкур Наполеону, октябрь 1812 г.

Я всегда не выносил снег, Борман, вы знаете; я всегда ненавидел его. Теперь я знаю почему. Это было предчувствие.

Гитлер, 19 февраля 1942 г.

Глава 6

ЗИМНИЙ КРИЗИС

25 августа — 31 декабря 1941 г.

Усилившиеся надежды Запада на выживание Советского Союза, по крайней мере до 1942 года, в конце августа привели к возобновлению англо-советского диалога на более благоприятной ноте. Используя в качестве повода немецкие интриги в Персии, угрожающие нефтяным месторождениям этой опоры Ближнего Востока, англичане и русские совместно оккупировали эту мусульманскую стра-

ну, начав операцию 25 августа. Черчилль дал понять и Сталину, и Рузвельту, что самым главным мотивом этой неожиданной британской интервенции было обеспечение безопасного пути с Запада в СССР.

Учитывая огромную протяженность или опасность альтернативных путей в СССР через Владивосток и Мурманск — путей, которые в любое время могли быть перерезаны действиями стран оси, — даже при условии ужасного состояния персидских шоссейных и железных дорог, этот ближневосточный маршрут давал хотя бы какую-то гарантию против неясных перспектив союзников. Как оказалось, после перестройки и расширения персидских коммуникаций американской армией этот маршрут со временем обеспечил объем перевозки эквивалентный запасам примерно для 60 американских дивизий.

Не менее важным, чем проблема безопасной перевозки запасов в СССР, был вопрос выделения части все еще безнадежно недостаточного военного производства Великобритании и США для этой цели. Лишая недовольных британских военных их с трудом завоеванной доли англо-американского производства, 30 августа осторожный премьер частично лишил ветра русофильские паруса лорда Бивербрука, назначив его главой миссии в Москве, которой предстояло обсудить британские предложения о поставках в Советский Союз. Бивербрук был предупрежден, что не должен обескровить Великобританию, независимо от характера отношения Советов к его миссии. А чтобы его кипучий энтузиазм не пробудил ненужные надежды русских, Бивербруку напомнили, что основная часть западных поставок не сможет поступить в СССР раньше конца 1942 года, а то и в начале 1943 года — безрадостная перспектива для государства, стоящего на пороге неминуемого уничтожения.

4 сентября благодарность Сталина за предложенные Черчиллем истребители была доставлена премьеру лично советским послом Майским. Сталин писал, что британских истребителей недостаточно, чтобы спасти Советский Союз от поражения. Учитывая недавнее прибытие от 30 до 34 свежих немецких дивизий, высвобожденных, как заявил

Сталин, ввиду полного отсутствия какой-либо угрозы со стороны Великобритании на западе, Сталин настоятельно требовал немедленного открытия второго фронта во Франции или на Балканах, способного частично оттянуть силы немцев из России. Одновременно Сталин просил обеспечить ежемесячную поставку минимум 400 самолетов, 500 танков и 2500 тонн алюминия начиная с октября, чтобы компенсировать потери 4000 самолетов и 5000 танков с начала кампании.

Майский подкрепил просьбу своего хозяина трогательным рассказом о тяжести момента, но, почувствовав в словах Майского скрытый упрек или даже угрозу, Черчилль разозлился и заговорил о советской поддержке Германии до июня 1941 года. Майский, давно знавший и восхищавшийся британским премьером, поспешил успокоить Черчилля. Тем не менее стало ясно, что первое официальное советское упоминание о втором фронте вернуло англо-советские отношения на прежний уровень взаимного недоверия и контробвинений.

Премьер-министр ответил Сталину сразу. Он объяснил, что нет «никакой возможности каких-либо британских действий на западе, кроме налетов авиации, которые будут оттягивать немецкие силы с востока, пока не наступит зима». Далее Черчилль сообщил, что возвращение англичан на Балканы зависит от помощи Турции, а возможность вторжения во Францию в 1942 году зависит, как и впредь будет утверждать Черчилль, от «непредсказуемых обстоятельств». Британский премьер и его штабисты могли предложить Сталину возможность проведения военных действий Великобританией на земле только в Ливии и Норвегии.

Вероятно, для возникновения и развития большого союза Великобритании, России и Соединенных Штатов Америки было хорошо, что Сталину не довелось услышать выводы британских и американских начальников штабов на Атлантической конференции, состоявшейся пятью неделями раньше. Здесь адмирал сэр Дадли Паунд, первый морской лорд, проинформировал американский Объединенный комитет начальников штабов, что британцы «не предвидят использование больших армий пехоты, как в

1914—1918 годах». Элитных британских бронетанковых сил будет достаточно в качестве катализатора, чтобы поднять народы оккупированной Европы. Хотя и не согласившись с этой британской позицией, американские начальники штабов и сами высказались против любого использования американских войск на Европейском континенте в ближайшем будущем зная, что на этом этапе это непременно приведет к вовлечению в «преждевременные и неуверенные» действия против превосходящих сил противника при неблагоприятных логистических условиях. Русские начали понимать, что в сухопутной войне, даже больше, чем в проблеме поставок, в предстоящем решающем году им придется самим позаботиться о себе.

После предупреждения президента Рузвельта, что Советы снова могут пойти на сепаратные условия с рейхом, Черчилль 5 сентября телеграфировал британскому послу в Москве сэру Стаффорду Криппсу подробное разъяснение причин невозможности действий Британии на другом берегу Канала. Премьер заявил, что британцы не имеют шансов на успешную высадку и закрепление на позициях во Франции из-за тяжелых немецких фортификационных сооружений и вероятного немецкого превосходства в наземных силах над британцами. Однако в объяснении, данном премьером своим начальникам штабов, Черчилль подчеркнул более серьезную проблему — нехватку тоннажа, которая может сделать невозможной любую большую наземную операцию на континенте. Только впоследствии, оглядываясь назад, Черчилль подробно остановился на вопросе нехватки на этом этапе войны десантных кораблей для широкомасштабного вторжения во Францию. Создается впечатление, что в тот период все, за исключением отчаявшихся русских, не понимали того, что Черчилль называл «характером амфибийных операций, необходимых для высадки и обеспечения большой армии на хорошо защищенном вражеском берегу».

Какими бы многообразными ни были объяснения невозможности открытия британцами второго фронта на протяжении последующих тридцати месяцев, одна очень реальная причина британских трудностей заключалась в

том, что миллион человек были приписаны к Королевским военно-воздушным силам и первоочередные приоритеты были отданы производству тяжелых бомбардировщиков. Нравилось это Сталину или нет, но ему пришлось получать помощь британцев главным образом в воздухе, по крайней мере до последних десяти месяцев войны. В Великобритании Уинстона Черчилля больше не рассматривались потери пехоты в масштабах русских или времен Первой мировой войны — ни при каких обстоятельствах.

7 сентября Криппс доложил, что нашел Сталина удрученным, измученным и склонным вернуться к своему прежнему отношению подозрения и недоверия. Сталин заверил, что русские не помышляют о сепаратном мире с Германией, но не стал обещать, что они смогут продолжать активные операции, если будут вынуждены отступить за Волгу, что будет означать потерю двух третей военной промышленности. 13 сентября, когда захлопнулась немецкая ловушка вокруг русских армий на Украине, Сталин снова призвал к переводу 25—30 дивизий на русский фронт через Архангельск или Персию. Как справедливо заметил Черчилль по поводу этой логистической фантазии, «представляется бесполезным спорить с человеком, мыслящим совершенно нереальными категориями». Командиры Красной армии в Киеве и Белостоке уже на себе испытали страшную правдивость этого вывода британского премьера во время трагического периода военного невежества и отчаяния Сталина.

После ожесточенных споров между собой, продлившихся всю вторую половину сентября, правительства Великобритании и Соединенных Штатов договорились совместными усилиями обеспечить поставку в СССР ежемесячно 400 самолетов и 500 танков в течение следующих девяти месяцев. Лорд Бивербрук и господин У. Аверелл Гарриман — представитель Соединенных Штатов — в конце месяца отправились в Россию, чтобы провести переговоры относительно первого российского протокола о военной помощи Советскому Союзу. В рекомендательном письме лорда Бивербрука, направленного Черчиллем Сталину, содержалось следующее объяснение: «Вы понимаете, — пи-

сал британский премьер, — что наша армия в пять или шесть раз меньше, чем ваша или немецкая. Наша первейшая обязанность и необходимость — держать открытыми моря, вторая обязанность — обеспечить решающее превосходство в воздухе. Именно они в первую очередь требуют привлечения максимума людских сил из числа 44 миллионов человек, живущих на Британских островах. Мы не можем и надеяться иметь армию или военную промышленность сравнимую с теми, что могут себе позволить великие континентальные державы».

Последнее утверждение британского премьера определенно не соответствовало действительности во время Первой мировой войны, да и в части производства вооружений во время Второй мировой войны тоже было далеко от истины. Тем не менее Сталин получил еще одно предупреждение: не стоит рассчитывать на то, что британская армия будет проливать кровь, как в 1916—1917 годах, в бесполезных попытках спасти русских. Однако Черчилль еще раньше написал Сталину, что одной из целей британской политики является получение «большого приза» того, что он впоследствии назовет «могущественной» турецкой армией. Черчилль должен был знать, что эта нейтральная армия была достаточно эффективной против англичан в Первой мировой войне, получив немалую пользу от немецкой помощи и командования.

Прибыв 28 сентября в Москву для трехдневных переговоров со Сталиным, Бивербрук и Гарриман убедились в том, что советский диктатор нервничает и пребывает в большом напряжении. В начале беседы Сталин косвенно признал уничтожение большей части советских танковых сил, упомянув о превосходстве немцев в танках над Красной армией 3:1 или 4:1 (если сравнить с фиктивным немецким превосходством 5:4 в начале кампании). Что касается количества дивизий, по словам Сталина, у стран оси их было 320, а у Красной армии — 280. Хотя советское правительство не выказывало интереса к началу стратегических дискуссий с генерал-майором сэром Гастингсом Исмеем, который сопровождал с этой целью лорда Бивербрука, Сталин дал ответ на предложение британцев пере-

бросить часть своего небольшого персидского гарнизона на Кавказ, чтобы освободить советские дивизии для активных операций. Продемонстрировав типичное недоверие старого большевика к британскому присутствию в этом регионе, Сталин коротко ответил, что на Кавказе войны нет, но он всегда может использовать британские части в операциях на Украине. Говорят, на предложенную лордом Бивербруком британскую сменяющую часть в Архангельске советский диктатор ответил сухим замечанием, что, по крайней мере, Черчилль знает, как туда попасть.

Что касается позиции России, Сталин проявил явную заинтересованность в приготовлениях к послевоенному расширению англо-советского альянса, так же как и к условиям возможного мирного договора. Британцы тщательно уклонялись от таких деликатных вопросов, считая их слишком опасными для обсуждения в создавшейся ситуации, и в конце концов получили совет Сталина, заключавшийся в том, что, «если Британская империя уцелеет, она должна стать не только морской, но и сухопутной державой». Неудивительно, что такой несочувствующий наблюдатель, как генерал Исмей, вознегодовал по поводу хулиганства русских, с которым пришлось мириться англичанам.

Энтузиазм лорда Бивербрука, искренне желавшего оказать помощь русским, не уменьшился из-за приема, оказанного им в Москве. Он вернулся в Англию, еще больше исполненный решимостью стать адвокатом советского дела. И в газетах, и в частных беседах лорд Бивербрук доказывал необходимость открытия второго фронта, вопреки желаниям британского правительства и военных. Назвав переход британцев в Персию незначительным, лорд Бивербрук в меморандуме, копию которого показал Гарри Хопкинсу, написал, что всеобъемлющая британская концепция войны стала полностью устаревшей в день, когда Россия подверглась нападению. Далее он писал, что британские начальники штабов хотят заставить страну ждать, пока «к последним гамашам будет пришита последняя пуговица», прежде чем поведут в атаку [очевидно, во Франции]. В заключение Бивербрук сделал вывод, что, не

получив немедленно помощи, Россия может потерпеть поражение.

Что касается американцев, полковник американской армии Филипп Феймонвиль, посланный Гарри Хопкинсом в Москву для проработки вопроса поставки грузов в СССР, также подвергся критике со стороны своих более пессимистично настроенных сослуживцев за постоянные заявления о том, что советская армия переживет зиму. Конечно, это общее заключение Хопкинса и Бивербрука было необходимым условием эффективной программы помощи России. Временами, даже не говоря о советской пропаганде по этому вопросу, трудно утверждать, в какой степени враждебность к коммунистической России как таковой способствовала развитию западного военного пессимизма, — два аспекта западного отношения постоянно были рядом друг с другом.

Не желая показаться нечувствительным к давлению со стороны русских, усиленному поднимающимися требованиями открытия второго фронта в Англии, премьер-министр напряженно искал возможность сделать что-нибудь для России, кроме поставок, но его возможности были слишком ограничены. От рейдов на континент после короткого обсуждения пришлось отказаться — позиция британских начальников штабов была твердой. В середине октября Черчилль даже пожаловался, что его генералы не желают воевать с немцами. Военные советники выступили против и более серьезной операции в норвежском Тронхейме, необходимой для обеспечения безопасности морских конвоев в Россию. Как сказал лорд Бивербрук, континент теперь считается закрытым для посещения британскими военными, полностью лишившимися иллюзий в результате плохо подготовленных высадок, за которыми следовало дорогостоящее и унижительное бегство от одерживавших постоянные победы немцев.

Ожидая в России самого худшего, глава имперского Генерального штаба фельдмаршал сэр Джон Дилл выступал против того, чтобы лишать англичан танков ради русских. Королевским ВВС были остро необходимы самолеты на Дальнем Востоке против растущей японской угрозы, а Ко-

ролевский ВМФ и так несет дополнительную нагрузку — занимается охраной опасных конвоев, направляющихся в советскую Арктику. Американцы проявляли не больше оптимизма в этом вопросе, чем их английские коллеги, и предложили 200 с лишним американских дивизий для замены разбитой Красной армии в начале 1942 года. При таких обстоятельствах Гитлера едва ли можно винить за излишнюю уверенность.

Британский премьер, не сумев подтолкнуть своих военных к действиям, волей-неволей вернулся к переписке со Сталиным. В день, когда был отвергнут его норвежский план, то есть 12 октября, Черчилль повторил в письме предложение Сталину заменить советские дивизии на Кавказе англо-индийскими дивизиями из Персии, освободив красноармейцев для фронта. Вскоре сэр Стаффорд Криппс выдвинет предположение, что британское правительство серьезно просчиталось, отказавшись направить две свои дивизии в Ростов или Мурманск. Однако страх Черчилля их потерять, принесся «символическую жертву», так же как бесспорный факт, что их переброска окажет вредное влияние на и без того перегруженный персидский маршрут в Россию, не позволил ему действовать.

Отказ британцев принести символические жертвы России после того, как это было сделано для Норвегии и Греции, особенно в сочетании с тенденцией Черчилля ставить в вину Сталину его прежние взаимоотношения с Гитлером, заставляет предположить, что британский премьер не был в большом восторге от своего нового союзника. Да и у русских были основания для неприязни. Понимание того, что они в этот ужасный момент оказались в изоляции, вовсе не прибавляло оптимизма.

После задержки, вызванной необходимостью перебросить 2-ю танковую группу Гудериана с Украины, 30 сентября немцы начали наступление на Москву — операцию «Тайфун». Иными словами, она началась значительно позже, чем это планировал даже фюрер, не говоря уже о Верховном командовании армии. Собрав все три танковые группы, включая 3-ю танковую группу из-под Ленинграда, Бок командовал 61 дивизией, из которых 14 были танко-

выми и 7 моторизованными. Но почти все его дивизии были уставшими и неукомплектованными. Гитлер не хотел возмещать войскам в России утраченные материальные средства из небольшого промышленного производства Германии.

Советское командование, не верившее, что немцы начнут наступление на Москву так поздно, снова было захвачено врасплох. 3 октября танки Гудериана ворвались в город Орел, причем настолько стремительно, что по улицам города продолжали ездить легковые автомобили, а заводское оборудование, которое еще только подготовили к отправке на Урал, было захвачено абсолютно невредимым.

Генерал Еременко, командовавший Брянским фронтом юго-западнее Москвы, попросил разрешения вывести три находившиеся под угрозой советские армии, пока они не оказались в ловушке. 5 октября в Ставке разрешения он не получил. На следующий день Брянск пал, и в результате грандиозного удара Гудериана русские лишились большей части 3-й, 13-й и 15-й советских армий. В это же время, к несчастью для немцев, немецкие танкисты впервые встретили высокоманевренные советские танки Т-34, которые в условиях осенней распутицы многократно превосходили немецкие танки. Начались дожди, быстро превратившие плохие русские дороги в обширные болота, непроходимые для любой техники, кроме гусеничной.

10 октября генерал Жуков сменил маршала Тимошенко на посту командующего Западным фронтом. В его распоряжении было не менее 40% советских войск европейской части России. Группа армий Бока успешно организовала еще одну ловушку в районе Вязьмы. Вместе с Брянским котлом она дала немцам более 660 000 советских пленных из семи российских армий, а также 5500 орудий и 1200 танков. И снова поспешные решения Адольфа Гитлера оказались удачными, и даже осторожный Гальдер 8 октября признался, что «при хорошем руководстве и умеренно хорошей погоде мы не можем не достичь успеха в окружении Москвы».

Гитлер, ожидая падения Москвы через две, максимум три недели, 3 октября официально заявил, что Красная

армия повержена и «больше никогда не поднимется». 9 октября это заявление повторило нацистское министерство пропаганды — к большому недовольству его проницательного главы доктора Геббельса. Предыдущие приказы о сокращении размеров немецкой армии и урезании и так недостаточного производства военной продукции были подтверждены, а 7 октября торжествующий фюрер приказал не принимать капитуляцию Москвы и Ленинграда. Следовало всячески поощрять бегство населения из этих городов, чтобы избавить немецких победителей от необходимости впоследствии кормить лишних людей, а также увеличить хаос и неразбериху из-за большого числа беженцев в советском тылу.

Румыны после весьма продолжительной и дорогостоящей осады 16 октября захватили Одессу. Так же как и с другими военно-морскими базами на Черном море, русские благодаря постоянному господству в этих водах сумели сначала бесперебойно снабжать, а потом эвакуировать большинство своих сил из Одессы в Крым, который теперь находился под угрозой. Правда, почти вся техника досталась жадным и плохо оснащенным румынам.

Не только немцы верили, что Москва вот-вот падет. Впрочем, это и неудивительно. Лишь немногие — если таковые были вообще — армии могли продолжать борьбу после потери нескольких миллионов пленных и основной массы техники. Хаос и деморализация, царившие на советском Западном фронте, теперь дошли до Москвы. Зловещие призывы советского правительства по радио 13 и 14 октября, внезапный перевод 15 октября дипломатического корпуса в Куйбышев, информация о подходе немцев 18 октября к Можайску — все это породило в городе панику.

За полумиллионом граждан, которые систематически вывозились из города до этого, последовали правительственные и партийные чиновники, которые, пользуясь любыми подвернувшимися транспортными средствами, уезжали на восток. Повсеместно шли грабежи, в спешке уничтожались официальные документы, а 19 октября даже поступили приказы из Москвы о приостановке деятель-

ности советским разведчикам за границей. В общем, все говорило о том, что русские ожидают падения своей столицы.

Покидал Сталин на короткое время город или нет, точно неизвестно, но объявление 19—20 октября осадного положения, так же как и то, что немецкие танки застряли в грязи в период дождей, позволило несколько улучшить ситуацию в Москве, где вновь воцарилась ставшая уже привычной апатия. Полмиллиона горожан были спешно направлены на строительство оборонительных сооружений в столице; одновременно велось укрепление фортификационных сооружений, построенных в августе и сентябре вокруг Москвы. Два известных коммуниста — генерал Жуков и Георгий Димитров, не являвшиеся поклонниками Сталина, — заявили о его мужестве в период кризиса.

К 7 ноября, когда Сталин принял военный парад на Красной площади и выступил с речью в ознаменование годовщины социалистической революции, советский режим пережил самую страшную угрозу своему политическому господству за всю Вторую мировую войну. Представляется важным, что в другой речи, произнесенной 6 ноября, Сталин говорил о «великом русском народе», который немцы имели «наглость» попытаться уничтожить. В то же время он говорил об обещании неизбежного открытия второго фронта на западе как о форме помощи Красной армии.

Тем не менее в начале ноября, когда трудности будущих операций приближающейся зимы становились все более очевидными, немцы имели причины надеяться на победу над русскими в 1942 году. В ноябре—декабре 1941 года общий объем промышленного производства в районах, находившихся под контролем советского правительства, составлял менее половины от достигнутого в июне 1941 года. 40% населения СССР находилось под властью противника, равно как и две трети советского производства угля и чугуна в чушках, 38% зерновых полей, 41% железнодорожных линий. Из-за прекращения производства, вызванного перемещением заводов на восток, производство стали в СССР снизилось на две трети,

а производство шарикоподшипников, незаменимое для всего машиностроения, составляло 3% нормального уровня. Только за предыдущие два месяца производство боевых самолетов упало, составив всего четверть от объема производства в сентябре. Только в производстве боеприпасов наблюдался рост (в отличие от немецкой армии), хотя этот рост все еще не обеспечивал потребности советских частей на фронтах.

Вряд ли стоит удивляться заявлению Черчилля в конце октября, что из-за потери своего военного производства Россия вскоре будет низведена до уровня «второстепенной военной державы», даже если Москва и Ленинград устоят против немцев. Черчилль, как и Гитлер, полагал, что немецкая армия в ближайшем будущем освободится и направит свои основные силы против англичан на Средиземноморье или Ближний Восток.

В октябре грандиозные победы немцев на подступах к Москве привели к одобрению ОКВ пассивной в основном ситуации на Финском фронте, но 26 октября группа армий «Север» Лееба начала финальное наступление, чтобы соединиться с финнами на реке Свирь за Ладожским озером, тем самым перерезав последний путь снабжения Ленинграда через Ладогу. Без помощи неподвижно стоявших финнов или своих танков; теперь занятых в операции против Москвы с севера, наступление Лееба остановилось в Тихвине в самом начале ноября. До места встречи с самым северным скандинавским союзником Германии оставалось еще более 100 километров. Но эта неудачная операция принесла рейху неожиданные дополнительные преимущества, приведя к новой стычке между англичанами и русскими.

8 ноября, отвечая на послание Черчилля, искавшего альтернативу британскому объявлению войны Финляндии и другим континентальным союзникам Германии, Сталин с горечью назвал бездействие Британии «нетерпимой» публичной демонстрацией отсутствия единства в рядах союзников. Черчилль поступил мудро и не стал немедленно отвечать на этот яростный крик Советов. Не сделали англичане попытки и помочь полякам, когда эти неудачливые

союзники в середине сентября обнаружили, что большинство их плененных офицеров, раньше бывших в Советском Союзе, уже давно исчезли без следа.

Одновременно с возобновлением немецкого наступления на Москву поступили фантастические приказы Гитлера развить киевский успех на Украине, продвинувшись до зимы более чем на 600 километров на юго-восток к линии Сталинград—Майкоп. Фюрер, чтобы обеспечить гарнизоны для столь обширных территорий, с радостью принял добровольное предложение еще шести дивизий от Муссолини, дивизий, которые, по замыслу фюрера, должны быть со временем использованы на новом итальянском жизненном пространстве Закавказья — в теплых регионах Грузии и Армении.

После захвата в конце октября Харькова и Донбасса Гитлер поручил еще одно наступление группе армий Рундштедта, а именно прорваться через Перекопский перешеек и занять Крымский полуостров. Танковый генерал Эрих фон Манштейн, теперь назначенный командующим 11-й (пехотной) армией в этой идеальной для танков стране, сумел в начале ноября сокрушить довольно слабые укрепления на перешейке и захватить большую часть Крыма, пленив 100 000 военных из советской 51-й армии. Однако в это время Манштейну не хватило резервов, чтобы взять фанатично защищаемую русскими военно-морскую базу Севастополь. Вследствие этого немецкая 11-я армия еще долго была привязана к любимому Гитлером авианосцу (Крыму) и не имела возможности реализовать чрезмерные амбиции Гитлера дальше на восток. По крайней мере, тогда Гитлеру пришлось все-таки осознать, что захват нефтяных месторождений Кавказа придется отложить до весны 1942 года.

С недоверием рассмотрев приказ Гитлера о начале продвижения к Волге и Кавказу еще осенью 1941 года, Рундштедт 9 ноября выступил за общее прекращение наступления немецких армий в России, включая группу армий Бока. Поскольку это предложение было отвергнуто даже ОКХ, 21 ноября Рундштедт с неохотой направил свои танковые и мотопехотные части вперед к Ростову — во-

ротам Кавказа, чтобы уничтожить важные мосты через Дон.

К сожалению, вынужденный держаться на этой непригодной для обороны позиции и из-за приказов Гитлера, и благодаря пропаганде Гиббельса, Рундштедт не смог отдать распоряжение своим танкам отойти на зиму на предварительно подготовленные оборонительные позиции на реке Миус. У Рундштедта было больное сердце; его состояние здоровья ухудшилось, и 30 ноября он подал в отставку. Фюрер ее немедленно принял. Но его преемник, убежденный нацист фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау, все равно получил разрешение отвести III танковый корпус к реке Миус, только на день позже. Маршал Тимошенко взял Ростов в конце ноября — это было первое большое успешное советское наступление с начала войны и являлось угрожающим знаком для измученной немецкой армии, готовившейся встретиться с суровой русской зимой.

К началу ноября приход морозов в Москве, так же как и сильная усталость немецких сил на подступах к русской столице, заставил немецких штабистов серьезно пересмотреть свои взгляды на будущее наступление. Граф Чиано получил информацию о том, что немецкая армия в России до крайности изнурена в результате недалековидного руководства Гитлера, и сам фюрер 9 ноября признал, и это было совершенно необычно для него, что признание невозможности уничтожения друг друга Германией и Россией приведет к миру на основе компромисса. На следующий день командующий армией фельдмаршал фон Браухич перенес сердечный приступ, но продолжал соглашаться с Гальдером и Боком, что сопротивлению русских вот-вот придет конец.

13 ноября на совещании с начальниками штабов трех немецких групп армий в Орше Гальдер убедил сомневающихся военных в необходимости возобновления наступления на Москву, подчеркнув особую опасность промедления для группы армий «Центр» из-за ожидающегося прибытия свежего сибирского пополнения в советскую столицу. Армии Бока, тронувшиеся по наконец замерзшим дорогам неукомплектованные и не имеющие зимней одеж-

ды, имели весьма амбициозную первоначальную цель — повреждение железных дорог, ведущих в Москву с востока. Через два дня, при отрицательных температурах, немцы столкнулись с сибирским пополнением Жукова, и по предложению фельдмаршала фон Клюге командование армии было вынуждено изменить свои нереальные планы перерезать московские железные дороги к востоку от города.

Теперь уставшим солдатам группы армий «Центр» предстояло всего лишь пробиться в советскую столицу, но сделать это в любом случае до зимы. Фюрер утешился в своем разочаровании, приказав немедленно после взятия Москвы взорвать Кремль, что будет символизировать падение большевизма.

Хотя к 19 ноября Гитлер согласился отложить операции за Москвой и Ростовом до весны 1942 года, исходя из известной аналогии битвы при Марне, 22 ноября фельдмаршал фон Бок убедил своих подчиненных предпринять еще одну попытку взять советскую столицу. На следующий день сам Гудериан не сумел повлиять на ОКХ с тем, чтобы остановить атаку, очевидно, из-за прямого давления Гитлера. Подавленный грузом ответственности, имея паникующие войска и самые дурные предчувствия, Гудериан получил приказ продолжить наступление, обойдя исторический центр оружейников Тулу, навстречу свежим силам прекрасно обмундированных сибиряков. И наверное, не стоит жалеть, что, находясь в своем передовом штабе в Красной Поляне, Гудериан не знал, что Туле уже приходилось спасать Москву и от татар, и от белых генералов.

Хотя Красная армия в европейской части Советского Союза уменьшилась до 2 миллионов часто необученных и деморализованных людей, а танков в распоряжении Западного фронта оставалось не более семи сотен, с одобрения Ставки 30 ноября генерал Жуков представил Сталину план советского контрнаступления перед самыми воротами Москвы. Несмотря на необычное немецкое численное превосходство и в танках, и в артиллерии, сильное истощение вермахта, неприспособленность немецкой техники к функционированию в зимних условиях, огромные логистические преимущества русских (Московская железная

дорога функционировала исправно), а также частичное восстановление превосходства русских в воздухе (из-за морозной погоды и отвлечения части сил люфтваффе на Средиземноморье) — все это давало Красной армии исключительные возможности для нанесения удара.

Только когда немецкая артиллерия подошла вплотную к Москве, Сталин неохотно согласился на план наступления, разработанный Ставкой, и, памятуя о прошлых ошибках, на этот раз ограничил свое вмешательство принятием предложения военных. Немецким пехотным дивизиям, уменьшившимся почти наполовину, должны были противостоять 20 советских пехотных дивизий, постоянно прибывающих в Москву из районов Дальнего Востока и Центральной Азии. Спасением России, кроме зимы и рельефа местности, стала фатальная инертность японцев на Амуре. Если бы сибирские дивизии прибыли на запад раньше, в период полного и разрушительного сталинского контроля советской стратегии, эти прекрасные военные части тоже были бы уничтожены тогда еще очень сильной немецкой армией.

К 1 декабря даже сторонник решительного наступления на Москву фельдмаршал фон Бок доложил в вышестоящие инстанции, что представляется возможным лишь незначительное продвижение вперед. Еще через два дня финальный удар немецкой 4-й танковой армии в 10 километрах от северо-западных окраин Москвы был остановлен советскими танками и отрядами ополчения, при этом резервы, концентрируемые для будущего советского контрнаступления, опасности не подвергались. В условиях сильного похолодания (температура упала до 30 градусов ниже нуля) 5 декабря войска Калининского фронта генерала И.С. Конева нанесли удар по немецким частям к северу от Москвы. А 6 декабря войска Западного фронта Г.К. Жукова ударили по уже отступающей 2-й танковой армии Гудериана к югу от советской столицы. Русским помогла внезапность, так же как и то, что немногие немецкие танки, пережившие осеннюю распутицу, теперь замерзли. Мощный удар русских вызвал новую волну споров в рядах немецкого Верховного командования.

Гальдер, Йодль и даже Кейтель с большим опозданием все же признали, что наилучшим тактическим решением в России была бы остановка и отступление на более пригодные для обороны позиции. Однако первой реакцией Гитлера было назвать своего самого преданного подхалима Кейтеля идиотом и отказаться признать необходимость отдыха и восстановления немецкой армии в России до начала следующего наступления. Не далее как 7 декабря совершенно отчаявшийся Гальдер записал в своем дневнике, что Браухич превращен в мальчика на побегушках, а Гитлер общается непосредственно с командующими группами армий через его голову. Йодль, хотя и расстроенный слухами о возможности своей замены, как обычно, успешно выполнил миротворческую миссию и даже сумел успокоить Кейтеля, всерьез помышлявшего о самоубийстве.

8 декабря в военной директиве № 39 Гитлер признал, в свою очередь, что зашел слишком далеко. Фюрер обвинил «удивительно раннюю» зиму и признал необходимость перехода к обороне вдоль всей линии фронта. Необходимо только захватить Севастополь в Крыму. Обоснованием для этого шага, однако, было получение возможности укомплектовать уменьшившиеся танковые и пехотные дивизии пополнением из рейха, Франции и Балкан. В это время уже сделанный козлом отпущения за неудачи в России фельдмаршал фон Браухич подал в отставку ввиду ухудшившегося состояния здоровья.

Признание фюрером необходимости остановки вдоль всей линии фронта в России подоспело как раз вовремя, поскольку 9 декабря русские нанесли внезапный и сильный удар по незащищенному немецкому выступу в Тихвине, на Ладожском озере, и вскоре вся немецкая северная группа армий была вынуждена отступить на позиции вдоль реки Волхова. Больше она не могла полностью перекрывать пути подвоза, проходившие по льду Ладожского озера в голодающий Ленинград. К 16 декабря мощные атаки русских по немецким клещам севернее и южнее Москвы дали первые существенные результаты. Гитлер злобно отметил, что как раз потому, что русские осуществили несколько глубоких проникновений в немецкие

позиции, было бы «фантастикой» думать о создании позиций в тылу.

Наконец, сытый по горло тем, что Гитлер отдает приказы командующим группами армий в России в обход его, Браухич 17 декабря подал прошение об отставке. Даже признавая огромную политическую необходимость в козле отпущения, учитывая надвигающуюся катастрофу в России, Гитлер принял отставку 19 декабря. После некоторых колебаний относительно замены Браухича фюрер принял решение выбрать себя на роль полководца, военачальника, тем самым доведя до катастрофического завершения фатальный процесс, начатый еще Веймарской конституцией, понижения Верховного командования армии до уровня практического бессилия.

Никоим образом не заботясь о военных последствиях назначения любителя с политическим складом ума главой вооруженных сил одного для трех родов войск, Гитлер объяснил сомневавшемуся Гальдеру, что такие «пустяки», как оперативное командование армией, является задачей, которую способен выполнить кто угодно. Однако Гальдер после длительных размышлений решил еще некоторое время потянуть на должности начальника штаба в надежде максимально ограничить ущерб. Самой важной функцией Верховного главнокомандующего армией, по мнению Гитлера, являлось обучение армии в духе национал-социализма. Поскольку Гитлер не знал ни одного генерала, который мог бы взять на себя этот важнейший аспект оперативного командования, ему пришлось заниматься этим лично. При таких обстоятельствах неудивительно, что генерал-лейтенант Хойзингер, руководитель оперативного отдела ОКХ, вскоре стал жаловаться на то, что хаос в Верховном командовании усиливается ежеминутно.

На следующий день, 20 декабря, пока нацисты публично призывали собирать зимнюю одежду для армии в России, генерал Гудериан посетил Гитлера в его угрюмом штабе, метко названном «Волчье логово», в Растенбурге (Восточная Пруссия). Он хотел сделать очередную попытку убедить фюрера в том, что армия в России чрезвычайно устала и подвергается серьезным опасностям.

Гитлер заверил своего танкового генерала, что хорошо знает и глубоко впечатлен страданиями своих солдат на фронте. «Поверьте мне, все видится яснее, когда смотришь с большого расстояния», — сказал фюрер.

Все, чего добился Гудериан, предложив Гитлеру заменить его штаб людьми, имевшими опыт полевых операций и знающими условия России, — ярость фюрера. Названный фюрером трусом за безрассудную храбрость, Гудериан через неделю был смещен с поста командующего 2-й танковой армией в результате нового отступления без разрешения завистливого вышестоящего командира фельдмаршала фон Клюге. Так создатель германского танкового рода войск, которого, как писал Вальтер Герлиц, русские боялись больше, чем любого другого танкового командира, вернулся в рейх дискредитированный и бессильный жертвой первого германского поражения на земле во Второй мировой войне.

После принятия отставки по состоянию здоровья командующего группой армий «Центр» фельдмаршала фон Бока 20 декабря Гитлер отдал приказ всей группе армий, разбросанной по обширной местности перед Москвой. Центральная группа не должна отступить ни на шаг. Каждый человек должен сражаться там, где он стоит. Как Рейхенау на Украине, новому командиру — фельдмаршалу фон Клюге — вскоре все равно пришлось отступить, но Клюге подставил еще одного из своих подчиненных — танкового генерала Эриха Гепнера — под увольнение из армии за неподчинение приказу фюрера. Пожалуй, только Гальдер понимал, что войска просто не могут продержаться при температуре 30 градусов ниже нуля. В следующем месяце он записал в своем дневнике, что «такое командование приведет к уничтожению армии».

Отношение военных к приказам Гитлера, отданным армии в России, занимать самые передовые позиции любой ценой было неоднозначным. Сам фюрер утверждал, что «генералы должны быть жесткими, безжалостными людьми... такими, как имеются у меня в партии. Это солдаты, которые умеют навязывать свою волю». Генерал Курт фон Типпельскирх заявил, что приказ Гитлера удерживать рус-

ские города, даже оказавшись в советском окружении, был «великим достижением фюрера. В критический момент войска помнили, что они слышали об отступлении Наполеона из Москвы, и жили под тенью этого воспоминания. Если бы началось отступление, оно превратилось бы в паническое бегство».

Противоположным было мнение Рундштедта. Он считал, что «именно решение Гитлера об оказании жесткого сопротивления стало главной угрозой. Она бы не возникла, если бы он позволил временно вывести войска». По этому поводу сам Типпельскирх признавал, что такая политика зимой «разрушила люфтваффе». Самолеты в злобном ожидании Сталинграда использовались для переброски припасов окруженным частям, находящимся в ужасающих условиях. Более того, жесткая политика Гитлера «ни шагу назад» оказалась весьма дорогостоящей в плане потерь, даже если занятые города удавалось удерживать. Гитлер убедил себя, что его судьбоносное заимствование советской политики не допускать отступления, как раз когда Сталин был близок к отказу от нее, было подтверждено выживанием немецкой армии в первую ужасную зиму в России.

Напомним, что приказ Гитлера от 8 декабря остановить наступление в России исключал осажденную советскую военно-морскую базу Севастополь в Крыму. Поэтому, несмотря на отступление немецкой армии в Центральной России, 17 декабря, на три недели раньше графика, 11-я немецкая армия начала наступление на Севастополь. Ставка приказала перебросить в Севастополь морем новые резервы с Кавказа, и в конце декабря за этой временной мерой последовала высадка двух целых армий в слабых местах на Керченском полуострове, чтобы отвлечь внимание немцев от Севастополя. Хотя небольшая 11-я армия Манштейна, с немалыми трудностями, сумела отрезать эти армии на Керченском полуострове, советские амфибийные операции все же ослабили немецкие атаки на Севастополь, и к концу декабря Манштейн, будучи реалистом, признал невозможность захвата исторической русской крепости, по крайней мере в тот момент.

Прибытие более 20 сибирских дивизий для участия в зимнем контрнаступлении русских стало возможным, когда советское правительство осознало, что, несмотря на концентрацию японских войск в Маньчжурии, действительные устремления японцев направлены в другую сторону. Имея полную и достоверную информацию из Токио от своего великолепного агента Рихарда Зорге, советское правительство почти наполовину сократило свои войска в Дальневосточном регионе в период между мартом 1941 года — весной 1942 года, когда ожидалось нападение японцев после завершения амбициозных проектов Токио на Тихом океане. К моменту провала и ареста Зорге в октябре 1941 года советское правительство уже было убеждено в том, что японцы недовольны ходом немецкой кампании в России.

В действительности в начале октября генерал Хидеки Тойо, которому предстояло вскоре стать японским премьером, уже проинформировал немцев о том, что операция «Барбаросса» была ошибкой, и предложил перенаправить наступление немцев с России на предпочтительную для японцев цель — Британскую империю. В середине ноября японцы были предупреждены немецким военным атташе в Токио не рассчитывать на успех «Барбароссы». В свою очередь, немецкий атташе был вынужден ответить на настойчивые вопросы японских военных относительно вероятности немецкой вооруженной поддержки в случае японо-американской войны. Японцы получили 29 ноября утвердительный ответ министра иностранных дел Риббентропа относительно полной немецкой вооруженной поддержки в случае войны с Америкой, хотя одновременно Риббентроп признал, что немецкая кампания в России, может быть, еще не завершится в 1942 году. На следующий день Токио предупредил Берлин, что разрыв с Соединенными Штатами неизбежен, и добавил к этой мрачной перспективе обещание встретить любую, теперь в высшей степени маловероятную, советскую атаку полноценным сопротивлением. Тот факт, что намерения японцев в отношении России на Дальнем Востоке оставались исключительно оборонительными, снова был доведен до немцев 6 дека-

бря, когда Токио объяснил, что не станет даже захватывать советские суда, везущие американские поставки по ленд-лизу во Владивосток.

Несмотря на многочисленные японские предупреждения, которые в любом случае стимулировались глупыми обещаниями немцев об официальной поддержке против Соединенных Штатов, нападение японцев на Пёрл-Харбор 7 декабря вызвало в Берлине шок. То ли из-за давно назревавшего возмущения, то ли от облегчения, вызванного получением союзника на Тихом океане, который сможет отвлечь американцев из Атлантики, 11 декабря Гитлер согласился на непрекращающиеся требования японцев об объявлении немцами войны Соединенным Штатам. В тот же день Вашингтон узнал, что у русских нет намерений совершать подобную неосмотрительность и ввязываться в не являющуюся необходимой наступательную войну против мирной и удаленной невоюющей стороны. Осторожный Сталин, во всяком случае пока война с Германией не будет выиграна, не собирался усугублять и без того тяжелейшее положение России. Гитлеру было бы лучше последовать совету проницательного грузина.

Решив напасть на Соединенные Штаты вместо России, как отметил Уинстон Черчилль, «Япония упустила лучший шанс реализовать свои мечты». East Wind Rain («Восточный ветер, дождь») — основной японский план войны против Соединенных Штатов пришел на смену North Wind Rain («Северный ветер, дождь») — японскому плану войны против Советского Союза. В свое время фундаментальная ошибка стран оси во Второй мировой войне, воплощенная в East Wind Rain, приведет к появлению Rainbow № 5 («Радуга»), американскому плану военного вмешательства в Европе, независимо от планов японцев на будущее.

Ни один ведущий государственный деятель не должен выражать недовольство теми, кто ставит далекоидущие цели, которые могут превышать существующие на данном этапе возможности... Нужно всегда стремиться к невозможному.

Густав Штреземан, январь 1916 г.

Если, наоборот, мой план предусматривает предварительное отступление, если план ясен вышестоящим командирам... если их уверенность не основывается на предрасудке, что необходимо всегда атаковать первым, — тогда у меня есть все шансы восстановить темп и выиграть.

Троцкий

Многие умные англичане говорят: «Мы ведем эту войну с помощью блефа, и это единственный способ, каким мы можем ее вести.

Гитлер, 1 августа 1941 г.

Вы должны знать, что моя совесть — хорошая девочка, с которой я всегда могу договориться.

Черчилль де Голлю, 7 августа 1942 г.

Глава 7

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

1 января — 19 августа 1942 г.

После неожиданного нападения японцев на Пёрл-Харбор Адольф Гитлер оказался перед выбором: что делать. Он мог сконцентрировать все свои силы для уничтожения Советского Союза или, как подсказывали некоторые его военные советники, приостановить наступательные операции на востоке, чтобы создать более адекватную оборону против Великобритании и Соединенных Штатов на западе и в Средиземноморье. В это же время Риббентроп, очевидно, внес первое из многих последующих предложе-

ний о начале мирных переговоров с Советским Союзом. Так же как Геринг, Редер и японцы, Риббентроп всегда был сторонником войны Германии против Запада.

Несмотря на точную информацию от Соединенных Штатов относительно намерений американцев сосредоточиться на войне с Германией, а не с Японией, после некоторых колебаний Гитлер решил остаться преданным своему крестовому походу против большевизма. Представляется вероятным, что, несмотря на растущее беспокойство относительно высадки союзников в Норвегии, Гитлер предпочел положиться на заверения, изложенные в меморандуме ОКВ от 14 декабря 1941 года. В нем было сказано, что у рейха есть еще по крайней мере год, чтобы справиться с Россией, пока западные союзники смогут организовать серьезную атаку с Атлантики или Средиземноморья. Также возможно, что фюрер верил и, как Риббентроп, не терял надежду на то, что Япония все же нападет на Советский Союз в мае 1942 года, то есть после завоевания Юго-Восточной Азии. Более того, приостановить войну в России, не нанеся решающего поражения Красной армии, для рейха было практически невозможно, сколько бы гроссадмирал Редер ни утверждал обратное.

Кратковременному флирту Гитлера со Средиземноморьем вовсе не способствовала демонстрация советской уверенности после первого же большого отступления немцев в России. Гордость фюрера была серьезно задета, и, когда 15 января он наконец признал необходимость ширококомаштабного отступления группы армий «Центр», он настоял на том, чтобы усталые и замерзшие солдаты вели его «в форме, достойной немецкой армии». Несомненно, достоинство со стороны отступающей немецкой армии было в высшей степени желательно, особенно в то время, как сам фюрер признался, что чувствует себя абсолютно выбитым из колеи зимними несчастьями и испытывает отчаяние, рассматривая шансы на выживание своих солдат. Поскольку потери немецких танков в октябре—декабре 1941 года в пять раз превысили соответствующие потери в июне—сентябре, решение Гитлера было неизбежным в любом случае. В России практически не осталось немецких танков, при-

годных к дальнейшей эксплуатации, да и численность пехоты изрядно уменьшилась.

В это же самое время фельдмаршал Вильгельм Риттер фон Лееб, командовавший группой армий «Север», подал в отставку из-за отказа Гитлера позволить немецкому X армейскому корпусу отступить, чтобы не попасть в окружение в районе Демянска, к югу от озера Ильмень. Более того, вместе с еще несколькими командирами, действовавшими в России, Лееб выступил за общее отступление в Польшу. Это стратегическое стремление было в значительной степени усилено неприятием Леебом ужасов нацистской политики на оккупированных территориях России. Учитывая катастрофический кризис транспортной системы, с которым столкнулись отступающие немцы, нужны были более решительные действия, чем запрет распространения пророческих воспоминаний Коленкура о распаде наполеоновской армии в России зимой 1812 года.

23 января 1942 года Гитлер с большим опозданием согласился с необходимостью удвоить объем производства танков в Германии (существующий объем — 300 единиц в месяц — никоим образом не мог удовлетворить потребности). Также следовало начать выпуск новых моделей, таких как «Тигр», которые могли составить достойную конкуренцию советским Т-34 и КВ. Производство танков в Германии за предыдущие шесть месяцев не увеличивалось, даже учитывая наличие весомого преимущества — временной дезорганизации советской военной промышленности. Кстати, русские, несмотря на трудности, выпускали в два-три раза больше танков, чем немцы (не говоря уже об общем объеме производства танков союзников, который превысил производство в рейхе более чем в пять раз). Поэтому новая немецкая программа производства, принятая при Альберте Шпеере весной 1942 года, была остро необходима, хотя, конечно, безнадежно опоздала.

Немецкое танковое производство тем не менее, несмотря на высокие приоритеты, существенно не увеличилось вплоть до конца 1942 года. Это стало катастрофой для немецкой армии, усугубленной недостаточным производством истребителей для люфтваффе. Из всех категорий

вооружений, жизненно важных для военной кампании на востоке, единственное, что стоит отметить, — это удвоение выпуска артиллерийских снарядов. Это достижение, по крайней мере, позволило немецкой армии уверенно чувствовать себя в обороне, хотя ее наступательные возможности оставались недостаточными в следующем решающем году. Также мешала острая нехватка нефтепродуктов, которая уже нанесла ущерб операциям немецкого и итальянского флотов. Ее грозило усугубить практически полное прекращение румынских поставок нефти.

В конце января Гитлер оказался перед лицом нового кризиса, когда русские прорвались через позиции немцев на реке Донец южнее Харькова. Угроза нависла над Донбассом, продукцию которого нацисты в любом случае практически уничтожили посредством политики искусственно создаваемого голода. Когда месяцем позже части 16-й немецкой армии были окружены в Демянске, к югу от озера Ильмень, их снабжение осуществляла исключительно авиация до тех пор, пока они не были освобождены уже весной.

К концу марта 1942 года частые оттепели вместе с острой нехваткой у русских грузовиков, танков, самолетов и даже продовольствия позволили немцам закрепиться вдоль всего фронта, хотя и слишком далеко от Москвы, чтобы ей угрожать неминуемым захватом. Несмотря на многочисленные случаи обморожения, потери немцев после перехода к оборонительным военным действиям стали уменьшаться и к февралю 1942 года составляли 258 000 человек убитыми или пропавшими без вести, считая с начала военной кампании в июне 1941 года. Такие потери были вполне допустимыми для армии в 3,2 миллиона человек, участвовавшей в Восточной кампании, не считая миллиона немецких солдат, находившихся в других местах, особенно если сравнить с потерями Красной армии к этому времени. Число только советских военнопленных к этому времени превысило 4 миллиона человек.

Относительно миллиона уцелевших после плохого обращения нацистов советских военнопленных более интеллигентные немцы имели другие планы. Растущая нехватка

рабочих рук в Германии в феврале 1942 года привела к открытым протестам некоторых немецких официальных лиц против политики быстрого уничтожения миллионов потенциальных рабочих. Даже нацистский министр пропаганды Геббельс вскоре понял, что большевики используют варварство нацистов, чтобы воспрепятствовать дезертирству из рядов советской армии. Даже удивительно, насколько снизилось в 1942 году количество советских пленных, и это несмотря на еще одно лето быстрых отступлений.

Британская военная миссия в Москве в феврале 1942 года отметила высокий моральный дух советской армии. А Сталин все еще ожидал или говорил, что ожидает, атаки японцев на Советский Союз, причем до наступления весны. Что касается немцев, советский диктатор предвидел весной новое нападение с большим превосходством в танках. Оказавшись между двух огней — с одной стороны — пессимистично настроенный начальник имперского Генерального штаба генерал сэра Алан Брук, считавший, что не следует посылать так много танков и самолетов русским, с другой — лорд Бивербрук, требовавший немедленного открытия второго фронта, — Черчилль попытался найти компромисс, подтвердив обещанные объемы поставок в Россию. По его словам, выполнение этих обещаний — единственная имеющаяся в настоящее время возможность Запада вплести «мощные усилия русских в общую ткань войны». То, что эта всеобщая война останется британским замыслом, видно из одновременной данной им директивы не создавать «большую американскую армию численностью 10 миллионов» для последующего использования на Европейском континенте. В 1942 году, по мнению мистера Черчилля, значительно меньшего количества британской и американской пехоты будет достаточно для ведения ограниченной сухопутной войны, о которой он мыслил в будущем.

В январе и феврале, еще до остановки советского зимнего наступления, Гитлер вернулся к своему замыслу, возникшему осенью 1941 года, немецкой кампании на Кавказе. И его исключительно физическая тяга к атаке, несмотря на постоянные предостережения Гальдера о со-

ветском превосходстве в танках, и растущая нехватка топлива в странах оси заставили фюрера возобновить наступления, правда, со значительным опозданием, вследствие тяжелых потерь в зимние месяцы. Директивой ОКХ от 12 февраля были сформулированы планы переоснащения немецких танковых частей, в которых в тот момент имелось всего 140 годных к эксплуатации танков на весь Восточный фронт. Группам армий «Центр» и «Север» предстояло лишиться почти всех своих танков, передав их группе армий «Юг». Кроме того, к началу мая на фронт должно было прибыть пополнение — полмиллиона немецких пехотинцев. Фельдмаршал Кейтель приказал распространить дезинформацию о предполагаемом возобновлении немецкого наступления на Москву, чтобы ввести в заблуждение советское Верховное командование, которое, по убеждению ОКХ, намеревалось опередить ожидаемую немецкую операцию на юге, нанеся собственный упреждающий удар.

Поскольку это было достаточно логичное действие немцев, по мнению многих критиков, намного более разумное, чем преждевременное наступление на юге, до решающего разгрома Красной армии такая дезинформация обязана была обмануть русских, для которых защита своей столицы была жизненно важной. В любом случае и люфтваффе, и танки были слишком слабыми, чтобы поддерживать более чем одно наступление в ограниченном секторе Восточного фронта в течение длительного времени. К тому же успешная кампания на Кавказе могла ускорить вступление Турции и Японии в войну против Советского Союза.

14 марта, чтобы помешать доставке грузов союзников в Мурманск, Гитлер приказал укрепить и наступательные, и оборонительные позиции немцев в Норвегии. Последствия этого приказа испытают на себе конвои союзников будущим летом. А 23 марта в военной директиве № 40 Гитлер распорядился создать объединенное командование в Западной Европе для противодействия любым высадкам союзников во Франции или странах Бенилюкса. Чтобы возглавить эту новую организацию, на активную службу был возвращен фельдмаршал фон Рундштедт.

Наконец, 5 апреля в военной директиве № 41, беспорядочно переписанной лично Гитлером, фюрер изложил оперативные планы Восточной кампании на 1942 год. Получивший кодовое название операции «Блау» оперативный план предусматривал мощный немецкий удар на юге России с целью уничтожить противодействующие советские войска и выйти к реке Дону. Далее немцы собирались прорваться на Кавказ и захватить нефтяные месторождения. Хотя на этой стадии Сталинград оставался всего лишь названием на карте для немецких штабистов, приказы Гитлера предусматривали выход к этому городу и, если будет возможно, его уничтожение как крупного центра коммуникаций и военного производства. При высвобождении дополнительных сил немцев следовало также добиться полного окружения Ленинграда посредством соединения с финнами (операция «Нордлихт»). А пока, и немцы это знали, голодная смерть более миллиона ленинградцев только за предыдущие четыре месяца, эвакуация еще полумиллиона жителей города и полное прекращение промышленного производства отвечали целям Гитлера.

Для подготовки к операции «Блау» весь фронт на юге должен был быть укреплен. Следовало срочно ликвидировать зимние прорывы русских через Донец и в Крыму. Затем 11-й армии Манштейна предстояло завершить взятие Севастополя — весьма проблематичное действие, которое вызовет задержку начала операции «Блау». К великому недовольству генерала Гальдера, более 20 новых итальянских, румынских и венгерских дивизий, организованных в четыре армии, должны были отправиться охранять растянутый левый фланг немцев вдоль реки Дона. Они стали частью новой группы армий «Б». Менее зависимой от не слишком надежных дивизий союзников Германии (кроме финнов) была группа армий «А» под командованием фельдмаршала Вильгельма Листа. Эта группа состояла из 1-й немецкой танковой армии, 11-й и 17-й пехотных армий, а также 4-й румынской армии. Именно группа армий «А» должна была нанести главный удар, пересечь Дон в низовье и занять Кавказ в 1942 году.

Когда 8 мая началось наступление войск Манштейна на Керченском полуострове, немецкое Верховное командование снова начали одолевать невеселые мысли о возрождении сил русских. Генерал Йодль 10 мая высказал свои опасения, что русские нанесут удар на севере по немецким армиям, теперь лишенным танков и пехотного пополнения, ради предполагаемого наступления на юге. Спустя два дня Гальдер сообщил, что, если немецкая танковая мощь в России к июлю 1942 года и будет доведена до 3300 единиц, то есть до уровня июня 1941 года, недостаточное количество и слабая подготовка новых пехотинцев, малочисленность техники и лошадей, потерянных зимой, и недостаточное производство боеприпасов не позволят вести длительное или трудное наступление в 1942 году. С другой стороны, как по численности, так и по боевому оснащению Красная армия находилась на самом низком уровне за всю Вторую мировую войну. Гитлер мог подозревать, что, если немцы не сумеют разгромить ослабленного противника в 1942 году, скорее всего, второго шанса у них не будет.

Устав от сомнений и внутренней борьбы, Гитлер пришел в ярость и отверг данные Гальдера о численности и танковой мощи советской армии. Гальдер еще не упомянул о советских военно-воздушных силах, численное превосходство которых над истребителями люфтваффе, используемыми в России, уже стало заметным. К счастью для начальных этапов операции «Блау», основная масса самолетов противника находилась на севере в ожидании возобновления немецкого наступления на Москву.

Быстрый успех Манштейна, к 18 мая одержавшего убедительную победу над неудачно расположенными советскими силами на Керченском полуострове, развеяли сомнения ОКХ и ОКВ. Более 170 тысяч советских солдат и много боевой техники из 44-й и 51-й советских армий было захвачено семью немецкими и румынскими дивизиями Манштейна. Более того, сам Манштейн поддержал решение Гитлера и ОКХ (направить его на затяжную осаду Севастополя вместо раннего начала операции «Блау») на том основании, что иначе половина его 11-й армии в

любом случае останется в Крыму, чтобы сдерживать гарнизон крупной российской военно-морской базы. Но только цена за Севастополь, выраженная в теплой погоде для основной операции — «Блау», оказалась достаточно высокой. То же самое можно было сказать о Балканской кампании Гитлера и ее влиянии на начало операции «Барбаросса».

В мае 1942 года еще один фактор воспрепятствовал раннему началу операции «Блау» — неудачная попытка советской армии окружить и захватить важный для немцев базовый склад и логистический центр — Харьков. Советское наступление, начатое 12 мая силами 40 дивизий, под командованием маршала Тимошенко, было предвидено генералом Гальдером и немецким главнокомандующим на Украине, бывшим командующим группой армий «Центр» фельдмаршалом Федором фон Боком. Поэтому первое использование советских массовых танковых формирований было встречено 17 мая давно запланированным немецким ударом по Изюмскому выступу (операция «Фридрикус»). После нескольких тревожных дней 6-я немецкая армия в Харькове была освобождена, но не раньше, чем ее неопытный новый командир генерал Фридрих Паулюс решил, что удаленные ОКВ и ОКХ оценили напряженную ситуацию в Харькове раньше, чем он сам, оставаясь на месте.

В конце мая, в результате оперативно принятых немецких контрмер, плохой советской стратегической координации и привычного отказа Сталина разрешить своим войскам отступление вовремя, основная масса 6-й и 57-й армий Тимошенко была окружена и уничтожена. Было захвачено 240 000 советских пленных и большинство советских танков, находившихся на Украине. Потери немцев составили всего 20 000 человек. С возвращением теплой погоды и побед нацистов на юге многократно возросла их уверенность и самомнение. Тем не менее в результате неудачной атаки Тимошенко операция «Блау» снова была задержана примерно на месяц. Затем Сталин разрешил своим войскам отступить, вероятно, перед лицом ожидающегося немецкого наступления. Запоздалый возврат русских к политически непопулярной, но эффек-

тивной в военном отношении стратегии отступления Кутузова в 1812 году не позволил немцам в ходе летнего наступления 1942 года захватить еще больше советских пленных.

Никита Сергеевич Хрущев дал отчетливую, но предположительно несколько приукрашенную картину уклончивого сталинского отказа разрешить своевременный отход советским силам под Харьковом. В этом рассказе Сталин лично не ответил на телефонное обращение Хрущева об отступлении, а передал через ставшего впоследствии врагом Хрущева Георгия Маленкова, что ничего не должно измениться на фронте. Как заявил Хрущев в 1956 году, таков был «военный гений Сталина».

Гитлер тоже подвергся критике *ex post facto*¹ за операции в 1942 году, вернее, за то, что вообще рискнул наступать в России в этом году. Хотя в действительности у фюрера не было выбора, поскольку это был последний шанс Германии свести счет вничью против имеющей потенциально превосходящие силы коалиции союзников. Единственным аргументом, который можно выдвинуть против наступательных операций Гитлера в 1942 году, является то, что они были неверно направлены к политическим и экономическим целям в СССР, но не было возобновлено наступление на Москву, которое, вероятнее всего, было бы встречено основными силами Красной армии. То ли опасаясь последствий этой встречи, то ли беспокоясь из-за серьезной нехватки горючего в рейхе, Гитлер все же выбрал Кавказ. Он сказал офицерам группы армий «Юг» 1 июня: «Если мы не захватим Майкоп и Грозный, мне придется ликвидировать войну».

Таковы были довольно-таки ограниченные цели на целый год, но немецкой армии в России помимо топлива были остро необходимы также танки и пехотное пополнение, а повторение зимнего кризиса боеприпасов ожидалось снова, самое позднее в августе. Короче говоря, к 1942 году всегда скромные резервы, с которыми традиционно действовал вермахт, сократились до крайности, при-

¹ Имеющий обратную силу (*лат.*).

чем несмотря на постепенный рост военного производства. Больше не было резервов, которые помогли бы исправить ошибки.

А тем временем союзники тоже рассматривали перспективы русского фронта в 1942 году. Увиденное им не нравилось. В феврале британцы начали обсуждать возможность переправы через Канал весной 1943 года или даже раньше, если сопротивление немцев ослабеет. Одновременно американцы подчеркнули необходимость поддержки Советского Союза как единственной силы, активно и агрессивно действующей против Германии. Американский бригадный генерал Дуайт Эйзенхауэр писал, что задача России продержаться наступающим летом и ей нельзя позволить дойти до такого угрожающего положения, чтобы она согласилась на переговоры о мире.

К середине апреля, несмотря на тяжелые сомнения в рядах британских военных относительно нехватки десантных плавсредств и воздушного прикрытия переправы через Канал, под давлением президента Рузвельта и Гарри Хопкинса англичане согласились на широкомасштабное вторжение в Северную Францию весной 1943 года. В этом вторжении должны были участвовать не меньше 48 англо-американских дивизий. Получившая кодовое название «Раунд-ап» («Облава»), операция была дополнена другой, менее масштабной высадкой осенью 1942 года, которая планировалась только в том случае, если угроза краха Советского Союза станет реальной. Эта операция под кодовым названием «Следжхаммер» («Кувалда») означала отмену американцами более раннего требования англичан о непременно разгроме немцев как основной предпосылке любой операции на другом берегу Канала в 1942 году.

В какой-то степени это решение Рузвельта и Черчилля объяснялось их общим стремлением отмахнуться от сильного давления русских, желавших, чтобы были признаны их территориальные приобретения 1939—1940 годов, уступив им в вопросах стратегии. Следствием этого влияния, растущего беспокойства относительно шансов России в 1942 году и личной заботы об общих интересах коалиции союзников стало безотлагательное приглашение советского

министра иностранных дел Молотова в Вашингтон. Планировалось обсуждение открытия второго фронта, призванного снизить давление немцев на Восточном фронте.

Молотов по пути в Вашингтон 22 мая остановился в Лондоне, где получил самую полную информацию относительно сомнений британцев, касающихся его надежд отвлечь хотя бы 40 немецких дивизий с Восточного фронта на запад после открытия второго фронта. Как в Лондоне, так и в Вашингтоне Молотов честно предупредил, что крах советской армии в 1942 году сделает проблему вторжения через Канал во Францию в 1943 году намного сложнее. В конце концов, чтобы успокоить своего настойчивого собеседника, несмотря на большие сомнения начальника штаба армии генерала Джорджа Маршалла, Рузвельт уполномочил Молотова сообщить Сталину, что западные союзники ожидают открытия второго фронта в 1942 году.

Правда, до каких-либо публичных заявлений по этому вопросу, возвращаясь через Лондон в начале июня, Молотов получил *aide-mémoire*¹, где указывалось, что британцы отказываются давать обещания переправиться через Канал в обстоятельствах, которые, по их мнению, могут привести к катастрофе. Уинстон Черчилль в своих военных мемуарах написал с относительной искренностью, что если сбить с толку противника по вопросу второго фронта было желательно, то вводить в заблуждение советских союзников никто и не помышлял. Более того, к этому моменту британская армия стала даже более оптимистично, чем американцы, рассматривать советские шансы на выживание в 1942 году.

Возможно, чтобы вынудить англичан дать обещание и определенно для подъема морального духа советских людей, после возвращения Молотова в Москву советское правительство придало широкой гласности обещание союзников открыть второй фронт в 1942 году. И британский, и американский послы в России предупредили свои правительства о народных ожиданиях в Советском Союзе. Когда же обман станет очевидным, у советских людей

¹ Памятная записка (фр.).

неизбежно появится чувство горечи, они сочтут себя преданными. Кроме того, бездействие союзников на западе в 1942 году станет удобным объяснением новых и неожиданных поражений, которые нанесет немецкая армия русским в 1942 году.

28 июня после отсрочек, вызванных затяжными дождями и предварительными операциями в районе Харькова, началась операция «Блау». Несмотря на случайный захват русскими некоторых немецких планов, происшедший всего за несколько дней до атаки, растрачивание резервов маршала Тимошенко в первых сражениях за Харьков и ожидаемая поддержка немецкой 11-й армии, которая 4 июля наконец взяла Севастополь, предвещали удачу «Блау». Наступление, в соответствии с основной идеей операции, начинала группа армий «Б» в Северной Украине, а 4-я танковая армия была быстро переброшена к Дону в районе Воронежа. Это предполагало двойное преимущество: во-первых, Красная армия долго оставалась в неведении относительно направления главного удара немцев, а во-вторых, появлялась возможность создать сильные немецкие оборонительные позиции вдоль великой русской реки.

Создание столь надежного левого фланга немцев было особенно важным, поскольку с самого начала «Блау» предусматривалось, что основную часть позиций на Дону со временем займут слабые и ненадежные армии союзников Германии — 2-я венгерская, 8-я итальянская и 3-я румынская. Учитывая концентрацию советских резервов в районе Тамбова за Доном, то есть в позиции одинаково удобной и для движения на север к Москве, и на юг к Сталинграду, создание сильной оборонительной позиции стран оси на уязвимом донском фланге оказалось более чем желательным.

Хотя группа армий «Б» неожиданно столкнулась с сильным сопротивлением русских в городе Воронеже, фюрер был настолько уверен в легкой победе на юге России, что 6 июля приказал повернуть две танковые дивизии, предназначенные для участия в «Блау», в Западную Европу. Гитлер убедил себя в том, что после публичных советских просьб о помощи англичанам при-

дется вскоре открыть второй фронт во Франции. Уже 9 июля Гитлер пообещал, что в случае высадки союзников на западе он лично будет руководить операциями на Западном фронте. К счастью для немецких командиров во Франции, этого не произошло.

Одновременно Гитлер сообщил японцам, что они должны напасть на Россию, только если хотят и готовы к подобной операции. Хотя японцы возвращали дивизии в Маньчжурию после завершения наступления в Юго-Восточной Азии, Красная армия все равно вывела еще шесть подготовленных дивизий с Дальнего Востока, заменив их новобранцами. Для России Кавказ был первостепенной целью, а для Японии представлялось невозможным отказаться от войны с Америкой ради давно вынашиваемого плана OTSU — захвата советского Дальнего Востока в 1942 году.

13 июля Гитлер, с яростью и негодованием заявив, что фельдмаршал фон Бок допустил ненужную задержку 4-й танковой армии, вопреки прежним планам, во время боев в Воронеже, освободил этого непреклонного противника его тотального контроля над «Блау». На деле же неудачи немецкой разведки, утечка информации, быстрое советское отступление и выраженное превосходство русских в живой силе позволили Красной армии остановить немецкое наступление на Воронеж. Операция «Блау», как настаивал Сталин во время войны и после нее, больше не предусматривала немецкого удара к северу от Дона на Саратов, расположенный на Волге. Немцы были далеки от намерения обогнуть Москву с фланга, совершив бросок к Волге с юга в 1942 году. Они только стремились захватить нефтяные месторождения Кавказа, и с этим согласны более поздние советские источники, в которых уже не надо было скрывать сталинские ошибки.

16 июня, переместив свой штаб, так же как и штаб Верховного командования армии, из Восточной Пруссии на Украину — в Винницу, Гитлер приказал 4-й танковой армии, которая уже испытывала недостаток горючего, следовать на юг в помощь быстрому и легкому наступлению группы армий «А» через Ростов и Дон на Кавказ. Хотя, как

предостерегал Гальдер, это вылилось в ненужный хаос немецкой бронетехники на подходах к Ростову, Гитлер нашел компромиссное решение своей ошибке, отправив еще две танковые дивизии из ослабленной им группы армий «Б» на север в группу армий «Центр». Здесь не было особой нужды в танковых дивизиях, поскольку 4-я и 9-я немецкие армии перед Москвой только что завершили успешную операцию по ликвидации ударов партизанских соединений и частей Красной армии в тылу. В результате безрассудного рассеяния основной ударной мощи немцев — танков — 6-я армия Паулюса была оставлена практически в одиночестве для ведения наступления на Сталинград, которое лишь очень короткий период не встречало сопротивления.

К 23 июля группа армий «А» проникла в Ростов и вышла к устью Дона, преодолевая быстро слабеющее сопротивление русских. Основная масса советской пехоты сумела спастись, переправившись через Дон, поэтому, несмотря на большую концентрацию танков вокруг Ростова, немцы взяли немного пленных. Скорость немецкого наступления убедила фюрера в том, что его мнение снова оказалось более правильным, чем мнение армейского Генерального штаба. Вследствие этого Гитлер приказал в одной из своих самых судьбоносных военных директив № 45 от 23 июля начать одновременное наступление по расходящимся направлениям двум южным группам армий. Группа армий «Б», которой командовал генерал Максимилиан фон Вейхс, должна была двигаться на Сталинград, причем 6-я армия была снова укреплена двумя танковыми дивизиями, взятыми из группы армий «А». Группа армий «А» под командованием фельдмаршала Вильгельма Листа была еще более ослаблена решением Гитлера направить значительную часть 11-й армии в Крыму на осаду Ленинграда, давней цели, которую Гитлер теперь предполагал захватить к сентябрю.

Таким образом, Лист лишился большинства своих танковых подразделений именно в тот момент, когда танковая техника была крайне необходима, — группа армий «А» двигалась по равнинам Кубани к Кавказу. Само собой

разумеется, его миссия осталась прежней — пересечь нижний Дон и Керченский пролив из Крыма и следовать к нефтяным месторождениям Кавказа, но его «бронированный кулак» составлял всего 435 танков, и почти не оставалось горючего. А для труднопроходимой местности Кавказских гор у Листа было только две немецкие горные дивизии — все, что осталось от элитных специализированных войск, которые, как и Итальянский альпийский корпус, были растрочены ранее, выполняя задачи обычной пехоты.

Именно поэтому авантюрное решение Гитлера о двух наступлениях по расходящимся направлениям вызвало взрыв давно сдерживаемого негодования со стороны Гальдера, правда, только на страницах его военного дневника. В тот же день, 23 июля, начальник штаба армии записал: «Хроническая тенденция недооценивать возможности противника постепенно приобретает гротескные пропорции и становится опасной. Серьезная работа стала невозможной. Так называемое командование характеризуется патологическим реагированием на впечатления момента и полным отсутствием понимания командного механизма и его потенциала». В свою очередь, Гитлер на следующий день с яростью обрушился на Генеральный штаб, обвинив его и Гальдера в своей собственной некомпетентности и неразберихе в оперативном командовании.

Еще более катастрофические последствия в перспективе, как заметил, вероятно, самый талантливый стратег немецкой армии Эрих фон Манштейн, имело бессмысленное направление Гитлером его 11-й армии в еще одно наступление против Ленинграда, не заручившись помощью финнов, что уничтожило возможность организации центрального оборонительного резерва для немецких армий на юге. Манштейн сожалел об этом упущении.

К 29 июля группа армий «А» вышла к низовьям Дона, почти не встречая сопротивления, и Гитлер уже планировал сократить немецкое военное производство ради увеличения выпуска товаров народного потребления. Движение ослабленной 6-й армии к Ленинграду замедлилось — на этом этапе больше из-за трудностей со снабжением и не-

хватки горючего, чем из-за сопротивления противника, и 30 июля Гитлер вернулся к первоначальной идее Гальдера о том, что «судьба Кавказа будет решена в Сталинграде». После этого генерал Йодль заявил, что вся 4-я танковая армия плюс румынский корпус будут переведены обратно на правый фланг группы армий «Б», чтобы активизировать наступление на Сталинград. Поскольку прямая железнодорожная ветка на Кавказ была повреждена, перерезать основной путь, по которому в теплую погоду перевозили русскую нефть — реку Волгу, — стало главной целью экономической войны, которую Гитлер вел в России. Учитывая, что захват далекого Баку в 1942 году стал казаться менее вероятным, слишком уж слабые силы были у фельдмаршала Листа, заняв Сталинград — город на Волге, немцы могли рассчитывать перекрыть русским поток бензина, следующий из основного производящего региона.

Втайне оборонительный характер большой стратегии Гитлера в 1942 году проявился и в его военной директиве от 21 июля, в которой он приказал перерезать Мурманскую железную дорогу на Белом море. И сталинградское, и беломорское наступления имели целью помешать снабжению Советского Союза западными союзниками, что было очень важно для фюрера, не верившего в возможность восстановления советской военной промышленности на новых местах за Волгой.

С другой стороны, явная недооценка Советского Союза лежала в основе стремления Гитлера забрать из группы армий «А» фельдмаршала Листа еще одно элитное подразделение — мотопехотную дивизию «Гроссдойчланд», чтобы укрепить немецкую армию во Франции. Гитлер задал Гальдеру риторический вопрос: «Какая польза от побед в России, если я потеряю Западную Европу?» Также Гитлер отказывался строить фортификационные сооружения на востоке против Красной армии, которую считал побежденной, зато часто повторял, что западное побережье Европы является идеальной позицией для оборонительного вала. Удивительно, но к этому времени Гитлер начал уважать высокое качество русской боевой техники. Да и Сталин внушал фюреру «безусловное уважение». Гитлер считал,

что Сталин удивительный человек в своем роде, который, если бы не вмешательство Германии, превратил бы Россию через десять—пятнадцать лет в сильнейшее государство мира.

Непоколебимая уверенность Гитлера в том, что Советский Союз уже не сможет подняться, конечно, имела некоторые основания. В конце июля 1942 года у советских частей на Кавказе настолько не хватало боевой техники, что вместо артиллерии приходилось использовать установленные на грузовиках минометы. Советские военно-воздушные силы были сконцентрированы на севере, и сейчас русские не пытаются отрицать периодического панического бегства красноармейцев на юге в этот период. Сталинский приказ в конце июля потребовал железной дисциплины, жестоких наказаний и запрещал отступление без приказа. Советское правительство начало понимать, что большинство хорошо обученных и непреклонных военных прошлого года канули туда же, куда прежнее количественное превосходство в технике, — в немецкую канализацию. Менее реалистичным был приказ советского диктатора от 2 августа о разделении Сталинградского фронта на два фронтовых штаба, хотя оба находились в Сталинграде и имели одного командующего.

Подобное любительское вмешательство в профессиональную военную доктрину летом 1942 года было свойственно не только русским или немцам. Его отчетливо видно и в западном лагере. В середине июня возобновились англо-американские переговоры об открытии второго фронта для оказания помощи русским. Адмирал лорд Луис Маунтбаттен (с октября 1943 года командовавший совместными действиями союзников в Юго-Восточной Азии) проинформировал президента Рузвельта о том, что никакая высадка союзников во Франции не уменьшит количество немецких войск в России, потому что на западе уже есть вполне достаточные силы немцев. Президент ответил, что не собирается отправлять миллион солдат в Англию и затем обнаружить, что полный крах в России сделал лобовую атаку через Канал невозможной в 1942 году. Пессимизм Рузвельта относительно шансов России был

очевиден, так же как и явная недооценка Маунтбаттенем страха Гитлера перед открытием второго фронта.

Прибыв в Вашингтон через несколько дней, чтобы развить весьма сомнительные основы для операции через Канал, Уинстон Черчилль немедленно предложил свою старую идею высадки во французской Северо-Западной Африке, как более безопасную и практичную альтернативу вторжения во Францию. Неожиданное падение Тобрука 21 июня, в ходе которого англичане понесли большие потери, помогло заинтересовать восприимчивого президента в африканском предприятии. Только сопротивление флотов Англии и Америки дало возможность задержать внимание на желании армии Соединенных Штатов высадиться во Франции. Понятно, что мотив, подтолкнувший Маршалла настаивать на высадке во Франции в 1942 году, главным образом был вызван необходимостью предотвратить любые угрожающие альтернативы созданию значительно более вероятного и реального второго фронта в 1943 году. Этот вопрос и русские, и британцы, по неведению или из-за личных интересов, продолжали игнорировать.

Черчилль вернулся в Англию, где подвергся самой суровой критике своего министерства за все время войны. Успешно выдержав парламентские дебаты 1—2 июля, премьер-министр оказал сопротивление и попыткам тори ограничить его контроль над стратегией, и усилиям лейбористов вынудить его открыть второй фронт. Тем не менее позиция Черчилля была ослаблена поражением под Тобруком, которое последовало очень быстро вслед за потерей Бирмы и Малайи, и он оказался перед угрозой возможной потери влияния на военный кабинет. Поэтому 8 июля, с одобрения британских начальников штабов, премьер-министр проинформировал американцев о том, что больше нет возможности пересечь Канал в 1942 году и любая попытка сделать это «только уничтожит перспективы» высадки во Франции в 1943 году.

Реакция американских начальников штабов на сопутствующее заверение Черчилля президенту, что «его истинный второй фронт 1942 года» находится в Северной Африке, оказалась взрывной. С полного одобрения американского

военно-морского флота генерал Маршалл предложил отказаться от британской второстепенной стратегии на Средиземном море, уделив большее внимание важной для Соединенных Штатов войне против Японии. Президент Рузвельт, чтобы воспрепятствовать подобным, в сущности, изоляционистским реакциям, сразу же приказал своему начальнику штаба в компании с собственным политическим советником Гарри Хопкинсом в роли наставника отправиться в Лондон, чтобы урегулировать фундаментальную коалиционную стратегию на 1942 год. Как с радостью отметил Адольф Гитлер по поводу стратегической неразберихи союзников: «Чтобы использовать для общей цели коалицию, состоящую из Великобритании, Соединенных Штатов, России и Китая, потребуется почти чудо».

В основе англо-американских споров по вопросу открытия второго фронта лежали различные взгляды относительно шансов русских на выживание. Но если действительно ожидать неминуемого краха Красной армии в 1942 году, глава имперского Генерального штаба сэр Алан Брук и генерал-майор Дуайт Эйзенхауэр, новый американский командующий в Британии, были безоговорочно согласны с тем, что союзники должны вторгнуться во французскую Северную Африку, и чем быстрее, тем лучше.

Конечно, этот честный аргумент в пользу своей африканской операции не мог быть использован Черчиллем в предстоящих переговорах с Москвой, так же как и тихоокеанская альтернатива, поддерживаемая американскими начальниками штабов, не могла ощутимо помочь Красной армии. Утрата акцента на переправу через Канал и вторжение во Францию в 1942 году, принятая западными союзниками в июле, была обусловлена желанием встретиться с поражением русских, независимо от последствий для Запада. Если по якобы военным причинам Советы покинули Запад в августе 1939 года, аналогичные военные обоснования могли быть легко приведены англо-американцами, чтобы позволить Востоку противостоять действующей немецкой армии с 1941 по 1944 год.

До прибытия американских начальников штабов в Лондон Уинстон Черчилль с согласия президента проин-

формировал Сталина о еще одном болезненном вопросе — временном прекращении союзнических конвоев в Архангельск на период долгого полярного дня. Такое решение было вызвано большими потерями из-за действия немецких военно-воздушных сил и флота с баз Норвегии. Черчилль подробно объяснил советскому правителю, что такие потери сделают невозможным открытие по-настоящему сильного второго фронта в 1943 году. Также существовали возможности десантных операций в Норвегии и Финляндии, которые, безусловно, помогут Советскому Союзу. Это была излюбленная фантазия Черчилля, претворение в жизнь которой британские начальники штабов, к счастью, сумели отложить на неопределенное время.

Получив столь откровенное письмо, Сталин 23 июля ответил, что его военно-морские эксперты находят конвойную политику британского адмиралтейства «загадочной и необъяснимой». Что касается второго фронта, советское правительство «не может терпеть» задержки его открытия до 1943 года.

Черчилль поступил мудро, не попытавшись ответить на это послание Сталина. «В конце концов, — написал он позднее, — русские армии несли тяжелейшие потери, и кампания достигла кризиса» на Дону и в Арктике. Тем не менее с одобрения Рузвельта Черчилль продолжил действовать в соответствии со своими давно разработанными планами относительно того, что он продолжал называть для Рузвельта вторым фронтом в Средиземноморье.

Сочетание нового британского политического и военного единодушия против вторжения во Францию в 1942 году и инструкций президента Рузвельта Маршаллу, Кингу и Хопкинсу, требующих наступательных действий в текущем году, неизбежно привело к неуверенному согласию американцев высадиться во французской Северной Африке в октябре 1942 года. Последняя попытка американцев задержать это решение окончилась неудачей. Поэтому генерал Маршалл и его очень довольный британский коллега генерал сэр Алан Брук в конце июля согласились на англо-американское военное заявление о том, что любая высадка в Северной Африке в 1942 году, «по

всей видимости», сделает операцию на Канале в 1943 году неосуществимой. Если ни американский президент, ни британский премьер-министр пока еще не брали на себя труд признать последствия их предпочтения более ранним действиям в Северной Африке для реального второго фронта, то все же день расчета со Сталиным нельзя было откладывать бесконечно.

Возможно, именно поэтому 25 июля Черчилль вернулся к прежде отвергнутому плану широкомасштабного десантного рейда на французский нормандский порт Дьеп. Как разъяснил адмирал Маунтбаттен своему коллеге, «политические причины» вызвали возрождение этого плана операции, который генерал сэр Бернард Монтгомери отказался пересматривать из-за утечек информации. Но политик, живущий в премьер-министре, понимал необходимость проведения какой-нибудь видимой наступательной акции еще до конца лета.

Проведенный 19 августа, сразу после визита Черчилля в Москву, весьма дорогостоящий рейд имел своей объявленной целью выяснение трудностей, связанных с нападением на обороняемые порты Франции. Чему бы он ни научил союзников, он определенно обескуражил русских и подтолкнул Гитлера к увеличению числа фортификационных сооружений на французском побережье, о которых Черчилль уже говорил русским как о причине, мешающей подобным операциям в 1942 году. Более того, те 30, или несколько больше, запасных дивизий немцев, которые в это время находились на западе, не могли рассчитывать на какое-либо подкрепление в 1942 году, несмотря на признание Гитлера после Дьепа в том, что большая высадка союзников во Франции поставила бы Германию в «критическое положение». Хотя воздушные атаки союзников уже притягивали на запад все больше истребителей люфтваффе, для немцев, если не для британской армии, кампания в России имела приоритет над всеми остальными действиями.

12 августа Черчилль и сопровождающие его лица прибыли в Москву. Президента Рузвельта представлял Уильям Аверелл Гарриман, которому предстояло помочь британ-

скому премьеру в его не слишком приятной работе — объяснить русским причины отсутствия второго фронта в 1942 году. Черчилль, не тратя время на приукрашивание действительности, объяснил угрюмому советскому премьеру, что нехватка тоннажа ограничит любую десантную операцию в 1942 году 6 дивизиями, в то время как в 1943 году союзники предполагают высадить во Франции не менее 27 дивизий. Сталин, к сожалению, как и почти все государственные деятели, представляющие демократические или тоталитарные режимы, проявлял мало интереса к операциям, назначенным военными через год. Поэтому, вместо того чтобы безвозвратно связать Черчилля этими новыми обещаниями, Сталин поднял вопрос о трусости британцев, которые боятся рискнуть и вступить в борьбу с немцами в 1942 году.

Оскорбления не произвели впечатления на Черчилля, который сохранил спокойствие, после чего беседа перешла к более удовлетворяющей обе стороны теме британских воздушных налетов на Германию. Вероятно, будучи в неведении относительно неэффективности атак Королевских ВВС на немецкие заводы в 1942 году, Сталин проявил энтузиазм в вопросе бомбардировок англичанами районов, где живет немецкий пролетариат. В этой более дружественной атмосфере Черчилль изложил идею высадки союзников во французской Северо-Западной Африке, которая, по его заверению, должна состояться в октябре 1942 года.

Акцент премьер-министра на то, что только успех в Северной Африке в текущем году сделает возможным серьезное нападение на Германию в 1943 году, судя по всему, возымел действие и пробудил некоторый интерес Сталина к Северо-Африканской операции. Правда, трудно понять, как совесть Черчилля оставалась чистой, вводя в заблуждение Сталина относительно вторжения во Францию в 1943 году. Конечно, британский премьер мог не признаваться даже себе в том, что Маршалл и Брук были правы, утверждая, что высадки в Северной Африке в 1942 году, вероятнее всего, сделают вторжение во Францию в 1943 году неосуществимым, но это вряд ли было поводом говорить Сталину прямо противоположное.

На следующий день, 13 августа, недовольство русских проявилось снова. После дальнейших обвинений, выдвинутых русскими в невыполнении того, что они упорно считали обещанием англичан вторгнуться во Францию в 1942 году, Сталин передал официальный протест. В документе было сказано: «...Я [Сталин] и мои коллеги считаем, что 1942 год представляет самые благоприятные возможности для открытия второго фронта в Европе, поскольку почти все немецкие силы и их отборные войска находятся на Восточном фронте и только незначительные по численности второстепенные части оставлены в Западной Европе. Трудно сказать, будут ли в 1943 году условия для открытия второго фронта в Европе столь же благоприятными, как в 1942 году».

В ответе, переданном Уильяму Авереллу Гарриману для американцев, Черчилль по праву отрицал обещание переправиться через Канал в 1942 году. Далее он заявил, что высадка в Северной Африке окажет больше помощи русским, чем любой другой план, и подготовит почву для действий в 1943 году. В заключение Черчилль рекомендовал Сталину самый мудрый политический курс — объявить высадку в Северной Африке открытием второго фронта, придав ей максимальную гласность. Черчилль намеревался сделать то же самое.

Очень показательное описание, данное одним из главных участников дискуссий, известным русофобом сэром Аланом Бруком. Он писал: «Два лидера, Черчилль и Сталин, являются полярными противоположностями. <...> Сталин реалист до мозга костей, для него имеют значение только факты. Планы, гипотезы, будущие возможности для него не значат ничего, но он готов смотреть в лицо фактам, даже неприятным. Уинстон, с другой стороны, никогда не стремится встретиться с неприятностями, если у него есть другой выход. Он обращается к чувствам Сталина, которых, по моему мнению, попросту не существует».

Глава имперского Генерального штаба с уважением отнесся к своему русскому коллеге генералу Шапошникову, которого, правда, посчитал трогательным человеком, страдающим от какого-то нездоровья. Маршала Ворошилова

Брук считал некомпетентным лизоблюдом Сталина и лжецом вдобавок. Пессимистично настроенный Брук не верил ни в то, что советская армия удержит Кавказ, ни в наличие 25 дивизий, о которых заявили Сталин и Ворошилов, способных это сделать. Интересно то, что в данной ситуации более оптимистичным был Черчилль.

Оценив темперамент друг друга, Черчилль и Сталин расстались. Черчилль не избежал незаслуженных насмешек Сталина относительно Королевского военно-морского флота, который отказывается конвоировать перевозку военных грузов в советские арктические порты. Основная беда, конечно, заключалась в том, что если британцы не хотели идти на большие жертвы в какой-то степени ради русских, то Советы, которые теряли значительно больше, чем любые возможные британские потери, вряд ли могли простить союзникам их более защищенное положение.

Неудивительно, что, услышав обо всем происшедшем, президент Рузвельт поспешил заверить Сталина, что американцы высоко ценят то, что Россия несет основную тяжесть борьбы, и восхищаются ее усилиями. Но, возвращаясь в Тегеран, фельдмаршал сэр Арчибальд Уэйвелл, русскоговорящий член британской миссии, сказал, вероятно, последнее слово о визите Черчилля в Москву. Во время одного из своих экскурсов в мир поэзии Уэйвелл написал балладу, припев которой заканчивался следующими словами:

Не слишком свежа вещь, которую я должен продать;
Никакого второго фронта в 1942 году...
Я избавился от того, что хотел продать;
Никакого второго фронта в 1942 году.

В действительности открытие второго фронта зависело от того, что происходило на Волге и Дону в течение следующих месяцев.

Я не боюсь военных неудач. Ваша империя имеет слишком могущественных защитников в виде громадности и климата. Русский император всегда будет грозным в Москве, ужасным в Казани и непобедимым в Тобольске.

Советы царю, 1812 г.

Я категорически настаиваю на отзыве Сталина. Царицынский [Сталинградский] фронт плох, несмотря на изобилие войск. Я оставляю его (Ворошилова) командующим 10-й (Царицынской) армией при условии подчинения командующему Южным фронтом.

Троцкий Ленину, 4 октября 1918 г.

Я знаю, как умирать, но я никогда не уступлю ни дюйма территории. Ваши суверены, которые родились на троне, могут позволить себе быть разбитыми двадцать раз и всегда вернуться в свои столицы. Я не могу этого допустить. Я — солдат, сделавший себя сам.

Наполеон, 1813 г.

Знак истинной страсти уничтожает своего обладателя, когда цель становится недостижимой.

Карл Буркхардт

Глава 8

ПАДЕНИЕ ГАЛЬДЕРА

4 августа — 19 ноября 1942 г.

4 августа Гальдер написал Муссолини. Он объяснил, что, в то время как он будет делать все возможное для оставленного наступления войск стран оси в Египте, ему больше необходим воздушный транспорт для «обширных бездорожных зон» в низовьях Дона. Там в плохую погоду топливо для ударных танковых армий часто приходится доставлять по воздуху. Хотя начальник штаба итальянской

армии считал, что у немцев в России дела идут хорошо, он больше не верил, что страны оси смогут полностью разгромить своих врагов. Вместо этого начальник штаба подобрал графу Чиано идею, ставшую характерной для будущих меморандумов главных союзников Германии, а именно заставить русских заключить сепаратный мир со странами оси, предположительно аналогичный Брест-Литовскому.

Наступление немцев на Сталинград, получившее подкрепление в течение первой недели августа, шло нормально. 4-я танковая армия, теперь на другой стороне Дона, нанесла удар по направлению к Сталинграду вдоль железнодорожной ветки с юго-запада. Направление удара было выбрано так, чтобы обеспечить полную внезапность. Преодолевая сопротивление слабой 51-й советской армии, спешно переброшенной с Кавказа, сильная немецкая танковая армия, со 2 августа наступавшая из Котельникова, к 9 августу оказалась в 70 километрах от Сталинграда. Там 4-я армия была остановлена из-за нехватки топлива да и самих танков, хотя ее превосходство в силе по сравнению с русскими составляло по крайней мере 2:1. Как Гитлер сообщил Муссолини, немцы теперь действовали в регионе, где отсутствие соответствующих коммуникаций больше напоминало об азиатской части России, чем о достаточно невысоких стандартах Европейской России.

Полная зависимость от единственной железнодорожной ветки при отсутствии мощных дорог лишала силы наступление 6-й немецкой армии на Сталинград с запада. К счастью для ее неопытного командующего генерала Паулюса, конфликт между командованиями советского фронта и армий, располагавшихся в его секторе, помог его армии одержать победу над 62-й и 64-й советскими армиями по частям в излучине реки Дона. И хотя, как обычно, неудачливые командующие советскими армиями были заменены, их попытки отойти за Дон раньше, чем они окажутся в немецком окружении, представляются вполне разумными, а вовсе не пораженческими, как утверждал один из их преемников.

Следует отметить, что к 1942 году потребовалось несколько советских армий, организованных во «фронт»,

чтобы противостоять одной немецкой армии. В результате отчаянной нехватки опытных офицеров в Красной армии, ставшей следствием огромных потерь 1941 года, корпус был упразднен из советской командной структуры, по сути сведя численность советских армий до прежних корпусов. Над этими так называемыми армиями были фронты, представлявшие собой эквивалент бывших российских армий. При необходимости в 1941—1942 годах несколько фронтов объединялись, образуя временную и довольно гибкую командную структуру на высшем уровне.

А тем временем к югу от Дона на бескрайних просторах Кубани и в предгорьях Северного Кавказа, как и предвидела немецкая разведка, группа армий «А» быстро продвигалась вперед, первоначально почти не встречая сопротивления. 9 августа 1-я танковая армия генерала Эвальда фон Клейста захватила Майкоп, ближайшее из нефтяных месторождений, перечисленных в качестве ее целей на лето. К сожалению, общая добыча Майкопа, даже после восстановления его поврежденного оборудования, составляла только 8% от общей добычи СССР.

К концу месяца танковая армия Клейста вышла к реке Тереку, протекающей примерно в 100 километрах от следующего нефтяного месторождения — Грозного. В это же время та часть, которую Гитлер оставил от 11-й немецкой армии в Крыму, наконец собралась переправиться через Керченский пролив и нанести удар по советским военноморским базам Новороссийск и Туапсе. Но к этому времени тактические решения Гитлера, которые Сталин назвал «попыткой одновременно поймать двух зайцев» (то есть на Кавказе и на Волге), постигла та же судьба, что и многие другие немецкие наступления. 4-я немецкая танковая армия остановилась к югу от Сталинграда, а 1-я танковая армия — в предгорьях Кавказа из-за отсутствия горючего и нехватки танков.

Почти одновременно, несмотря на ненадежность мусульманских элементов кавказских дивизий Красной армии, около 20 советских дивизий, поддерживаемых бомбардировщиками, заняли прочные позиции на труднопроходимой местности кавказских предгорий. Они были готовы

встретить растянутые и ослабленные немецкие части. Суть заключалась в том, что немецкая логистика не была готова поддержать наступление, ушедшее более чем на 500 километров от «бутылочного горлышка» в районе Ростова-на-Дону.

В августе 1942 года, пока шли кажущиеся успешными немецкие наступления на юге, немцы решили принять действенные меры против растущего партизанского движения в своем тылу. В основном речь шла об обширных лесных массивах, где находилась группа армий «Центр». Безжалостный сбор людей на принудительные работы, так же как и отказ нацистов выполнить свое обещание и ликвидировать систему колхозов, толкали молодых и активных людей центра России, все еще оккупированного немцами, в ряды партизан. Более справедливое отношение к сельскому населению, а также обеспечение для него хотя бы минимального уровня жизни могло бы изменить настроение крестьянства. Кстати, в неофициальном порядке немецкая армия, в которой катастрофически не хватало людей, все охотнее принимала помощь советских добровольцев для выполнения вспомогательных работ.

К августу 1942 года численность таких вспомогательных служащих вермахта (хилфсвиллигены) достигла полумиллиона человек и продолжала быстро расти вплоть до 1943 года. Одновременно более или менее независимый от нацистов вермахт также попытался организовать целое боевое подразделение из советских граждан под командованием недавно взятого в плен генерала Андрея Власова. Однако, если не считать некоторые мусульманские формирования в Крыму и на Северном Кавказе, нацистская политика в России не позволила более эффективное использование немецкой армией сильно переоцененного антисоветского потенциала армии Власова.

12 августа советское Верховное командование, как обычно, получило точную информацию о намерениях немцев через свою агентуру в Швейцарии. Так Москва узнала о спорах, идущих в ОКВ. Гитлер и Геринг хотели возобновить атаку на Сталинград, несмотря на преобладающее среди немецких военных мнение, что дальнейшее наступ-

ление к Волге будет бесполезным, а на Кавказ — не станет успешным. Ставка спешно перебрасывала резервы с севера России в низовья Волги, ожидая возобновления немецкого наступления на такой важный транспортный узел, как Сталинград. 10 августа она поручила управление Сталинградским фронтом (тогда вдоль Дона) командованию Юго-Восточного фронта генерала Еременко.

Пока Ставка готовилась помочь Сталинграду, генерал Франц Гальдер начал ощущать все больше возрастающее беспокойство относительно крайне растянутого левого фланга группы армий «А» на Дону, где в основном находились не слишком надежные войска неохотных союзников Германии. В свое время линия Дона была легко взята сталинским наступлением против белого генерала Врангеля. Когда Гальдер 16 августа показал Гитлеру старые русские карты, отображающие давнее сталинское наступление, фюрер приказал направить немецкую танковую дивизию в резерв за 8-й итальянской армией на Дону.

А получив еще и подкрепление пехотой, снятой с наступления на Сталинград, уже изрядно деморализованная итальянская армия все же сумела отбить атаку 1-й советской гвардейской армии 22 августа. Равно как и Красной армии в Сталинграде, советским силам на Дону не хватало воздушной поддержки, да и боеприпасов у них было явно недостаточно. Гитлер, при одобрении оперативного штаба ОКВ генерала Варлимонта, решил, что лучшая защита линии Дона заключается в скорейшем захвате Сталинграда с последующим высвобождением немецких ударных сил для обороны на Дону.

После яростной атаки на 4-ю танковую армию, находившуюся на правом фланге, оперативный приказ начать атаку Сталинграда, отданный генералом Паулюсом 19 августа, предвидел упорное сопротивление русских как в самом городе, так и в виде контратак с севера на левый фланг 6-й армии Паулюса. Тем не менее, сопровождаемая грандиозной бомбежкой люфтваффе на город и нефтяные резервуары Сталинграда, 6-я армия к 23 августа пересекла Дон и нанесла удар по восьмикилометровому коридору к Волге севернее Сталинграда. В этот период охваченный

паникой горящий город защищали только войска НКВД и четыре пехотные бригады, поспешно переброшенные туда фронтом Еременко.

Более серьезные советские контратаки по растянутому и очень опасному немецкому выступу в районе Ржева в секторе группы армий «Центр» усилило растущее напряжение в штабе Гитлера, пока еще расположенном в Виннице. 8 августа фельдмаршал Гюнтер фон Клюге, командовавший группой армий «Центр», попросил освободить две танковые дивизии, которые находились в его секторе, чтобы с их помощью снизить натиск русских в районе Ржева. Фюрер заявил, что эти дивизии должны остаться в резерве для пока еще даже непланируемого наступления на Москву, и отказал. Клюге вышел из штаба фюрера, сказав Гитлеру, что тогда он должен принять на себя всю ответственность за возможные последствия. Двумя неделями позже, когда ситуация еще более обострилась, Клюге все равно оказался виноватым.

В тот же день, 8 августа, фельдмаршал Георг фон Кюхлер, преемник Лееба на посту командующего группой армий «Север», потребовал у фюрера подкрепления для предполагаемой атаки на Ленинград в сентябре, операции «Нордлихт» («Северное сияние»). Заявив, что в его секторе превосходство русских составляет 2:1, Кюхлер также потребовал еще месяц на завершение подготовки наступления, предусматривающего самое масштабное использование артиллерии после Вердена. Характерным для отношения фюрера к Ленинграду было требование, чтобы бомбардировки и артобстрелы вызвали самые большие пожары, которые когда-либо видел мир.

Поскольку подготовка к такому сложному шоу помешала бы претворению в жизнь еще одного проекта Гитлера — разрушению Мурманской железной дороги в районе Кандалакши — операции «Лахсфанг» («Лососевая паутина»), назначенной на ту же осень, — Гитлер и Йодль настоятельно потребовали, чтобы операция «Нордлихт» началась не позднее 10 сентября. По предложению Йодля в пределах двух недель вместо сопротивляющегося Кюхлера командующим операцией «Нордлихт» был назначен

Эрих фон Манштейн, недавно получивший маршальский жезл за успешную осаду Севастополя. Вовсе не обрадовавшись новому заданию, Манштейн 24 августа сказал Гальдеру, что предпочел бы оставить всю свою 11-ю армию на юге России в качестве мобильного резерва для наступления в этом секторе.

Гальдер все же вступил в спор с Гитлером, еще не полностью утратив оптимизм и считая неправильным накладывать ленинградское наступление на уже ведущиеся наступления на Сталинград и Кавказ. Гальдер просил, по крайней мере, оставить уязвимый выступ в районе Ржев—Вязьма на Центральном фронте, чтобы освободить войска для других наступательных операций, на которых настаивал Гитлер. Перед лицом ошеломленного Манштейна Гитлер с яростью осадил своего начальника штаба. Он сказал: «Вы всегда являетесь сюда с одним и тем же предложением — отступить». После еще нескольких унижительных замечаний о качестве немецких солдат в России Гитлер завершил свою тираду следующими словами: «Я жду, что командиры будут такими же жесткими, как воюющие войска». Гальдер, с трудом сдержавшись, ответил, что он достаточно жесткий человек. Но на фронте храбрые солдаты и молодые боевые офицеры тысячами гибнут только потому, что их командирам не позволено принимать единственно разумные решения; их руки связаны за спиной.

После такого прямого заявления Гитлер отпрянул и, уставившись на своего начальника штаба долгим злобным взглядом, выкрикнул: «Генерал Гальдер! Как вы смеете так со мной разговаривать! Неужели вы думаете, что можете учить меня тому, что думают люди на фронте? Что вы вообще знаете о делах на фронте? Где вы были во время Первой мировой войны? И еще имеете наглость заявлять мне, что я не понимаю, что такое фронт? Я не потерплю такого! Это переходит все границы!»

Гальдер еще больше разозлил фюрера постоянными напоминаниями о советском танковом производстве, которое, по его данным, достигло 1200 единиц в месяц против 350 единиц в Германии. Кстати, не говоря о 4500 танках, отправленных в Россию из Великобритании и Америки в

прошедшем году, по утверждению Сталина в августе 1942 года советское танковое производство достигло 2000 единиц в месяц — это утверждение он повторил и в конце войны. Гальдер также проинформировал Гитлера о выводе, к которому пришел Генеральный штаб. Этот вывод заключался в том, что русские собрали полтора миллиона человек в Сталинграде и вдоль Дона, что является безошибочным признаком подготовки масштабного советского наступления в этом регионе. Неудивительно, что Гитлер обвинил Верховное командование армии в «самоуверенности, отсутствии гибкости и полной неспособности понимать суть вещей»¹. Также вряд ли стоит удивляться тому, что Гальдер впоследствии записал в своем дневнике: «Решения Гитлера больше не имеют ничего общего с принципами стратегии и операциями, как их понимали многие поколения в прошлом. Они были порождениями вспыльчивого нрава, следующего сиюминутным побуждениям, нрава, который не признает пределов возможностей и делает свои желания отцом действия...»

Гитлер привык не обращать внимания на предостережения Генерального штаба. Однако 27 августа 2-я советская ударная армия начала мощное наступление на Ленинградском и Волховском фронтах, наступление, имеющее целью восстановить наземную связь с осажденным, но больше не голодающим городом на Неве. После этого Гитлеру пришлось с бессильной яростью наблюдать, как сначала подкрепление, предназначенное для будущей операции против Мурманской железной дороги в Канда-лакше, было брошено в бой, чтобы остановить русских, а потом и резервы, сконцентрированные для захвата немцами Ленинграда, канули в водовороте на реке Волхове. Если до октября немцы могли отбивать атаки советской армии, нанося ей большие потери, то, что происходило на Финском фронте в конце 1941 года, теперь повторялось в Северной и Центральной России — инициатива

¹ Советское танковое производство в 1942 г. быстро возрастало после развертывания заводов на востоке. Но было ли оно настолько велико, как утверждал Сталин, — другой вопрос. (*Примеч. авт.*)

медленно, но верно переходила к далекой от поражения Красной армии.

Гитлер остался недоволен отчуждением и ОКХ, и командующих группами армий, и к 7 сентября неистовое пренебрежение реальностью привело его к ссоре с доселе преданным сторонником генералом Альфредом Йодлем. После почти беспрецедентного личного визита в штаб группы армий «А» фельдмаршала Вильгельма Листа Йодль сделал ошибку, одобрив замедление горного наступления Листа к яростно обороняемым черноморским портам Новороссийск и Туапсе. Обычно покорный Йодль никогда не повторил бы ничего подобного, но все же немедленным результатом стала его временная опала, не говоря уже о замене Листа на посту командующего группой армий самим фюрером. После этого фюрер отказался обедать вместе с офицерами ОКХ и ОКВ. А провинившегося Йодля Гитлер планировал заменить генералом Паулюсом после успешного взятия его армией Сталинграда.

В это же время Гальдер услышал, что скоро тоже будет смещен. На протяжении этого кризиса вся работа в штабе фюрера на Украине была парализована, фюрер весь день сидел в своем бункере, появляясь только ночью, когда можно было не встречаться с ненавистными ему генералами. Атмосфера накалялась. Когда же 11 сентября Гальдер наотрез отказался писать приказ, запрещающий отступление при любых тактических обстоятельствах, Гитлер написал его сам. Через два дня, получив благоприятное разведывательное донесение о состоянии резервов советской армии, Гитлер приказал группе армий «Б» разработать операцию преследования советских сил и вверх, и вниз по Волге после их поражения под Сталинградом.

Когда 24 сентября Гальдер встретился с фюрером в последний раз, Гитлер объяснил, что большей частью нервного истощения он обязан тупости своего начальника штаба. Далее Гитлер заявил, что в настоящий момент рейху больше необходим энтузиазм национал-социалистов, чем профессиональные военные качества. Как бы то ни было, фюрер был намерен навязать свою волю армии. Как писал генерал Адольф Хойзингер из ОКХ, «мир отделил Гитлера

от Генерального штаба. Его пренебрежение к интеллектуальной работе, чрезмерное предпочтение чисто практических вопросов, преувеличенная оценка важности силы воли, а не объективной истины» — все это не давало фюреру понять цели и задачи Генерального штаба.

Более того, в момент, когда Гитлер явно начал терять веру в себя и в свою великую миссию по уничтожению большевизма, наличие такого очевидного недоверия, не говоря уже о скрытой враждебности, как у Франца Гальдера, стало нетерпимым. Военный «пономарь» Гитлера генерал Йодль подтвердил, что все это поколебало уверенность диктатора в себе, главные устои его личности и его деятельности. В любом случае преемник Гальдера генерал-лейтенант Курт Цейтцлер обладал и энергией, и оптимизмом — качествами, больше всего импонировавшими фюреру в период уныния и застоя в Верховном командовании. Не поддерживавший нацистов глава абвера адмирал Канарис по этому поводу с открытым сарказмом заметил: «Нам не нужен гений на роль начальника штаба, ведь у нас есть фюрер».

Цейтцлер, назначенный при ловкой поддержке извечного врага сухопутных сил Германа Геринга, немедленно потребовал безоговорочного доверия и преданности фюреру от каждого офицера Генерального штаба. Что же касается изменений в деятельности Генерального штаба, назначение Цейтцлера значительно ухудшило ситуацию. Вместо того чтобы добиться долгожданного единства ОКХ и ОКВ, а с ним и их разделенных и соперничающих театров военных действий, Цейтцлер начал проводить политику полного устранения ОКВ с русского театра военных действий, лишив ОКВ даже самой важной информации о Восточном фронте. И хотя такая политика соответствовала принципу фюрера «разделяй и властвуй», в немецкой армии она привела к тому, что немецкие дивизии стали часто перебрасываться с относительно мирного театра военных действий ОКВ на западе совершенно неподготовленными в боевые условия Восточного фронта. А смертельно ненавидимое многими политиками долгосрочное стратегическое планирование успешно выродилось в крат-

косрочные импровизации, характерные для вульгарной натуры Гитлера.

Когда Черчилль в августе уезжал из Советского Союза, он видел многих поляков, и военных, и гражданских, которых эвакуировали из СССР через Персию. Полуголодные и озлобленные, эти беженцы получили разрешение Сталина покинуть Россию в процессе переговоров, начатых предшествующим декабрем. Русские, очевидно, потеряли надежду получить эффективную поддержку поляков на своем собственном фронте, и в период поражений не стоило рисковать хорошим отношением с британским союзником из-за ненужных споров с поляками. Пока поляки блуждали по Тегерану, в Персию начали прибывать американские инженеры, чтобы сделать путь через нее в Советский Союз надежным и неуязвимым. Русские всячески откладывали прием военно-воздушных сил союзников, не говоря уже о британских войсках, в ревностно оберегаемом ими Кавказском нефтеносном регионе. Судя по всему, они слишком хорошо помнили почти одновременное появление немцев, турок и англичан на Кавказе в 1918—1919 годах и предпочитали не рисковать потерей контроля над своими ценнейшими нефтяными месторождениями снова.

Черчилль, вернувшись в середине сентября в Лондон, опять начал торопить своих начальников штабов с проработкой идеи десантной операции в Северной Норвегии, имевшей целью снизить потери тоннажа в арктических конвоях, следующих в Мурманск. Утверждая, что он обещал Сталину что-то в этом роде, премьер-министр также признал, что его североафриканская экспедиция не является заменой вторжению во Францию через Канал в следующем году. Черчилль принял отставку из военного кабинета политически опасного сторонника второго фронта сэра Стаффорда Криппса, после чего 22 сентября написал президенту Рузвельту, что его «постоянной тревогой» остается Россия. Необходимость отложить отплытие арктических конвоев до проведения североафриканской операции чрезвычайно тревожила правительства обеих стран. Они не знали, как Сталин отреагирует на этот удар.

Ответа Сталина не пришлось ждать долго. Он уже имел некоторую информацию от посла в Британии Ивана Майского, так же как и от «странствующего» американского политического деятеля Уэнделла Уилки, который как раз находился в Москве. И 3 октября Сталин написал необычное письмо американскому корреспонденту в Москве Генри Кэссиди. В этом получившем широкую огласку заявлении советский диктатор утверждал, что помощь союзников Советскому Союзу пока была незначительной. Возможно, так оно и было, учитывая низкое качество поставляемой в Советский Союз военной техники, но все же подобные заявления являлись не лучшим способом заложить основу для нового требования самолетов, последовавшего уже 5 октября. Именно авиации отчаянно не хватало в сталинградском секторе.

Американский президент и британский премьер ответили Сталину 9 октября. Рузвельт снова предложил нежелательные американские военно-воздушные формирования на Кавказе, а Черчилль — собственную версию второго фронта в Северной Африке. Через десять дней официальная коммунистическая газета «Правда» опубликовала статью о Рудольфе Гессе, предположив, что Великобритания является безопасным убежищем для нацистских бандитов. К концу месяца президент решил, что русские «используют речь не для тех же целей», что союзники, а премьер-министр высказал мнение, что было бы «большой ошибкой бегать за русскими в их теперешнем настроении». Черчилль не обманывал себя. Русские действительно добивались серьезных жертв от своих относительно невредимых союзников и не желали, чтобы их водили за нос обещаниями блистательного будущего или неэффективными и ненужными действиями в настоящем.

А тем временем ситуация в Сталинграде накалялась. В начале сентября в отчаянной попытке выиграть время для усиления обороны города три новые советские армии, имевшие недостаточное количество артиллерии и необстрелянных новичков-солдат, были брошены по частям в наступление к северу от Сталинграда. Хотя это немощное наступление несколько ослабило немецкую ар-

мию и снизило концентрацию военно-воздушных сил над городом, 12 сентября 6-я армия продолжала сражаться на улицах города.

В тот же день командующий фронтом генерал Еременко и его политический комиссар Никита Хрущев приказали Василию Чуйкову принять деморализованную 62-ю армию у менее уступчивого генерал-лейтенанта А.И. Лопатина. Чуйков был назначен за свою готовность, в отличие от Лопатина, удерживать Сталинград любой ценой. Но мораль его армии отнюдь не укрепило отчетливое стремление Сталина задержать эвакуацию мирных жителей за Волгу. По мнению некоторых историков, советский диктатор верил, что армия будет активнее сражаться за живой город, чем за обезлюдевший¹.

Как бы то ни было, 62-я армия держалась в городе. Ей помогала артиллерия, бившая из-за Волги. В середине сентября начало прибывать подкрепление. Уже к 20 сентября атакующая армия генерала Паулюса достигла полного изнеможения, а в конце месяца новые советские контратаки на юге города еще больше снизили давление на принесенный в жертву гарнизон Чуйкова. Именно такова была роль 62-й советской армии. Она была слаба и идеально расположена для того, чтобы притягивать все больше и больше и без того недостаточных резервов немецких групп армий «А» и «Б».

Вопреки послевоенным заявлениям маршала Еременко, и войска стран оси на месте событий, и их командование довольно скоро поняли важность того, что происходило в сталинградской мясорубке. Так, например, 24 сентября румыны пожаловались немецкому Верховному командованию, что их 3-я и 4-я армии, теперь оставленные охранять растянутый фланг войск оси вдоль Дона и на юге Сталинграда, безнадежно слабы и не имеют мобильных дивизий или противотанковых орудий, чтобы удержать всю ширину фронта. В действительности подразделения

¹ Разница между версиями освобождения Лопатина от должности в изложении Чуйкова и Еременко удивительна для советской историографии. Не совпадают даже даты. (*Примеч. авт.*)

4-й румынской армии были изрядно потрепаны во время советского контрнаступления южнее Сталинграда в конце сентября, в процессе которого русские получили ценную информацию об этих очевидных ахиллесовых пятах рейха.

Командование немецких групп армий «А» и «Б» не осталось в стороне от нарастающей среди солдат тревоги. В конце сентября группа армий «Б» потребовала вывода войск из Сталинграда на короткую и хорошо укрепленную оборонительную позицию за Доном на зиму. Это бы освободило немецкие дивизии для поддержания трех слабых армий стран оси вдоль Дона. Хотя сам Гитлер ранее говорил министру пропаганды рейха Геббельсу о своем намерении перейти на зимние квартиры в октябре 1942 года, независимо от действий русских, фюрер основывал это замечание на успешном захвате не менее чем Кавказа, Ленинграда и Москвы.

В общем, подчиняясь своей извращенной логике, несмотря на то что фюрер так и не смог нанести решающее поражение Красной армии в 1942 году, он предпочел пойти на огромный риск и продолжать опаснейшие наступления в условиях приближающейся зимы. Как это часто бывает с политиками, престиж значил для Гитлера больше, чем следование даже собственным стратегическим планам. В конце концов, престиж — это кровь политики, а стратегия — всего лишь досадный, но подчиненный механизм, и так считали значительно более выдающиеся государственные деятели, чем Адольф Гитлер.

В начале октября даже такие конформисты в немецком Верховном командовании, как Паулюс и преемник Гальдера на посту начальника Генерального штаба Курт Цейтцлер, проявили беспокойство. Признаки грядущего советского наступления становились все более очевидными. Паулюс отлично понимал, что пехотного пополнения, которое поступало к нему через бутылочные горла днепровского и донского железнодорожных мостов, недостаточно для захвата Сталинграда. Правда, в середине октября его поредевшие и уставшие войска все же сумели захватить русских врасплох и, воспользовавшись превосходством в воздухе, выйти к Волге еще в одном месте —

на фронте шириной в несколько километров. Это был последний важный успех в секторе 6-й армии; инициатива переходила к войскам Еременко.

2—3 октября генерал Цейтцлер, доселе радовавшийся фюрера серией мелких импровизированных тактических уловок, предложил создать более крупные резервы для групп армий «А» и «Б» против ставшей уже совершенно определенной грядущей советской контратаки. При поддержке Йодля Цейтцлер выступил против дорогостоящих сражений за руины Сталинграда. Гитлер довольно резко отказал новому начальнику штаба армии, впервые признав, что ему необходимо взятие Сталинграда по причинам морального характера. Несмотря на то что он назвал привычным беспокойством армии относительно «полумер», Гитлер был все еще намерен лишить коммунистов их оплота на Волге.

Предупреждения группы армий «Б» о том, что главный удар Красной армии будет нанесен на нижнем Дону в секторе 3-й румынской армии, также было встречено вполне убедительным, хотя и не слишком уместным возражением Гитлера, что для любой советской контратаки более подходящей целью будет прорыв через позиции итальянской 8-й армии, стоявшей выше по течению Дона, в надежде окружить группы армий «А» и «Б» в районе Ростова. Однако Ставка поступила мудро (теперь она находилась под профессиональным влиянием генерала Жукова), отвергнув все подобные схемы, слишком напоминающие чрезмерно оптимистичные советские планы предыдущего зимнего наступления.

В одной из своих многочисленных попыток принизить профессиональные качества его немецких противников маршал Еременко пренебрежительно отозвался о другом аспекте усилий немецкой армии образумить Гитлера в Сталинграде. Речь идет о вполне разумном аргументе генералов, что, поскольку 6-я армия Паулюса уже остановила советское торговое судоходство по Волге и уничтожила почти все сталинградские заводы, немцы достигли своих целей в этом регионе. Поэтому фюрер вполне мог позволить своим войскам отступить на зимний период, когда Волга скована льдом, и его гордость при этом была бы не задета.

Помимо того факта, что престиж, связанный с захватом города, который носил имя его великого соперника, стал истинной целью Гитлера, военные перевозки по Волге, конечно, никогда не останавливались полностью, да и три советские армии на западном берегу реки не могли бы выжить без снабжения. Все, что было необходимо этим героическим армиям, включая постоянный поток подкреплений для нового Вердена на Волге, пересекало великую реку и до того, и после того, как она в середине декабря замерзла. Да и даже самое незначительное отступление немцев от берега реки открыло бы весной торговое судоходство по ней.

Худшим было то, что, как указал «главный экономист» немецкой армии генерал Томас, на этой стадии, вероятнее всего, невозможно было обойтись меньшими действиями, чем захват бакинских нефтяных месторождений. Только такой поворот событий мог нанести серьезный ущерб советской военной экономике и военной машине. Об этом он написал в своем известном меморандуме, сразу ставшем удивительно непопулярным среди нацистов. Даже захват Астрахани, на который так надеялся Гитлер, запланировавший его на весну 1943 года, не мог полностью помешать транспортировке советской нефти из Баку на север через другие каспийские порты и затем по железной дороге. Другими словами, германская армия, как более объективно указывает Еременко, в действительности не обладала силами, необходимыми для нанесения поражения Советскому Союзу в 1942 году, применяя стратегию экономической войны в южных регионах обширной империи. Западные союзники тоже обнаружили, что политически популярная экономическая дорога к военному успеху сначала оказывается длинной, а в конце разочаровывающей.

В конце октября южное крыло войск Еременко к югу от Сталинграда возобновило атаки на 4-ю немецкую танковую армию и находившихся рядом румын, чтобы снизить давление на Сталинград. А на Дону 3-я румынская армия сообщила, что русские сооружают мосты через реку сразу в нескольких местах. Но Гитлер оставался уверенным, а с ним и вся 8-я итальянская армия, стоявшая выше

по течению Дона в районе Богучар, что этот сектор является самым вероятным для зимнего наступления русских. В любом случае 1 ноября Гитлер и его объединенный штаб ОКХ и ОКВ покинул украинскую базу в Виннице и вернулся на зимние квартиры в Восточной Пруссии, отклонив просьбу теперь уже всерьез обеспокоенного генерала Паулюса об отступлении 6-й армии до Харькова — исходных позиций Паулюса в кампании 1942 года. В это время, безусловно, было уже слишком поздно начинать масштабное отступление немцев, как требовал Паулюс, учитывая крупные скопления сил русских и плохое состояние дорог. Представляется, что Гитлер до самого конца надеялся, что полное взятие Сталинграда заставит вступить в войну турок или японцев — ему очень нужны были союзники.

К несчастью для немцев, Гитлера даже в последний момент не удалось убедить в необходимости принятия хотя бы каких-нибудь мер против надвигающегося советского наступления. Даже в первую неделю ноября немецкая разведка все еще колебалась. Она испытывала вполне обоснованные опасения касательно концентрации советских войск напротив 3-й румынской армии, но вместе с тем появилась и новая проблема, возможно вызванная советским планом прикрытия, связанная с возможностью наступления Красной армии в Московском регионе. В это время большая часть немецкого пехотного пополнения, двигавшегося в Россию, формировалась из обширных резервов, может быть и высококлассного, но не имеющего никакого опыта пехотных операций персонала люфтваффе Геринга. Вместо того чтобы усилить этими людьми армейские пехотные дивизии-ветераны, численность которых существенно уменьшилась, ревнивый шеф люфтваффе предложил это пополнение только на условии, что оно останется под его командованием, не объединяясь с якобы реакционной армией.

И наконец, когда внимание фюрера было временно отвлечено высадкой союзников во французской Северной Африке, 9—15 ноября две слабые немецкие танковые дивизии и еще более слабое румынское бронетанковое подразделение были переведены в резерв за 3-й румынской армией. К сожалению, группе армий «Б» потребовалось

так много времени, чтобы все-таки получить разрешение фюрера на эти запоздалые перемещения, что одна из немецких танковых дивизий, являвшаяся частью XLVIII танкового корпуса под командованием генерал-майора Фердинанда Хайма, даже не успела прибыть на новые позиции до начала советского наступления в этом секторе.

После разгрома армии Эрвина Роммеля под Эль-Аламейном в начале ноября Черчилль набрался смелости и поздравил Сталина с тем, что он назвал «решающим поражением второй кампании Гитлера против России». Сталин дал официальный ответ 8 ноября. Он поблагодарил премьер-министра за очередное предложение направить боевые эскадрильи союзников на Кавказ, где все еще не хватало авиации, — в конце концов, самолеты союзников не могли захватить советскую территорию. Тем не менее, в итоге, быстрое восстановление сил русских под Сталинградом позволило Сталину уклониться от предложения Черчилля.

Комплименты британского премьера, должно быть, позволили Сталину испытать чувство глубокого удовлетворения, вспоминая открытую критику маршала Тухачевского в 1932 году, утверждавшего, что его столь широко восхваляемая оборона Царицына (переименованного в Сталинград) во время Гражданской войны была ошибкой. Теперь мир увидел, кто был прав в этом случае! И успешная вторая оборона жизненно важной волжской артерии в какой-то степени оправдала инициатора великой чистки даже в глазах его врагов в среде военных. Сталин также постарался умиротворить военных с помощью декрета от 9 октября, упразднившего политических заместителей всех советских боевых командиров. Лояльность подавляющего большинства советского офицерского корпуса вместе с растущей нехваткой опытных офицеров способствовали этому важному поступку.

Настоящий ответ Сталина на возобновленную Черчиллем переписку может быть найден в его речи от 6 ноября в честь двадцать пятой годовщины Октябрьской революции. Сталин в этом самодовольном обращении к советскому народу приписал успехи немцев в России в 1942 году отсутствию второго фронта союзников на западе. Хотя он

и продемонстрировал некоторый оптимизм в отношении будущего коалиции союзников против Гитлера, но все же не преминул с иронией упомянуть о британских достижениях в Египте, где, Сталин это подчеркнул особо, англичане сражались всего лишь с четырьмя немецкими и одиннадцатью итальянскими дивизиями. В другом заявлении, сделанном на следующий день, Сталин намекнул, что у России в ближайшем будущем тоже будет повод ликовать.

Гитлер, услышав о ставшей для него неожиданностью высадке союзников в Северной Африке, 8 ноября тоже произнес одну из своих разоблачительных речей. Перед старыми товарищами по партии в Мюнхене он защищал себя от обвинений в том, что его приказы не покидать город, который «носит имя Сталина», стоил немецкой армии столько же, сколько Верден, склеп, издающий неприятный запах тщетности, а не славы для встревоженного немецкого народа. На будущее Гитлер предупредил, что не будет другим Вильгельмом II, слабым правителем, который отказался от восточных завоеваний рейха из-за неожиданного желания солдат капитулировать на западе.

«С самого детства, — вещал фюрер, — у меня была привычка, изначально, наверное, плохая, но теперь ставшая достоинством, — оставлять за собой последнее слово. Все наши враги могут быть убеждены, что, если Германия того времени [1918] сложила оружие в без четверти двенадцать, я из принципиальных соображений никогда не заканчиваю до пяти минут первого».

У Гитлера были основания бросить вызов противникам и дома, и за границей. 6 ноября, после решающего поражения стран оси при Эль-Аламейне, Муссолини сообщил немцам, что следует как можно скорее договориться о сепаратном мире с Россией. В этом вопросе у дуче было много сторонников среди немецкого Верховного командования. На этом этапе и министр иностранных дел Риббентроп предложил начать такие переговоры через госпожу Коллонтай, советского посла в Швеции. Гитлер с яростью отверг предложение своего министра-руссофила. Мысль отказаться от русских территорий была для него неприемлемой.

Чтобы еще более усложнить свои фундаментальные ошибки в отношении России, в начале ноября Гитлер также отверг отчаянную просьбу Роммеля, находящегося в Африке, позволить его армии отступить. Этот отказ лишь усугубил замешательство немцев, когда 8 ноября они были застигнуты врасплох высадкой союзников в Северо-Западной Африке. Однако, вопреки ожиданиям немецкого командования в Италии, импровизированные меры позволили ОКВ выполнить решение Гитлера и создать плацдарм в Тунисе, что было давней мечтой Муссолини.

Через десять дней другой сторонник стратегического расщепления немцев по Средиземноморью, адмирал Редер, вступил в драку. На некоторое время позабыв о Мальте, шеф германских ВМС с энтузиазмом сообщил фюреру, что «Тунис всегда был... ключевым пунктом на Средиземноморье. <...> Совсем просто снабжать нашу танковую армию... потому что пути подвоза короткие». Последнее утверждение Редера как раз в этот момент опровергалось чрезмерно высокой ценой сопровождения новых сил стран оси морем в тунисские порты. Более того, быстрый перевод около 400 немецких истребителей и транспортных самолетов из России для поддержания новых запоздалых обязательств Гитлера за Средиземным морем должен был разрушить люфтваффе под Сталинградом в самом ближайшем будущем.

Поэтому Сталин посмеивался над кажущимися весьма впечатляющими достижениями в Африке западных союзников, упорно не признававших ужасную цену жизнями русских людей, приходившуюся платить за задержку в открытии второго фронта, к которой неминуемо вела североафриканская операция. В то же время авантюрный отказ Гитлера, находившегося под влиянием внезапных действий союзников, снизить потери в Африке, чтобы сконцентрировать силы на решающем театре военных действий на востоке, предвещал неизбежность еще больших неосмотрительных и недалновидных поступков, в конце концов лишивших немцев каких-либо надежд на победу во Второй мировой войне.

Кампания 1812 года научила нас тому, что вероятность итогового успеха не всегда уменьшается, когда проигрываются сражения, отдаются столицы и провинции. Наоборот, народ может оказаться сильнее в сердце страны, если наступательная мощь врага иссякла, и тогда с огромной силой оборона переходит в нападение.

Клаузевиц

Я говорю о контрнаступлении после успешного вражеского наступления, которое, однако, не достигло решающих результатов, а в его процессе обороняющаяся сторона набрала сил, начала контрнаступление и нанесла противнику решающее поражение. Я считаю, что умело организованное контрнаступление является одной из самых интересных форм наступления.

*Сталин, письмо полковнику
Разину, 23 февраля 1946 г.*

Когда наши соседи услышат, что произошло, они скажут, что шведская армия и шведская сила вторглись не в иностранное государство, а, скорее, в некое могущественное море! Они попали в него и исчезли, как свинец проглатывается водой.

*Обращение к Петру Великому
после Полтавской битвы*

Ее потери были невообразимо больше, чем потери всех остальных народов, вместе взятых. Теперь у России есть право требовать от союзников, чтобы они использовали намного большую силу оружия.

Керенский, октябрь 1917 г.

Глава 9

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ НА ДОНУ

19 ноября 1942 г. — весна 1943 г.

Русские начали действовать рано утром 19 ноября 1942 года под прикрытием метели. Они имели превосходство в танках и людской силе более чем 2:1, а также боевые са-

молеты новых моделей. Организованное в течение предшествующих недель представителями Ставки генералами Жуковым, Василевским и Вороновым первое эффективно управляемое контрнаступление Красной армии началось на Юго-Западном фронте генерала Ватутина и на Донском фронте генерал-лейтенанта Рокоссовского. Русские быстро прорвали оборону 3-й румынской армии на широком фронте. Через двадцать четыре часа 20 ноября Сталинградский фронт Еременко нанес удар по ожидающей этого и деморализованной 4-й румынской армии юго-западнее Сталинграда, достигнув не меньшего успеха.

Несмотря на наличие отдельных примеров упорного сопротивления со стороны корпуса генерала Ласкара на Дону, в целом плохо оснащенная румынская армия поддалась панике и, как и ожидалось, быстро потерпела крах. К вечеру 22 ноября северная и южная часть клещей большого советского контрнаступления сомкнулась в районе Калача, полностью перерезав все наземные связи немцев. 6-я армия Паулюса и элементы 4-й немецкой танковой армии, то есть почти двадцать немецких дивизий, оказались отрезанными от снабжения по железной дороге, изолированными от собственных складов в тылу.

Генерал Паулюс, услышав о начале советского наступления, немедленно прекратил все слабые атаки отдельных частей своей армии в разных районах Сталинграда и, собрав своих людей, сделал попытку подготовиться к встрече армии Рокоссовского, обходящей левый фланг 6-й армии. В это время остававшийся в Восточной Пруссии начальник штаба армии генерал Цейтцлер отправил срочное послание Гитлеру, находившемуся в Баварии, с просьбой разрешить передать XLVIII танковый корпус генерала Хайма группе армий «Б», чтобы обеспечить мобильный танковый резерв для поддержания разваливающейся 3-й румынской армии. Цейтцлер, с трудом добившись успеха, обнаружил, что фюрер непреклонен в своем намерении не допустить отступления 6-й немецкой армии из Сталинграда раньше, чем ловушка захлопнется. Как 20 ноября писал Гитлер Муссолини, он был «одним из тех людей, которые в несчастьях становятся более решительными». Короче го-

воря, Адольф Гитлер, как и Сталин в 1941 году, начал проявлять свою полную неспособность вести оборонительную войну, то есть войну особенно тяжелую для демагога со слабыми нервами.

Гитлер, не удовлетворившись отказом придать рациональную роль 6-й армии, начал посылать приказы из своего временного штаба ОКВ непосредственно генералу Хайму через голову командующих армиями. Но только частые, несвоевременные и абсурдные приказы фюрера относительно направления атак Хайма противоречили инструкциям группы армий «Б», требующим немедленного отступления, чтобы спасти слабый корпус Хайма от полного уничтожения превосходящими силами Красной армии, следующими через Дон. Корпус был спасен. Но несчастный генерал Хайм двумя неделями позже оказался в берлинской тюрьме, разжалованный в рядовые. Он стал козлом отпущения, ответственным за ошибки фюрера в Сталинграде. Гитлеру нужен был кто-то еще, на кого можно было бы возложить вину за окружение румынского корпуса генерала Ласкара, корпуса, которому он тоже категорически отказался дать своевременный приказ об отступлении, несмотря на личную просьбу румынского диктатора маршала Антонеску.

Гитлер решил претворить в жизнь 20 ноября давно задуманный ОКХ план создания группы армий «Дон», проявив более реалистичный подход к ситуации. Эта дополнительная группа могла освободить генерала Максимилиана фон Вейкса от чрезмерной тяжести командования семью армиями в существующей группе армий «В», четыре из которых были не немецкими. Вместо того чтобы передать эту новую группу румынскому диктатору маршала Антонеску, как это предполагалось изначально, сталинградский кризис заставил Гитлера отозвать фельдмаршала Эриха фон Манштейна и его 11-ю армию с севера России, чтобы возглавить группу армий «Дон». Под командование Манштейна была отдана 6-я армия генерала Паулюса и 4-я немецкая танковая армия, так же как и уцелевшие элементы 3-й и 4-й румынских армий. Таким образом, под командованием еще одного козла отпущения генерала барона фон Вейкса

оставались только 2-я немецкая, 2-я венгерская и 8-я итальянская армии, все еще находившиеся в верховьях Дона.

21 ноября Гитлер приказал генералу Паулюсу создать так называемую сталинградскую крепость, а его штаб впредь должен был постоянно находиться в городе. Паулюс на следующий день доложил о своем окружении и потребовал свободы принятия решения об отступлении, учитывая нехватку запасов. Но вероятнее всего, было уже слишком поздно. Командующий 6-й армией долго сомневался, прежде чем прийти к такому решению, поскольку понимал трудности, связанные с прорывом, тем более учитывая наличие 15 000 раненых в полевых госпиталях. Тем не менее генерал Вейхс, пока еще остававшийся непосредственным командиром Паулюса, ожидая прибытия Манштейна, одобрил требование командующего 6-й армией об отступлении на основании того, что снабжение армии по воздуху неосуществимо. Да и подготовить силы, которые поспешили бы на помощь окруженным, было невозможно достаточно быстро, чтобы у 6-й армии не успели закончиться все припасы.

Паулюс подвергся жесточайшей критике и своим непосредственным подчиненным генерал-лейтенантом Вальтером фон Зейдлицем, и впоследствии фельдмаршалом фон Манштейном. Оба они считали, что он был обязан просто проигнорировать приказы фюрера и прорываться из окружения. Зейдлиц попытался заставить Паулюса действовать немедленно, на свой страх и риск приказав своему LI корпусу на левом фланге 6-й армии отойти со своих удобных позиций в порядке подготовки к ожидаемому прорыву. Предыдущей зимой, когда позиции немцев в Демянске были окружены русскими, «спасательной команде» Зейдлица здорово помог в открытии наземного коридора одновременный прорыв окруженного гарнизона.

Поскольку ставить Гитлера перед свершившимся фактом в традициях генерала Йорка в декабре 1812 года было не в характере такого нерешительного офицера, как Паулюс, единственным результатом нарушения субординации Зейдлицем стала потеря хорошо укрепленных позиций, так же как и одной из отступающих дивизий. По этой при-

чине, когда подозрительный фюрер разделил командование войсками в Сталинграде между Паулюсом и Зейдлицем, последний потерял всякое желание идти против Гитлера. Выбор между лояльностью гражданскому вышестоящему лицу и собственным подчиненным — военным людям — всегда является болезненным для любого офицера, тем более для офицера, уверенного в отсутствии доверия к себе в верхах, каковым был генерал Паулюс.

Когда Гитлер наконец прибыл в свой штаб в Растенбурге — так называемое «Волчье логово», это было в ночь с 22 на 23 ноября, его поджидал встревоженный генерал Цейтцлер, который, преодолев сопротивление ближайшего окружения фюрера, настоял на немедленной встрече, чтобы решить судьбу 6-й армии. Гитлер после небольшого представления в духе Фридриха Великого предложил в качестве альтернативы плану ОКВ перебросить одну или две танковые дивизии с Кавказа для освобождения Сталинграда. Когда Цейтцлер указал на недостаточность такой меры, как в части времени, необходимой для ее проведения, так и в части силы, Гитлер вышел из себя. Стуча кулаками по столу, фюрер отбросил все попытки казаться разумным и просто вопил: «Я не покину Волгу! Я не уйду с Волги!»

На следующий день Паулюс прислал еще один отчаянный призыв ОКХ позволить ему пробиваться из окружения, невзирая на потери людей и техники. И Цейтцлер снова прибыл на аудиенцию к фюреру от имени командующего 6-й армией. После долгих и раздражающих колебаний Гитлер наконец использовал врагов Цейтцлера в ОКВ — фельдмаршала Кейтеля и генерала Йодля, чтобы вынудить начальника штаба армии пойти на уступки. Цейтцлер продолжал просить за Паулюса, при полной поддержке отделов планирования и разведки ОКХ. Он даже пошел дальше и известил группу армий «Б» о необходимости начать подготовку к прорыву со стороны 6-й армии. Желание командующего группой армий «Б» поступить именно так было столь велико, что он предложил действовать, не дожидаясь одобрения фюрера.

Гитлер остановил попытки армии обойти его, отправив радиограмму непосредственно Паулюсу, приказав ему

оставаться на месте, пока не подоспеет помощь новой группы армий «Дон» Манштейна. Затем он договорился с Германом Герингом и его крайне уступчивым начальником штаба генерал-майором Гансом Ешоннеком и заручился их обещанием доставлять в Сталинград ежедневно 500 тонн запасов. Принимая это решение, весьма далекое от реальности, Гитлер и шефы люфтваффе, очевидно, находились под влиянием успеха авиaperевозок в Демянске предыдущей зимой, когда шесть временно отрезанных дивизий на севере России в течение семидесяти двух дней регулярно снабжались по воздуху, после чего были освобождены.

Как Цейтцлер и Вейхс, барон фон Рихтгофен, командовавший 4-м воздушным флотом, который, собственно, и должен был выполнить обещание люфтваффе снабжать Сталинград, уже проинформировал своих вышестоящих командиров, что об этом не может быть и речи. Тем не менее Геринг, желая восстановить свое положение у Гитлера, предпочел отмахнуться от этого и подобных предупреждений. Люфтваффе уже и так были заняты снабжением по воздуху Туниса, и перспектива снабжать еще 330 000 солдат Сталинградского котла при имеющихся средствах представлялась иллюзорной.

Когда Манштейн наконец принял командование группой армий «Дон» — это было 27 ноября, — он обнаружил, что в штабе его ожидает два письма. Первое было от генерала Паулюса, который благодарил Манштейна за обещание помощи. Генерал также объяснил, что, несмотря на принятие Гитлером *de facto* прямого оперативного командования его армией, Паулюс не получал в последнее время никакой информации или распоряжений, кроме приказа держаться даже на самых непригодных для обороны позициях. Кроме того, Паулюс почти не получал никаких припасов, поскольку доставка по воздуху так и не была организована.

Другое письмо Манштейну было от румынского диктатора маршала Антонеску. Тот жаловался, что немцы проигнорировали предупреждения румын о грядущем советском наступлении и теперь, после краха румынской армии,

относятся к войскам своих союзников с жестокостью и презрением. Поскольку только четыре из первоначально двадцати двух румынских дивизий в 3-й и 4-й армиях были все еще готовы к действиям (девять румынских дивизий было уничтожено, еще девять разбежались), такая реакция немцев не была удивительной, как бы сильно рейх ни зависел от слабой пехоты своего малодушного союзника в России.

Манштейн вскоре пришел к выводу, что не может позволить себе долго ждать подхода дополнительных сил немцев из Франции или с Кавказа, потому что 6-я армия вымрет с голоду. Он выступил за прорыв 6-й армии тогда, когда его войска подойдут к Сталинграду. В дополнение ко всему, Манштейн предвидел необходимость усовершенствования и существенного сокращения всего Восточного фронта, включая уход с Кавказа, чтобы высвободить людские резервы, остро необходимые на Дону.

По крайней мере, новый командующий группой армий извлек выгоду из несовершенного управления советским 4-м кавалерийским корпусом в районе Котельникова, к югу от Дона, в регионе, где предполагалась спасательная операция. В последний момент, в течение недели, начавшейся 27 ноября, 6-я немецкая танковая дивизия, находившаяся в процессе выгрузки из вагонов после прибытия из Франции, спасла остатки пяти румынских дивизий, все еще охранявших район. Должно быть, генерал Еременко горько оплакивал отсутствие второго фронта на западе, какими бы абсурдными ни были объяснения бездействия союзников.

Оперативный приказ Манштейна о начале операции по освобождению 6-й армии в Сталинграде был издан 1 декабря. Операция носила кодовое название «Зимняя буря». Она предусматривала атаку 4-й танковой армии генерала Гота в неожиданном для русских направлении — вдоль железнодорожной ветки южнее Дона — от Котельникова к Сталинграду. Поскольку только пять потрепанных дивизий 51-й советской армии могли противостоять атаке Гота, в сравнении с пятнадцатью дивизиями к северу от Дона вдоль недавно появившейся линии фронта на реке Чир,

существовала реальная надежда на успех, если, конечно, немцам удастся начать достаточно рано.

К несчастью для немцев, потребовалось еще двенадцать дней, прежде чем Гот сумел собрать все три танковые дивизии, которые должны были принять участие в наступлении. Да и то число немецких танков не превысило две-три сотни — жалкая цифра, учитывая, что немцам предстояла самая важная акция на этом этапе войны. И Гитлер, и группа армий «А» не спешили отдать Готу танковые дивизии с Кавказа, а танковые силы, расположенные севернее Дона, были жизненно необходимы для удержания фронта на Чире против усиливающихся советских атак. Более того, большая часть пехоты Гота состояла из деморализованных румын, а в немецкие части в основном входил необученный персонал люфтваффе. Артиллерии не было вообще. Манштейн втайне, конечно, обдумывал прорыв 6-й армии, когда танки Гота подойдут достаточно близко, что бы по этому поводу ни приказывал Гитлер.

А тем временем 27 ноября, вероятно испытывая тревогу по поводу намерений немцев, Сталин приказал представителю Ставки на фронте генералу Василевскому очистить территорию, занятую 6-й армией, прежде чем продолжать наступление на запад. Фронт генерала Рокоссовского, как часть более амбициозной программы, рассчитанной в конечном счете на окружение Ростова, 2 декабря начал операцию «Сатурн» против слабого северо-западного фланга 6-й армии. Из-за невозможности для Сталинградского фронта Еременко оказать помощь в этой операции, вызванной трудностями снабжения его армий через скованную льдом Волгу, наступление Рокоссовского оказалось неудачным. К 9 декабря это стало очевидно. В то же время, зарезав своих лошадей, тем самым отказавшись от мобильности, генерал Паулюс обеспечил свои войска пищей, которая вполне могла помочь им дождаться дивизий Гота. Поэтому у немцев имелись основания радоваться, когда семь советских армий, окруживших Сталинград, не смогли их уничтожить сразу. Хотя, конечно, следует помнить, что по немецким стандартам пять элитных корпусов, состав-

лявших 6-ю армию, были примерно равны пяти советским армиям по людской силе и технике.

12 декабря, когда окончательно установилась морозная погода и прибыла воздушная, правда, все же не танковая поддержка, началась операция по освобождению Сталинграда. Исполненный уверенности Гитлер сообщил своим приближенным, что первая стадия советского контрнаступления завершилась, не достигнув решающих результатов, если не считать захват 94 000 пленных, но это были по большей части румыны. Фюрер снова и снова повторял, что ни при каких обстоятельствах не оставит Сталинград, потому что, если это произойдет, немцы никогда «не получают его опять». Гитлер даже заявил, и Цейтцлер с ним в тот момент согласился: «Если мы откажемся от Сталинграда, мы... откажемся от цели этой кампании».

Советская реакция на запоздалую попытку немцев освободить окруженную в Сталинграде армию не заставила себя долго ждать. Вопреки неоднократным предостережениям Еременко, на которые ранее не обращал внимания представитель Ставки на фронте генерал Василевский, 12 декабря, когда действительно началось контрнаступление немцев, Сталин наконец приказал направить подкрепление на Сталинградский фронт. В результате ослабленная 51-я советская армия, противостоящая танкам Гота, в течение недели была вынуждена отступить к реке — всего в 50 километрах от Сталинградского котла. Только к 19 декабря 2-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Малиновского начала усиливать 51-ю армию. Одновременно 16—17 декабря началась вторая стадия давно запланированного Ставкой контрнаступления против 8-й итальянской армии, все еще занимавшей позиции вдоль центральной части Дона в районе Богучар. Для этого Ставка использовала не менее четырех советских армий, причем две из них принадлежали к новым элитным гвардейским формированиям.

До неминуемого краха итальянцев был один момент, когда шансы Манштейна установить связь с 6-й армией были чрезвычайно высоки. 18 декабря он предпринял очередную бесплодную попытку подготовить Паулюса к про-

рыву *de facto* (операция «Удар грома»). Но командующий 6-й армией, находившийся под влиянием своего начальника штаба, а также обоснованно опасавшийся потерять всю свою армию в открытой степи, отверг предложение Манштейна. На следующий день усилия Манштейна добиться соответствующего решения Гитлера тоже оказались безрезультатными. Это и решило судьбу 6-й армии. Утверждая, что у Паулюса не хватит горючего, чтобы его немногие уцелевшие танки смогли прорваться к 4-й танковой армии, которая к этому моменту была уже остановлена, по сути, Гитлер обрек слишком сговорчивого Паулюса и его ослабленную армию на роль отвлекающей внимание. Полностью пожертвовав этой армией, можно было хотя бы выиграть время для группы армий «А», которую Гитлер все еще держал на Кавказе для отступления через Дон и нормализации положения на линии реки Чир.

23 декабря Гот узнал, что его движение к Сталинграду следует прекратить, а лучшая танковая дивизия должна быть отправлена на север, чтобы помочь предотвратить крах итальянцев на Дону. Слишком поздно Гитлер выделил Готу другую моторизованную дивизию из группы армий «А» на Кавказе. Теперь фюреру предстояло принять срочное решение, чтобы спасти всю группу армий «А», раньше, чем атакующие итальянцев русские части подойдут к Ростову. Гитлер хоть и с явной неохотой, но все же санкционировал отступление группы армий «А» с Кавказа, возможно напуганный необычно откровенным разговором, состоявшимся 28 декабря, с танковым генералом Хансом Хубе, одним из командиров корпусов Сталинградского котла, на следующий день.

Хубе изумил фюрера, выступив за расстрел генералов люфтваффе, ответственных за провал снабжения 6-й армии по воздуху, — такова была предложенная им альтернатива поиску козла отпущения в армии. Однако задействовать большее количество транспортных самолетов на Сталинградском направлении было вряд ли возможно в условиях, когда треть из них регулярно сбивали русские. Более того, трудности, связанные с полетами в ужасную погоду с необорудованных и все более удаленных, по мере

наступления русских, аэродромов, не были учтены Герингом и его начальником штаба в первоначальных расчетах.

Фюрер, тяжело переживая неудачу Гота и снабжения Сталинграда по воздуху, так же как и необходимость вывести свои армии с Кавказа, утешался планами перебросить из Франции сильную дивизию СС, которая, безусловно, освободит Сталинград этой же зимой, только позже. При этом судьба 6-й армии в оставшийся период не обсуждалась. Гитлер никак не мог решить, как выводить группу армий «А»: через покрытый льдом Керченский пролив в Крым или же воспользоваться находившимися под постоянной угрозой коммуникациями бутылочного горла Ростова.

После долгих колебаний фюрера группа армий была разделена: 17-я армия (не менее 400 000 человек) осталась на «перенаселенном» Кубанском плацдарме, расположенном на другом берегу Керченского пролива по отношению к Крыму. Имелось в виду будущее возобновление наступления на Кавказ. Отступление большей части 1-й танковой армии генерала Клейста прошло нормально, помогли тайные приготовления к этой операции, сделанные задолго до того, как она в конце концов была санкционирована Гитлером. Менее удачным для немцев было то, что в результате намеренного затягивания вопроса Гитлером танки Клейста вышли к Дону, чтобы помочь Готу освободить Сталинград только 1 февраля, то есть на шесть недель позже, чем требовалось. Но в любом случае танковой армии Клейста повезло. Она сумела спастись раньше, чем падение Сталинграда освободило семь советских армий для операций на Украине.

Появление в конце декабря толстого ледяного покрова на Волге позволило генералу Рокоссовскому, Донскому фронту которого теперь были поручены все советские силы вокруг Сталинграда, переправить через великую реку тяжелую артиллерию и боеприпасы. 8 января Рокоссовский предложил 6-й армии условия почетной капитуляции вместе с обещанием питания и медицинской помощи для всех немецких военнопленных. И хотя Гитлер наверняка больше не тешил себя иллюзиями относительно судьбы

6-й армии, он все же отверг очередную просьбу Паулюса предоставить ему свободу действий. Фельдмаршал фон Манштейн согласился с решением фюрера, поскольку, жертвуя 6-й армией, можно было позволить группе армий «А» вовремя отступить. В любом случае, когда сопротивление немцев было в конце концов сломлено — это случилось в конце января, — лишь несколькими тысячам солдат удалось пережить советский плен.

Итоговое наступление Рокоссовского на Сталинград, получившее кодовое название «Кольцо», началось 10 января. Русские имели выраженное превосходство в технике, если не в людской силе, над армией Паулюса. Через два дня, 12 января, начался третий этап большого советского контрнаступления на Дону, на этот раз против 2-й венгерской армии, которая продолжала занимать позиции выше по течению реки от уже разбитой 8-й итальянской армии. Генерал фон Вейхс, командовавший группой армий «Б», располагал только семью немецкими дивизиями, чтобы удерживать фронт протяженностью почти 300 километров, защищающий крупный железнодорожный узел и промышленный центр — Харьков. 2-я венгерская армия быстро начала отступать, а уцелевшие остатки 8-й итальянской армии готовились к полному выводу с Восточного фронта. Гитлер пожинал плоды своего излишнего доверия к полным армейским формированиям, предоставленным слабыми союзниками.

Донской фронт Рокоссовского, атакуя с запада, к 17 января захватил аэродром Питомник, расположенный за пределами окруженного Сталинграда. У немцев осталось только небольшое, все изрытое бомбовыми воронками поле Гумрак, откуда можно было продолжать снабжение 6-й армии. Между Паулюсом и представителями люфтваффе начались затяжные склоки — снабжение армии по воздуху так и не было налажено, и Гитлер поспешно поручил фельдмаршалу Эрхарду Мильху возобновить практически парализованные воздушные перевозки. В это же время заговорщики в рядах немецкой армии тщетно предлагали Паулюсу публично призвать к свержению гитлеровского режима. Манштейн был готов взять на себя командование

всем Восточным фронтом и принять более эффективную стратегию мобильной обороны, стратегию невозможную при концепциях жесткого сопротивления, которых придерживался Гитлер, исходя из соображений престижа и устаревших идей Первой мировой войны.

Однако конформист Паулюс, как обычно, ограничился новыми просьбами, последовавшими 20 и 24 января, о свободе действий для оставшейся части армии прорываться из окружения и капитуляции для 16 000 раненых. Хотя эти просьбы снова были поддержаны Цейтцлером и Манштейном, 24 января Гитлер в очередной раз приказал 6-й армии «сражаться до последнего человека» ради спасения западного мира. На следующий день Гитлер приказал еще более увеличить производство танков, а сам занялся разработкой плана стадиона в Нюрнберге, подходящего для празднования завоевания России.

6-я армия распалась на части 28 января. Паулюс доложил, что его люди, не имеющие ни продовольствия, ни боеприпасов, не смогут продержаться больше нескольких дней. Паулюс по совету своего сильного духом начальника штаба генерал-майора Артура Шмидта 31 января сдал ту часть войск, с которой находился лично. Дождь наград и повышений от фюрера, включая звание фельдмаршала для самого Паулюса, не смогли предотвратить неизбежное. К 2 февраля вся 6-я армия капитулировала.

Отвергнув предложенную отставку Цейтцлера, Гитлер долго бушевал по поводу капитуляции Паулюса. Фюрер полагал, что новый фельдмаршал вскоре будет использован русскими в пропагандистских целях. Он снова и снова спрашивал своих приближенных, почему Паулюс не покончил жизнь самоубийством, вместо того чтобы сдаться в плен. Объявив, что ни один фельдмаршальский жезл больше не будет дарован во время войны, Гитлер провозгласил, что всегда преданный ему командующий 6-й армией запятнал свою честь, сдавшись в плен живым. Охватившая фюрера жажда смерти редко была более жестокой и очевидной.

Через три дня, 5 февраля, Гитлер признался Манштейну, отставке которого хотел воспрепятствовать, что он один

несет ответственность за сталинградскую катастрофу. Хотя фюрер сказал, что часть вины возлагает на Геринга, неправильно оценившего потенциал люфтваффе, он не имел намерения обременять его избранного преемника ответственностью за поражение. Тем не менее, как заметил Манштейн, Гитлер отказался сделать правильные выводы из неудачи на будущее, и фельдмаршалу пришлось выдержать обычную борьбу, чтобы заставить фюрера принять отступление группы армий «Дон» в Донецком бассейне. К этому времени на Восточном театре у немцев осталось не более 500 пригодных к эксплуатации танков.

Вероятно, несколько усмиренный неудачей, Гитлер наконец позволил своему блестящему подчиненному перейти к активной обороне, использовав элитный танковый корпус СС, наконец прибывший из Франции. К концу февраля, с помощью отступлений, подкреплений и оттепелей, Манштейн стабилизировал фронт на юге России и начал готовить контрнаступление на Харьков, намеченное на март. Правда, к несчастью для нацистской Германии, несвойственное фюреру состояние самобичевания не продлилось долго.

Неопытность русских, ухудшение качества их пехоты, недостаток артиллерии и транспортных средств не позволили советской армии развить успех, которым, несомненно, являлось уничтожение зимой 6-й немецкой армии и ряда других армий стран оси на Южном фронте. Но советская армия, бесспорно, могла гордиться первым после 1806 года захватом целой немецкой армии, также 24 генералов и примерно 108 000 офицеров разных рангов и солдат, уцелевших в Сталинградском котле к началу января 1943 года. Примерно столько же немецких солдат погибло в котле, и около 42 000 раненых было вывезено самолетами до того, как закрылся последний аэродром. Если суммировать потери итальянской, венгерской и румынских армий в районе Сталинграда, всего страны оси потеряли 19 ноября 1942 года — 2 февраля 1943 года не менее полумиллиона человек, а также технику примерно сорока пяти дивизий.

Безопасность рейха напрямую зависела от сравнительного бездействия союзников на западе. Именно оно по-

зволило немцам в какой-то степени восполнить потери на востоке. Не приходится сомневаться и в том, что Жуков, Василевский и некоторые другие генералы Ставки заслуживали маршальских жезлов, которые они, в отличие от не менее заслуживающих высоких званий полевых командиров, получили из рук Сталина 25 января за успешную координацию сложного сталинградского контрнаступления.

После первых поражений немцев на Дону в беседе с Герингом, которая состоялась в начале декабря, Муссолини снова вернулся к вопросу заключения сепаратного мира с Россией. А 16 декабря Муссолини поручил графу Чиано предупредить Гитлера во время предстоящей встречи о том, что страны оси должны быть готовы вывести из России как можно больше войск в 1943 году, чтобы противостоять ожидаемому англо-американскому нападению на Италию. Итальянский диктатор также выразил надежду на вмешательство японцев в войну.

Гитлер, больше не ожидавший итальянских успехов где бы то ни было, встретил Чиано в своем мрачном «Волчьем логове» в Растенбурге упреками за бегство 8-й итальянской армии, которое, к несчастью для Чиано, началось двумя днями раньше на Дону. Он слегка оживился, перейдя к своей излюбленной теме рейха — спасителя Европы от большевизма, после чего заверил итальянского министра иностранных дел, что ситуация на востоке очень скоро окажется под контролем. В это же время он, очевидно, проинформировал японцев через Риббентропа, что никакие предложения о посредничестве не будут рассматриваться Германией. В ближайшем будущем фюрер будет с презрением взирать как на своих японских союзников за отсутствие эффективной помощи против России, так и на итальянских. Кроме того, он предупредит Риббентропа, что отдать Советам завоеванные территории — значит предать те принципы, которые он всю жизнь считал священными. Гитлер также выразил восхищение смелостью Сталина, сумевшего провести страну через ужасный кризис 1941—1942 годов.

Сталинград повлиял и на единственного компетентного союзника Германии против России — Финляндию, пра-

вительство которой с самого начала февраля начало искать пути выхода из войны. Выгодой для Советов стало освобождение довольно протяженного фронта от давления финнов. Красная армия начиная с весны 1943 года вывела столько войск с Финского театра, что 400 000 финнов и 170 000 немцев, находившихся на этом фронте, составили армию, численность которой почти в два раза превышала численность войск противника. Как и в крымско-кубанском секторе на юге, политический фаворитизм Гитлера к флангам вылился в крах жизненно важного центра. Гитлер продолжал выражать недоумение по поводу кажущейся бесконечности резервов Красной армии и винить в поражениях своих генералов и союзников. Но советское превосходство в людской силе и технике в Сталинграде возникло только в результате распыления самим фюрером немецких резервов по соображениям престижа и политики.

На севере Красная армия, неизменно концентрирующаяся на самых важных моментах, 18 января 1943 года открыла наземный путь в блокадный Ленинград. И зря Муссолини пытался в марте втолковать Гитлеру, что, поскольку поражение Советского Союза больше невозможно, русскую главу следует тем или иным способом закрыть. Дуче мог с тем же успехом обращаться к ветру, как и к стратегу-любителю и политическому фанатику, стоящему во главе Третьего рейха.

Другие политически мотивированные сторонники стратегического рассеивания во время сталинградской зимы обнаружили, что погоня за мелкими победами слишком часто не идет ни в какое сравнение с реализацией долгосрочных и решающих стратегических, направленных на итоговую победу планов. Уже 9 ноября, когда союзники только начали операцию в Северной Африке, Уинстон Черчилль предупредил своих осторожных начальников штабов, что русские вряд ли удовлетворятся маломасштабными десантами союзников на Средиземноморье в 1943 году, пока Гитлер крушит их всей своей мощью. Недели позже британский премьер пожаловался, что его разработчики военных операций проявили слишком явную умеренность. Он даже не может себе представить, что скажут русские,

когда это поймут. Британский посол в Москве Кларк Керр вскоре указал премьеру, что, если не последует серьезной помощи со стороны западных союзников, это может подтолкнуть русских к сепаратному миру с Германией.

Конечно, Черчилль упомянул в своих послевоенных мемуарах о своем беспокойстве по поводу возможной реакции русских на отсутствие второго фронта как о свидетельстве того, что он не был неизменным противником таких планов и никогда намеренно не обманывал Сталина относительно возможности вторжения во Францию в 1943 году. В действительности к середине сентября британские начальники штабов с удовольствием обнаружили, что премьер постепенно соглашается с их неприятием наложения новой кампании во Франции на уже начатую в Северной Африке.

Определенно Сталин не пытался облегчить положение британского премьер-министра. Он снова и снова требовал от Черчилля и Рузвельта выполнения того, что он считал данным ими обещанием высадиться в Западной Европе не позднее весны 1943 года. Черчилль даже в конце концов признался своим подозрительным начальникам штабов, что действительно обещал Сталину нечто подобное во время своего визита в Москву в августе предыдущего года.

Хотя генерал Маршалл оставался принципиальным противником расточительному «барахтанью» в Средиземном море, американские военные больше не были единственными относительно западноевропейской альтернативы в 1943 году, да и адмирал Эрнест Дж. Кинг, командовавший американским флотом, его тоже не поддерживал. Черчилль давно считал, что Кинг более склонен к Тихоокеанскому театру. Учитывая неизменную позицию Черчилля и тот факт, что Рузвельт тоже постепенно склонялся к операциям на Средиземном море, вследствие ослабления его беспокойства о России, была заложена надежная основа для триумфа стратегии ограниченной войны сэра Алана Брука на предстоящей англо-американской конференции в Касабланке. Сталин, занятый ведением сталинградского контрнаступления, постепенно обретавший уверенность в

себе, не распознал опасность для своего дела в отказе посетить еще одну англо-американскую конференцию.

Фельдмаршал сэра Алана Брук, подчеркнув, что недостаток тоннажа и крупные силы немецкой армии во Франции были причинами переноса операции по вторжению на континент до 1944 года, на конференции в Касабланке, состоявшейся в январе, «протокнул» свой план кампании против Италии, а не против рейха. Более важными, хотя и не столь часто упоминаемыми причинами такого решения были существующие обязательства союзников на Средиземноморье после «Факела»¹, неготовность армии Соединенных Штатов ни к сражениям с немцами, ни к штабным совещаниям с британцами. Кроме того, следует назвать нежелание британских вооруженных сил идти на жертвы ради России, а главное, весьма убедительный подъем Красной армии после Сталинграда. Гарри Хопкинс вполне мог сказать премьер-министру, что считает результаты конференции в Касабланке довольно-таки слабым усилием Великобритании и США в 1943 году. Но в действительности, несмотря на многочисленные заверения, данные Сталину, объединенные начальники штабов были недостаточно преданы идее тотальной войны против Германии, чтобы переубедить своих британских коллег в вопросе открытия второго фронта в 1943 году. Кроме того, возрастающая вероятность вывода Италии из войны в самом ближайшем будущем чрезвычайно нравилась государственным деятелям, всегда больше заботившимся о факторах престижа, чем о настоящих военных достижениях.

Если, как прямое следствие решений в Касабланке, основная масса американской армии будет сражаться в 1943 году с японцами, на политическом уровне западные союзники тоже строго ограничили свою эффективность в борьбе против гитлеровского рейха. Президент Рузвельт, частично движимый чувством вины за отсутствие второго фронта и, как следствие, угрозой перемирия между нацистами и Советами, а также находясь под влиянием

¹ «Ф а к е л» — британско-американское вторжение в Северную Африку 8 ноября 1942 г.

бытующей у американских военных философии абсолютной войны, ведущей к абсолютной победе, провозгласил в Касабланке политику безоговорочной капитуляции, что явилось неожиданностью для Черчилля. Хотя премьер-министр попытался исключить Италию из ее положений — в конце концов, он хотел, чтобы она вскоре капитулировала, — он принял абсолютистскую политику Рузвельта в отношении главных сил оси. Вынудив американцев «проглотить» британскую стратегию ограниченной войны, наименьшее, что британский премьер мог сделать, — это согласиться с несочетающейся американской политикой абсолютных условий мира.

О прискорбном влиянии доктрины безусловной капитуляции на немцев и в особенности на растущую оппозицию немецкой армии Гитлеру упоминают часто. В мае 1943 года Гитлер признался Эрвину Роммелю в том, что осталось мало шансов выиграть войну. Тем не менее, заявил фюрер, страны оси должны сражаться с Западом до конца, нравится это немецким генералам или нет. Конечно, не говоря о Карфагенском мире, который он имел в виду для рейха, Сталин никогда не был так глуп, чтобы запятнать себя публичными переговорами с Третьим рейхом. Как раз наоборот, он всегда мог использовать угрозу пойти на это, чтобы получить больше уступок, включая второй фронт, от западных союзников. Кроме того, несмотря на нацистский произвол в России, советский диктатор никогда не имел проблем, связанных с общественным мнением, с которыми сталкивались выборные деятели демократических государств.

В какой-то степени вследствие очевидной тенденции к самообману, касающемуся переноса открытия второго фронта на 1944 год, с уклончивыми позициями президента и премьер-министра в течение следующих месяцев можно смириться. Тем не менее заявлять, как это сделали Рузвельт и Черчилль 26 января на конференции в Касабланке в письме Сталину, что главное желание западных союзников — отвлечь сильные наземные и воздушные силы немцев с русского фронта, было по меньшей мере нечестно. Руководитель американских военно-морских операций адми-

рал Кинг более точно определил политику союзников в Касабланке *vis-a-vis*¹ России следующими словами: не «успокоить Сталина», а «использовать русских в наших интересах».

Сталин ответил 30 января запросом дополнительных подробностей относительно открытия второго фронта в Европе в 1943 году, поскольку все еще считал это намерением союзников. Однако к середине января, когда зимнее наступление русских замедлилось, советский диктатор окончательно лишился иллюзий относительно одной из заявленных целей «Факела», а именно оказания помощи России. Немцы, как и раньше, продолжали укреплять Восточный фронт, перебрасывая резервы из Западной Европы. В переписке с Черчиллем Сталин оценил эти перебрасываемые резервы как двадцать семь дивизий, включая пять танковых. В конце января Сталин снова публично пожаловался на отсутствие второго фронта. Красная армия продолжала вести войну одна.

11 марта Черчилль направил Сталину длинное послание, в котором изложил, что в Западной Европе все еще остается около тридцати немецких дивизий, а в Великобритании имеется только шестнадцать британских дивизий для наступления во Франции. Большая часть британской армии, напомнил Черчилль, находится на Средиземноморье. Сталин дал ответ несколькими днями позже, увеличив количество немецких дивизий, переведенных с запада на восток, до тридцати шести, в том числе шесть танковых. В заключение Сталин напомнил, насколько «опасным для нашего общего дела» может быть «дальнейшее промедление с открытием второго фронта во Франции. По этой причине ваша неопределенность в отношении планируемого англо-американского наступления через Канал вызывает во мне огромное беспокойство, о котором я не могу молчать».

Только в июне, уже после того, как нахождение тел пропавших польских офицеров в Катыни взорвало всегда хрупкие советско-польские отношения, Сталин узнал, что

¹ В отношении (*фр.*).

открытие второго фронта отложено до 1944 года. Возмущение Сталина принятием таких основополагающих решений в его отсутствие стало причиной резкого послания от взбешенного Черчилля встревоженному британскому послу в Москве сэру Арчибальду Кларку Керру. Как и в разъяснениях его предшественнику, сэру Стаффорду Криппсу, премьер-министр оправдывал бездействие Великобритании на континенте в 1943 году «полным безразличием», проявленным русскими во время крайне тяжелых для англичан лет — 1939—1940. Черчилль, как и Сталин в то время, ведя речь о Красной армии, отказывался мириться с «бесполезным уничтожением британских войск» только ради того, чтобы преодолеть подозрения недоверчивого союзника.

Возможно, британское правительство желало отомстить русским за предательство Запада в 1939—1940 годах, но выигрывал от невозможности ведения коалиционной войны только Гитлер. Обиженный Сталин отказался встретиться с президентом Рузвельтом и вскоре отозвал своих послов в Лондоне и Вашингтоне Ивана Майского и Максима Литвинова. В июле советский диктатор пошел еще дальше и санкционировал создание национального комитета «Свободная Германия», в который вошли пленные немецкие офицеры, как открытый отказ от политики безоговорочной капитуляции Рузвельта. Действительно ли Сталин, вынужденный, после стольких обещаний, встретить летнее наступление немцев в Курске без помощи союзников, начал тайные переговоры с рейхом, неизвестно. Однако потенциальная возможность такого развития событий, так же как и остановки Красной армии на границе с Германией, была, и вполне могла заставить союзников проявить активность, особенно в 1941—1942 годах, когда вероятность краха советской армии была очень велика.

Союз России и Германии означает просто слияние двух рек, которые текут к одному морю, морю мировой революции. Национал-социализм подчинится политике гляйхшалтунг¹ с большевистской революцией или гляйхшалтунг подчинит эту революцию себе; что почти одно и то же.

Раушинг, 1939 г.

Если война будет проиграна, нация тоже погибнет. Эта судьба неизбежна. Больше нет необходимости рассматривать основу даже для самого примитивного существования. Наоборот, лучше уничтожить даже ее, и уничтожить самим. Нация оказалась слабой, а будущее принадлежит только сильным европейским нациям.

Гитлер, март 1945 г.

Нерон тоже был продуктом своей эпохи. Но после его смерти его статуи были разбиты, а имя стерто со всего. Месть истории ужаснее, чем месть самого могущественного генерального секретаря.

Троцкий, 1940 г.

Характерной особенностью войны является то, что она подвергает нацию проверке. Воздействие атмосферных условий приводит к моментальному распаду всех мумий; так и война выносит высший приговор социальным системам, которые пережили свое время.

Маркс

Глава 10

ГЛЯЙХШАЛТУНГ

После взятия русскими Сталинграда и потери всей 6-й армии Паулюса чары воздействия Гитлера на немецкую армию начиная с 1937 года начали рассеиваться. Даже министр пропаганды больше не осмеливался говорить о

¹ Унификация, подчинение господствующей идеологии (нем.).

фюрере как о полководце, военном лидере с признанной репутацией. В армейском Генеральном штабе вспомнили о предостережениях Людвига Бека, высказанных еще в 1937—1938 годах, зазвучала критика, стали формироваться заговоры против жулика, стоящего во главе армии и государства. Гитлер теперь вел жизнь одинокого волка и нередко кричал Геббельсу, что сыт по горло генералами. Он «не мог вообразить ничего лучшего, чем никогда не иметь с ними дела». Все генералы были «вероломными реакционерами», «противниками национал-социализма». Гитлеру был срочно необходим козел отпущения, на которого он мог возложить вину за все свои неудачи и разочарования.

И все же к весне 1943 года потери немцев в России оставались небольшими, особенно в сравнении с потерями Советского Союза — до миллиона убитых и пропавших без вести, в сравнении с 8—9 миллионами человек у русских. Тем не менее русские «восстали из пепла» и были готовы сражаться, правда имея на этом этапе очень небольшое превосходство в боевой силе и технике. Пока рейх потерял на востоке только одну жизненно важную вещь, но эта потеря была смертельной. Как и в Первой мировой войне, потенциально значительно более сильная коалиция врагов рейха выиграла время, жизненно необходимое для использования неотъемлемо присущих ей больших ресурсов. Гитлеровская азартная игра в блицкриг на основе ограниченной военной экономики провалилась так же решительно, как стратегия императорской Германии в 1914—1917 годах.

Особенно заметна аналогия между Первой и Второй мировой войной на Восточном фронте. Только потому, что Западный фронт был главным и решающим в Первой мировой войне, царские армии, плохо оснащенные и имеющие не слишком хороших командиров, смогли выдержать три года отступления до финального краха. Более того, царские войска 1914—1916 годов имели серьезное преимущество в людской силе над центральными державами. С другой стороны, в решающий период 1941—1943 годов советская армия сражалась с войсками стран оси, имея на

Восточном фронте численность от 2 до 8 миллионов человек против 4 миллионов человек у Германии и ее союзников.

Короче говоря, из-за огромных потерь 1941—1942 годов и огромной концентрации сил стран оси на востоке в это время Советская Россия не смогла серьезно воспользоваться преимуществом в людской силе над своими противниками. Тем не менее советская армия, ко всеобщему изумлению, выжила и одержала победу на главном (после июня 1941 года) театре военных действий Второй мировой войны. Царская Россия неудачно продемонстрировала две западные характеристики в войне, а именно искреннюю преданность союзникам и совершенно несоответствующую первоначальную военную промышленную базу. Большевицкая Россия изменила царские принципы на обратные и выиграла войну с помощью неискренних союзов и постепенно улучшающейся с 1939 до 1945 года военной промышленной базы. Если бы Троцкий не погиб от рук сталинского палача, он не смог бы упрекнуть своего противника в отсутствии реализма, по крайней мере в этом отношении.

Коммунистическая партия под руководством Сталина поддерживала мораль и дисциплину в России, как никогда не сумел бы Николай II. В этом отношении главным основанием большевистского прихода к власти в 1917 году стало более реалистичное понимание коммунистическими лидерами значения войны и насилия, чем проявленное их более консервативными соперниками в России. Советы, рожденные как плод поражения царской России от рук императорской Германии, смело смотрели в лицо проблемам и успешно их решали, причем значительно более серьезные, чем те, с которыми доводилось сталкиваться их предшественникам. В конце концов, сталинский коммунизм был создан именно для преодоления неодолимых проблем ценой больших жертв и великой крови. Именно поэтому нацист левого крыла, доктор Геббельс, в мае 1943 года заявил, что «Советский Союз жив только потому, что он населен русскими, над которыми господствует большевизм, как диктатор». Геббельс теперь отлично по-

нимал, что недомыслие нацистов в преследовании великороссов, как и славянского патриотизма в целом, под ужасным крылом Сталина, уничтожало «единственную возможность рейха довести войну на востоке до удовлетворительного конца».

Если Гитлер пожинал плоды сталинской пораженческой паранойи в 1937—1941 годах, советский диктатор извлек выгоду из последствий глупости Гитлера, его излишней самоуверенности, жесткости и варварства после этого. В 1937—1939 годах Сталин нанес большой ущерб командованию Красной армии и запятнал репутацию Советского Союза как потенциального противника Запада. Не удовлетворившись этим, в 1939—1940 годах Сталин продолжал охранять тыл своего смертельного врага, Гитлера, пока он был занят ликвидацией последних потенциальных союзников России в Западной Европе. Одновременно советский диктатор трудолюбиво захватывал никудышные территории Финляндии и Румынии, неизбежным следствием чего стало приобретение новых смертельных врагов. И наконец, плененный собственными завоеваниями, Сталин выдвинул части Красной армии и военно-воздушных сил слишком далеко вперед на недавно оккупированные и еще не укрепленные территории балтийских государств и Восточной Польши.

Неохотное изменение политики Сталиным в последнюю минуту, после множества предупреждений весной 1941 года, по крайней мере, помогло втянуть немцев в действия на Балканах накануне операции «Барбаросса», а также избавить советский тыл от активной японской угрозы. С другой стороны, якобинское упорство советского диктатора, летом 1941 года настаивавшего на наступательной стратегии без отступлений, настолько обескровило Красную армию, что она лишь летом 1943 года смогла организовать успешное продолжительное наступление против немцев. Конечно, к середине 1943 года неопытность советских вооруженных сил уже была в основном преодолена, а поток американской техники, продовольствия, топлива и средств связи дал армии мобильность, необходимую для освобождения Украины. Более того, как было и с Гит-

лером в периоды его успеха, когда Сталин в конце концов смог наступать, его разногласия со Ставкой перестали иметь столь катастрофичные результаты. Победа — великолепный катализатор гармонии в Верховном командовании.

Гитлера можно осуждать за то, что он ввязался в 1939 году в нежеланную войну с Западом, хотя, как и в 1914 году, двусмысленности британской политики сначала были сложны для понимания немцев, а потом стало уже слишком поздно. После этого в течение следующих двадцати месяцев большая стратегия Гитлера приняла форму гигантской окружности. В начале осени 1939 года интересы фюрера сконцентрировались на востоке — в Польше. Зимой его внимание переместилось к северу — в Финляндию. Гитлер мудро воздержался от вмешательства в этот грандиозный советский провал. Возможно, он ожидал открытого столкновения русских с Западом в этот особенно мрачный период войны.

Весной 1940 года Гитлер начал успешные наступления на севере Норвегии, а затем на западе — против стран Бенилюкса, Франции, Великобритании. К осени 1940 года он уже обратил свой взор на юго-запад — на Испанию. Далее Гитлер был вынужден прийти на помощь своему слабеющему союзнику — Италии. Немецкая военная помощь в январе—феврале 1941 года была направлена на юг — в Ливию и Сицилию, а весной 1941 года — на Балканы. Только летом 1941 года Гитлер смог вернуться к своей изначальной цели — славянскому востоку. Учитывая политические, стратегические, логистические, климатические и экономические условия, операция «Барбаросса» никак не могла начаться раньше июня 1941 года. Не могла она начаться и существенно позже, сохраняя надежду на успех.

Время, выбранное Гитлером для нападения на Россию, нельзя было назвать ошибочным, а недооценку советского военного потенциала — удивительной. Сказался всеобщий оптимизм, господствующий среди его военных советников, относительно отсутствия у России шансов уцелеть. Излишняя самоуверенность Гитлера и хитрость Сталина привели фюрера к неправильной оценке японцев, что мог-

ло стоять ему войны. Конечно, вполне возможно, что никакая политика немцев не смогла бы сделать японцев активными союзниками в войне. Необходим был полный успех операции «Барбаросса», чтобы Токио смог справиться с воспоминаниями об унижительных встречах с Красной армией в 1938—1939 годах и напасть на Советский Союз в 1941—1942 годах.

Уже на стадии разработки плана «Барбаросса» было ясно, что фюрер полководцем не является. Оглядываясь назад, можно утверждать, что только раннее предложение Рундштедта о начальном ударе на Ленинград, за которым последует сходящееся движение на Москву, могло быть обеспечено адекватной логистической поддержкой. Впоследствии Украина могла быть оккупирована с севера, как хотел Гальдер, с использованием жизненно важного Московского железнодорожного узла против русских. Таким образом, логистический провал зимой 1941/42 года можно было предугадать независимо от климатических условий. Непоследовательные и нелогичные стратегические решения Гитлера в 1941 году, при активной помощи Сталина, уничтожили почти всю Красную армию июня 1941 года. Будь у немцев немного больше профессионализма и танков, они смогли бы добиться решающего успеха против Красной армии раньше, чем наступила зима и в европейскую часть России прибыли сибиряки.

К 1942 году шансы на успех быстро таяли. Однако и логически понятное возобновление непривлекательного наступления на Москву, и еще более «невкусное» возвращение на короткую сильную линию фронта 1939—1941 годов, как предлагал Лееб, было отвергнуто Гитлером. Фюрер предпочел ведение ограниченной экономической войны против Советского Союза, как будто фактор времени ничего не значил для рейха. Возможно, так оно и было после вступления американцев, а вся Сталинградско-Кавказская кампания оказалась не более чем весьма зрелищным последним разгулом неудачливого азартного игрока. Конечно, увольнение Гальдера и опала Йодля значили не меньше, чем логистический опыт рейха в Первой мировой войне, когда его армии в 1918 году вышли к тогда лег-

че достижимому Кавказу, но тоже остановились, вдалеке от гораздо более важных целей на севере.

В 1943 году цена, заплаченная за жесткую оборону, от которой не желал отказываться фюрер, стала настолько очевидной, что Риббентроп, Муссолини и японцы стали открыто пытаться стать посредниками в переговорах с Россией, считая это единственным выходом из тупика, в который зашел дискредитировавший себя гитлеровский крестовый поход против большевизма. Гитлер, лишившись к сентябрю 1941 года итальянского союзника, сам согласился на идею переговоров с Советами, но сразу признался министру иностранных дел: «Знаете, Риббентроп, если я и договорюсь с Россией сегодня, то снова схвачусь с ней завтра. Я ничего не могу с собой поделать». Через несколько месяцев фюрер вновь подтвердил свои слова, заявив, что Сталин не был серьезно настроен на переговоры с рейхом, он лишь надеялся таким образом заставить союзников ускорить открытие второго фронта. Заметим, что политическая интуиция редко подводила фюрера, и в данном вопросе он вполне мог быть недалек от истины.

К 1944 году заговорщики в рядах немецкой армии, не желавшие мириться с безрассудными приказами фюрера и бывшие не в состоянии установить контакты с русскими, захотели перевести лучшие немецкие дивизии с запада, чтобы укрепить разваливающийся фронт группы армий «Центр» на востоке. Там в июле 1944 года благодаря надлежащему использованию массовых танковых формирований и превосходству в воздухе русские окружили многочисленные немецкие войска, которым Гитлер запретил отступать. Как уже было сказано, упрямое преследование фюрером политических целей без стратегии ослепило его настолько, что сделало бесплодными и его политику, и импровизированные стратегические решения. Сталин в свое время сказал, что Гитлер был очень способным человеком, правда, по существу, не слишком умным. А по мнению Гальдера, причина неудачи Гитлера в роли полководца заключается в его неспособности к эффективному мышлению в большой тактике, иначе говоря, в невозмож-

ности для него сочетать страсть к технологии с требованиями общей стратегии.

Если в конфликте со Сталиным Гитлер потерпел неудачу в значительной степени из-за элементарной глупости, его заявление о триумфе силы воли над объективными расчетами стратегии постепенно привело его к кровавому конфликту с собственным Генеральным штабом. Весной 1945 года, когда крах Третьего рейха стал очевиден всем, Гитлер уже не выбирал слова в разговоре с начальником штаба, которым тогда был генерал Гудериан. Он кричал: «Для меня невыносимо, что кучка интеллектуалов осмеливается навязывать мнение своим руководителям. Но такая система Генерального штаба, и эту систему я намерен уничтожить». Временами Сталин, несомненно, имел основания чувствовать то же самое, но, как высший священнослужитель детерминистской религии, Сталин едва ли отвергал рациональную военную доктрину так же грубо, как это делал фюрер, всегда находившийся под властью эмоций. Очевидно, Сталин действительно вместе с Молотовым в 1930-х годах посещал лекции генерала Шапошникова в Военной академии имени Фрунзе, где проникся идеями Клаузевица и духом немецкой армии.

Несмотря на варварство нацистской политики по отношению к русским, несущей в себе зародыши самоуничтожения, за которую даже в октябре 1943 года все еще выступал Гиммлер, и несмотря на прежнее неприятие фюрером идеи, «что час России или США пришел», весной 1945 года гитлеровское параноидальное отождествление с ненавистным Советским Союзом стало безошибочным. Отказав Гудериану в ресурсах, никому не нужных в Норвегии, Венгрии или Латвии, но жизненно необходимых для защиты Берлина от русских, австрийский выскочка смог, по крайней мере, отомстить Пруссии и ее аристократическому Генеральному штабу, оказав помощь Красной армии. Неудивительно, что уважение Гитлера к Сталину и тому, что он называл грандиозным свершением советского правителя, создавшего Красную армию, возрастало по мере восстановления сил Советского Союза. В конце концов, Сталин добился действенности политики гляйхшал-

тунг Третьего рейха и большевистской России, что было предсказано Германом Раушнинггом еще в 1939 году. Именно гляйхшалтунга не сумел добиться Гитлер в его великом крестовом походе против Советского Союза. Коммунистические преемники Гитлера в Восточном Берлине получили хорошую возможность реализовать отвратительные детали на месте на протяжении двух следующих десятилетий.

Ход официальных англо-советских отношений до и во время Второй мировой войны был намного менее противоречивым, чем отношения между немцами и русскими, которые колебались от открытой враждебности до недоверия. Конечно, консервативные правительства, предшествовавшие Черчиллю, ненавидели и недооценивали Советский Союз. А более объективный Черчилль так никогда и не был прощен Сталиным за свою ведущую роль в западной интервенции в Россию в конце Первой мировой войны. Испытывая сильный и вполне обоснованный страх перед нацистской Германией, Советы сначала имели тенденцию недооценивать военный потенциал британских союзников, а впоследствии они серьезно переоценивали возможности Великобритании вести наступательные действия. Короче говоря, в период с 1939 по 1945 год Советы просто не могли считать более расточительные стандарты западных обществ в войне необходимыми или верными. Более того, коммунистическое правительство, рожденное предательством западных держав в 1917 году, не могло проявить лояльность западному альянсу после 1939 года, какими бы трагическими ни могли быть последствия такого предательства для Советского Союза в 1941—1942 годах.

Еще осенью 1939 года Черчилль был вынужден признать, что советская политика в своей основе посвящена параноидальной или абсурдно недалновидной концепции исключительно собственных интересов. А неискренность, вульгарность и безжалостность, присущая революционным режимам, еще более затруднила установление эффективных коалиционных отношений, даже когда нападение Германии сделало Советский Союз вынужденным союзником Великобритании. Впоследствии неспособность Черчилля полностью использовать свой все еще не слищ-

ком уверенный контроль над Консервативной партией, не говоря уже о нерешительных начальниках штабов в вопросе открытия второго фронта, естественно, привела к обвинениям американцев и русских в неискренности в этом фундаментальном аспекте. Более того, как указал премьер министру британский посол в Советском Союзе в 1943 году, многие обманчивые западные заверения на этот счет породили у русских еще более сильное недоверие к Западу.

То, что это было *bona fide*¹ советское дело, видно из немецких документов, захваченных американской армией, документов, из которых явствует, что 94% немецких потерь в июне 1941 — декабре 1943 года были понесены только на Восточном фронте. Определенно последующие советские заявления, что открытие второго фронта намеренно затягивается, чтобы ослабить СССР, отдают обычной *ex post facto*² антизападной пропагандой. Однако в 1943 году русские вполне обоснованно чувствовали себя преданными, впрочем, так же как и Запад в 1939 году. Хотя большая стратегия англичан, конечно, не была рассчитана на нанесение ущерба Советскому Союзу в 1942—1943 годах, не была она, как утверждалось в то время, направлена и на помощь ему. В точности такую же политику вели японцы по отношению к Германии: она просто вырабатывалась и поддерживалась, и в ней не более чем *pro forma*³ учитывались интересы Советского Союза. Но в отличие от японцев британцы были спасены благодаря выживанию своего более сильного союзника.

Когда англичане в конце концов под давлением союзников были вынуждены в 1944 году вторгнуться во Францию, вторжение было предпринято главным образом в интересах Запада. О крахе Советского Союза речь уже не шла. В это время советской армии уже не требовалось ничего, кроме западного снабжения, хотя, безусловно, открытие второго фронта несколько облегчило военные действия Советского Союза в Польше и на Балканах. Но Западный

¹ Истинный, настоящий, подлинный (лат.).

² Имеющий обратную силу (лат.).

³ Для проформы (лат.).

второй фронт мог, по крайней мере, удержать русских от жизненно важного Рура, так же как и от Рейнской области, а этого никогда бы не добилось даже самое крупное наступление союзников на Средиземноморье.

Поскольку американцы оставались несведущими относительно основных намерений русских, были виновны в задержке открытия второго фронта и стремились любой ценой обеспечить участие Советского Союза и в войне на Тихом океане, и в Организации Объединенных Наций, после 1944 года Сталину оставалось только преодолеть сопротивление англичан проведению его политики в Европе. Терпеливый государственный деятель, который, в отличие от Гитлера, знал, когда и где следует остановиться, Сталин в течение последнего года войны оказывал давление на слабеющую и изолированную Великобританию — какое хотел. Когда в Варшаве в августе 1944 года или в Афинах в декабре того же года он понял, что зашел слишком далеко, он отступил, хотя и не извинился. Извинения были не для правителя, который претворял в жизнь самые дикие мечтания царя-славянофила.

Упорство Сталина, дисциплина большевистской партии и великорусский патриотизм доказали свою возможность противостоять, а потом и отбросить назад великий крестовый поход Гитлера. И к 1945 году фюрер завершил уничтожение немецкой гегемонии над славянским востоком, начало которой положили его безумные предшественники в Берлине и Вене столетием раньше. Славянские народы наконец смогли оттеснить германцев туда, где они жили в раннем Средневековье, то есть, по крайней мере, в одном аспекте миссия Гитлера была успешной. В условиях временного вакуума власти, созданного в Центральной Европе некомпетентностью и почти полным безумием Гитлера, Сталин мог надеяться приспособить противоречивые идеологические корни своего могущества, марксистского мессианства и империализма славянофилов. Наконец, на распростертом теле Третьего рейха Лев Троцкий и Третий Рим могли снова стать одним.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1. Страстная дружба</i>	
1918 г. — 3 сентября 1939 г.	8
<i>Глава 2. Неправильные войны</i>	
3 сентября 1939 г. — 18 июня 1940 г.	36
<i>Глава 3. «Ауфбау-Ост», или «Сосредоточение на Восток»</i>	
14 июня — 14 ноября 1940 г.	56
<i>Глава 4. «Барбаросса»</i>	
14 ноября 1940 г. — 22 июня 1941 г.	77
<i>Глава 5. Мыльный пузырь</i>	
22 июня — 20 сентября 1941 г.	122
<i>Глава 6. Зимний кризис</i>	
25 августа — 31 декабря 1941 г.	153
<i>Глава 7. Последний шанс</i>	
1 января — 19 августа 1942 г.	176
<i>Глава 8. Падение Гальдера</i>	
4 августа — 19 ноября 1942 г.	201
<i>Глава 9. Контрнаступление на Дону</i>	
19 ноября 1942 г. — весна 1943 г.	221
<i>Глава 10. Гляйхшалтунг</i>	242

Хиггинс Трумбулл
ГИТЛЕР И СТРАТЕГИЯ БЛИЦКРИГА
ТРЕТИЙ РЕЙХ В ВОЙНЕ НА ДВА ФРОНТА
1937—1943

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгеля*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.Н. Должикова*
Корректор *М.Г. Смирнова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.08.2009.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 13,07.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 2676.

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ООО «Спектр-П»
305025, г. Курск, ул. Строительная, 8